

***Cross-Cultural Studies:
Education and Science (CCS&ES)***

Volume 2, Issue 1, March 2017

The American scholarly journal Cross-Cultural Studies: Education and Science (CCS&ES)
ISSN-2470-1262 is both moderated and refereed

The main goal of the journal is to provide an intellectual platform for scholars from different countries.
The journal supports interdisciplinary studies in the humanities and social sciences.

Editor-in-Chief: Prof. Thomas R. Beyer, Middlebury College, USA

Managing Editor: Prof. S.M. Minasyan, ASPU, Yerevan, Armenia

International Scientific Board:

Prof. Kitajo M., Kyoto Sangyo University, Kioto, Japan

Prof. Kuprina T., Ural Federal University, Yekaterinburg, Russia

Prof. Minasyan S., Armenian State Pedagogical University after Kh.Abovyan, Yerevan, Armenia

Prof. Olcay T., Istanbul University, Istanbul, Turkey

Prof. Petrikova A., Prešov University, Prešov, Slovakia

Prof. Perotto M., Bologna University, Bologna, Italy

Prof. Romanova N., Moscow State Technical University after N. Bauman, Moscow, Russia

Prof. Wang Liye., Beijing Foreign Studies University, Beijing, China

Editorial Board:

Božić R., Associate Professor, Ph.D., University of Zadar, Zadar, Croatia

Ciprianová E., Associate Professor, Ph.D., Constantine the Philosopher University, Nitra, Slovakia

Koryčánková S., Assoc. Prof. PhDr. Mgr. Ph.D., Masaryk University, Brno, Czech Republic

Ruda O., Associate Professor, Ph.D., Constantine the Philosopher University, Nitra, Slovakia

Ushakova N., Professor, Dr. of Pedagogics, V.N.Karazin, Kharkiv National University, Kharkiv, Ukraine

Address for correspondence and submissions:

Prof. Thomas R. Beyer

e-mail: beyer@middlebury.edu

infoccs.edu@gmail.com

Tel: +001-802-233-9447

Web: <http://sites.middlebury.edu/ccses/>

 WorldCat® WorldCat (OCLC) -Logos of some of our partners in the WorldCat knowledge base: ProQuest, EBSCO, Elsevier, Springer, Taylor and Francis, McGraw Hill Education, Wiley, Ingram, Cambridge University Press, Gale Cengage Learning, ebrary, Oxford University Press.

ELSEVIER

WILEY

INGRAM

Scientific Index- ПИИЦ

The scientific journal is registered with
Library of Congress, International
center 227/07, Section ISSN Publisher
liaison

The Library of Congress
101 Independence Avenue SE
Washington, D.C. 20540-4284

Publisher address: Russian Department, Middlebury College, Middlebury, Vermont 05753, USA

The journal is issued three times a year. Articles are accepted from 1 February to 1 November in the preliminary application. Authors' opinions may not correspond with the editorial standpoint

Copyright © CCS&E

Thematic Orientation

1. Intercultural Pedagogy: Theory and Practice.
2. Informational and Smart Technologies for Education.
3. Contemporary Issues of Linguistics, Communication and Translation
4. Theory and Methodology of Bilingual and Multilingual Education.
5. Literature: Historic and Contemporary
6. Socio-cultural Issues of Migration and Demography.

Reviews and Notes

News

CONTENTS

From the editorial board

- YEAR TWO: BOLDER STEPS – *Thomas R. Beyer,*** 6
Middlebury College, USA

Literature: Historic and Contemporary

1. **S.M. SOLOVYOV’S IDEA ABOUT RUSSIAN** 8
CHARACTERISTICS – *Yang Mingtian,*
Shanghai International Studies University, Shanghai, China
2. **MODELS OF AUTHOR’S CONSCIOUSNESS IN** 24
RUSSIAN LANGUAGE LITERATURE IN GEORGIA-
T. G. Megrelishvili, Georgian Technical University,
Z. Sh. Guramishvili, Georgian Technical University, Tbilisi, Georgia

Intercultural Pedagogy: Theory and Practice

1. **ELECTIVE COURSE “PRAGMATICS OF THE** 37
RELIGIOUS DISCOURSE” AS A FRAGMENT OF
THE NEW KNOWLEDGE PARADIGM (MASTERCLASS)-
Beisembayev A. R., Innovative University of Eurasia,
Pavlodar, Kazakhstan
2. **ENGLISH LANGUAGE EDUCATION POLICIES** 49
IN EAST CENTRAL EUROPE:THE CASES OF
SLOVAKIA AND UKRAINE -*Elena Ciprianova,*
Constantine the Philosopher University, Nitra, Slovakia,
Svetlana M. Minasyan, Kh. Abovyan Armenian State Pedagogical
University, Yerevan, Armenia, Olga Ruda, Constantine the
Philosopher University, Nitra, Slovakia

Contemporary Issues of Linguistics and Translation

1. EXPERIMENTAL INTEGRATIVE ANALYSIS OF
VERBALIZED MENTAL CONSTRUCT –
<i>Vardzelashvili Janeta, Georgian Technical University,
Pevnaya Natalia, Ilia State University, Tbilisi, Georgia</i>	67
2. LINGUISTIC APPROACHES TOWARD THE STUDY
OF ELLIPTICAL SENTENCES FROM A HISTORICAL
PERSPECTIVE - <i>Moskvitina Larisa Ivanovna,
Mining University, Saint Petersburg, Russia</i>	79
3. THE LINGUISTIC LANDSCAPE IN KAZAKHSTAN:
GLOBALIZATION, TRIGLOSSIA AND OTHER
PUZZLES - <i>Sholpan Zharkynbekova, Damira Akynova,
Aliya Aimoldina, L.N. Gumilyov Eurasian National University,
Astana, Kazakhstan</i>	89

**Theory and Methodology of Bilingual and
Multilingual Education**

1. TEACHING RUSSIAN TO AMERICAN STUDENTS
THROUGH LANGUAGE WORK ON FILMS AND
STORIES ABOUT WOMEN - <i>Alfia Rakova,
Dartmouth College, Department of Russian Language
and Literature, Dartmouth, USA</i>	100
2. LITERARY BILINGUALISM: PROBLEMS OF THEORY
AND CREATIVE PRACTICE - <i>Monica Perotto, Bologna
University, Bologna, Italy</i>	107

Reviews and Notes

E. D. Frolova, L. A. Kriventsova, T. V. Kuprina
WORLD ECONOMY AND INTERNATIONAL
ECONOMIC RELATIONS: a textbook / E. D. Frolova,
L. A. Kriventsova, T. V. Kuprina. – Yekaterinburg:
UrFU, 2016. – 157 p.
ISBN 978-5-7996-1782-0	116

From the editorial board

Thomas R. Beyer, Middlebury College, USA

YEAR TWO: BOLDER STEPS

This marks the first issue of Volume 2 of *Cross Cultural Studies: Education and Science* (CCS&ES), *Кросс-культурные исследования: Образование и Наука*. From its modest beginnings one year ago our bi-lingual title has recognized both the American and English language home in Middlebury, Vermont, and the international community of scholars interested in Russia, the Russian language, culture and literature. Lately even greater attention has been directed to the presence of English and its role in Slavic speaking nations and the independent states that emerged from the Soviet Union. Clearly we are well into the twenty-first century both thematically and formally.

The decision to provide our journal in print and electronic format has also proved farsighted. Dozens of visitors, hundreds of views from over a dozen nations highlight the statistics for the electronic versions of the journal found at <http://sites.middlebury.edu/ccses/>. We invite you to revisit or catch up on the work of your colleagues.

Even as the reach of our journal has grown so has the number of contributors from far and wide. In these times, perhaps more than ever, we require sound fact based information, the result of scholarly investigation and scientific examination, to inform us objectively. Indeed, only such careful work by scholars can hope to provide a culture of civil inquiry and discussion so sorely needed.

This current issue builds on the work of previous contributions, but it also expands the range of our vision. Professor Yang Mingtian demonstrates the endurance of the written word examining as *the other* a Russian historian, Sergei Solvoyov, who in turn was exploring the defining characteristics of the Russian people in the middle of the ninetieth century. Ironically our Chinese colleague relies in part on electronic versions of these 150-year-old texts. The international nature of Russian literature, its global reach, finds expression in the investigation of the personality of the author in the Russian language literature written Georgia. The study by colleagues at the University of Tbilisi exemplify the global reach of reach questions and concerns.

From theory to practice A. R. Beisembayev from Kazakhstan explores how elective courses with content can be used to refine the ability of students and instructors to engage in religious discourse. A true model of international cooperation is provided in a study of English language instruction and policies and their long-term implications in both Slovakia and Ukraine provided by a team of Slovak and an Armenian colleague. Linguistics as in previous issues offers three different approaches to the issues of language and languages. Two Georgian scholars, Janeta Vardzelashvili and Natalia Pevnaya, look at the relationship between thought and verbalization in Russian. A

historical approach is taken by a Russian colleague, Larisa Moskvitina, from Saint Petersburg who examines elliptical sentences in Russian. The multilingual aspect of our journal and research interests is highlighted in an examination of Kazakh, Russian and English by the team of Sholpan Zharkynbekova, Damira Akynova, and Aliya Aimoldina from Kazakhstan.

Teaching and pedagogy, are also prominently represented, first by Alfia Rakova of the United States who uses film to compensate for the feminine and gender issues poorly represented in materials used for teaching of Russian to American students. Our Italian colleague, Monica Perotto, illustrates the increasing use of bi-lingualism and self-translation among Soviet authors in the post Soviet period. Finally, our issue concludes with review of a textbook valuable for students intending to use language in the world of business.

We are proud of where we have come in just one short year, but see the past issues as merely a prologue to a continued vibrant discussion of pertinent questions that merit your attention. We welcome your comments and contributions.

Literature: Historic and Contemporary

УДК (UDC) 82-9

**Yang Mingtian, Dr., Professor,
Doctoral supervisor, Shanghai International Studies University,
Shanghai, China**

ИДЕИ С.М. СОЛОВЬЕВА О РУССКОМ ХАРАКТЕРЕ

S.M. SOLOVYOV'S IDEA ABOUT RUSSIAN CHARACTERISTICS

Abstract

In China investigation on Russian characteristics refers to an extensive literature regarding natural conditions. Almost no one mentioned Solovyov's contribution (Sergei Mikhaylovich Solovyov, 1820-1879) in this field except for a few scholars who have mentioned the points from Klyuchevsky's contribution (Vasily Klyuchevsky, 1841-1911, Solovyov's student). Solovyov's pioneering study should be mentioned when we discuss the impact of natural conditions on Russian national characteristics.

These characteristics of ancient Russian people, which Solovyov summarized according to the natural conditions and historical records, have been explained and confirmed. Solovyov's interpretation, starting from the natural conditions and historical facts, and adhering to the basic point of view of the development, according to the principles of the Dialectic, is worthy of further attention. Some of the conclusions he obtained have a certain logic. Solovyov did not examine the problems of the productive forces and relationship of production in these are as, and his ideological trends were objective idealism. Nevertheless, the causes of some of the features of the Russian people he tried to explain not from the view of Destiny, but from the natural conditions, emphasize the impact of natural conditions on the ancestors, which is reasonable.

When Solovyov studied the phenomenon of national history, he focused on the universal laws of human life. His explanation was based on the philosophy of history. Solovyov's writings explained the characteristics of the Russian people. These were identified by the historian in view of natural conditions and historical facts. Compared to such surveys in philosophical reflection, sociology or psychology, his conclusions are credible. That is reason for rereading Solovyov's writings today.

Keyword: *S.M.Solovyov, Russia, characteristics.*

Introduction

Sergei Mikhailovich Solovyov (1820-79) was a Russian historian, whose major work was “*The History of Russia from the Earliest Times*” (1-29 volumes, 1851-79). He was “the founder of Russian historical science in bourgeois genre.” Acknowledging the law of historical development, the accumulation of actual materials, taking scientific critical attitude to historical documents, these were his contribution to the science of history, but he explained the course of history from the idealist stance. In his books, political history was primary, state power was seen as the major factor in the development of history. He did not admit to the role of the public, the class struggles in the course of history, however, he supported the bourgeois reform ...”¹

Solovyov thought that some of the common features of Russia summed up the development model of Russian history. Much of his thought, when Solovyov first made it known to public, was new, and later (after 1879) was quickly accepted by social consciousness.² Solovyov “using the method of the Russian history science in the first half of the 19th century, tried to solve research tasks, he first of all looked again at all the historical materials of the Russian people from the middle of the 9th century to the 1770s, linked the scattered fragments of historical documents with a unified idea, so that people could see the complete events in Russian history.”³ The philosophical basis of the unity of thinking — a contradictory unity of opposites and development was deeply influenced by Hegelian (1770-1831) dialectics,⁴ Herodotus’ (about 490-480 B.C. to 425 B.C.) theory, showing that geographical environment affected human society.

Maxim Gorky (1868-1936) once said, reading Solovyov’s material-rich historical works, you can understand the psychology of the Russian people and Russian intellectuals.⁵ Let us put aside the historical data, and look at some of Solovyov’s general views, for example: the impact of the natural conditions on the Russian historical process; the ancient Russian way of life of the upper class; the spread of Christianity and the role of education; the characteristics of the residents of ancient North and South Russia, etc. Much of our domestic literature that explores the Russian national characteristics has generally involved natural conditions. Beyond some of the points mentioned Klyuchevsky’s idea (Solovyov’s student, 1841-1911), less literature addresses Solovyov’s contribution in the field. Discussing the impact of the natural conditions on the Russian national characteristics, Solovyov’s pioneering study cannot fail to be mentioned. The content of these aspects can help students to learn about Russia, to grasp some of the common features of the Russian people, and to understand some of the content of the Russian national character.

¹ Lib_ru-Классика Добролюбов Николай Александрович_ Учебная книга русской истории.mht (Nikolay Dobrolyubov Aleksandrovič, Educational Book of Russian history)

² Lib_ru-Классика Ключевский Василий Осипович_ Сергей Михайлович Соловьев.mht (Vasily Klyuchevsky Osipovič, Sergey Mikhailovich Solovyov)

³ Lib_ru-Классика Ключевский Василий Осипович_ Памяти С_ М_ Соловьева.mht (Vasily Klyuchevsky Osipovič, Solovyov 's memory)

⁴ Lib_ru-Классика Соловьев Сергей Михайлович_ С_ С_ Дмитриев_ Соловьев — человек, историк.mht (Dmitriev, Solovyov – a man, historian)

⁵ As above.

Understanding the history of the people, we also know what kind of people they are.⁶ “History first of all is the science of self-awareness of the people. For the population the best way of understanding themselves is to get to know others, and compare themselves with them.”⁷ “In history we cannot directly observe phenomena; we watch with someone else’s eyes, listen with the ears of others. Carefully studying the external nature clarifies the impact of this nature on human life, the impact on human society, but this is just one aspect of things, limited to this, indulged in this, it is harmful for science.”⁸ The subjectivity of the researcher makes him search in the history for the things “that he just needs, not to pay attention to many other aspects, the resulting one-sidedness of his views is not intentional.”⁹ It is clear that Solovyov’s understanding of his own views is quite objective.

I. The metaphor of “Mother Nature”

Solovyov accepted Herodotus’ viewpoint, the thought that the course of events (history) is always subject to the constraints of the natural conditions.¹⁰ Russian natural conditions and its impact are as follows:

The main territory of activities of the ancestors of the Slavs was a vast area from the White Sea to the Black Sea, from the Baltic to Caspia Sea. There were no compelling heights on this vast plain, there was no obvious transition zone. The monotony of natural forms weakened the interdependence between regions, so that the residents engaged in repetitive activities, the result of which was a repetitive fashion and faith; similar habits and beliefs eliminated hostile conflicts between residents; similar requirements required the same means.

Herodotus also pointed out that a large number of rivers of eastern European plain constituted a big net, it irrigated the plain. Its residents could not avoid this water system in order to maintain an independent life. In general, the rivers were the wizard of the ancestors, the tribes lived along the rivers, and the first castles were built at the banks of the rivers. Big rivers flowed to the east or south-east, which also defined the main direction of development of the Russian national geography, and promoted the unity of the people and nations.

Solovyov came to this conclusion: no matter how wide was the plain, no matter how many different races its residents attached to it. The plain would eventually become a country’s territory. That was why the Russian national territory was so large, its individual components were monotonous and there was close contact between these parts.

⁶ Lib_ru - Классика Соловьев Сергей Михайлович -Взгляд на историю установления государственного порядка в России до Петра Великого.mht (Solovyov Sergey Mihajlovič, View of history of the State order in Russia before Peter the great)

⁷ Lib_ru- Классика Соловьев Сергей Михайлович_ Наблюдения над исторической жизнью народов.mht (Solovyov Sergey Mihajlovič, Observations on the historical life of people)

⁸ As above

⁹ As above

¹⁰ Lib_ru- Классика Соловьев Сергей Михайлович_ Взгляд на историю установления государственного порядка в России до Петра Великого.mht (Solovyov Sergey Mihajlovič, View of history of the State Order in Russia before Peter the Great)

Solovyov had the following views about the impact of the nature on history:

(A) Nature: the biological mother and stepmother

For inhabitants, nature has a dual role to promote or to constrain their historical development. Solovyov thought that if nature played a catalytic role in the historical development of the residents, then the nature for citizens was as the biological mother; if the nature constrained the historical development of the population, such a nature was unfair to the residents as the stepmother. Solovyov described nature in this biological mother and stepmother opposition.¹¹ Solovyov's main idea is as follows:

Judging from the map of Europe, there were significant differences between the eastern and western parts. In the west, the land was scattered, islands and peninsula coexisted, there was a range of mountains, the people and the states were not of the same; there was only one country in the eastern part of the vast plain. If social life wanted a rapid development, it needed favorable natural conditions, such as the nearness to the ocean, a long coastline, appropriate national geographic size, convenient natural traffic, suitable climatic conditions, and so on. In contrast to Western Europe, Eastern Europe did not have these characteristics. Nature to Western Europe and its citizens was the biological mother; nature to Eastern Europe, to its citizens was the stepmother.

Looking back the history of the development of Europe, the superior natural conditions made great contribution to the development of early civilizations and achievements. In the history of the expansion of the European civilization, it was universal acknowledged that due to the instructions of the nature, civilization developed gradually from the west to the east, because of the most favorable conditions for the development of early civilizations in the west, farther to the east, and such favorable conditions became less. In the process of continuous struggle between Eastern Europe and Asia, the development of Western Europe surpassed Eastern Europe.

Solovyov confirmed that nature to Western Europe was the biological mother; to the Eastern Europe it was the stepmother. In Western Europe, it promoted the development of civilization. However in Eastern Europe, it hindered the development of civilization. The reason why the Russian people understood Greek and Rome culture, boarded the stage of history later than Western people was that Russia lay near Asian nomads who continued to fight with each other.

On the role of the natural conditions, Solovyov also talked about a European mountain and forest opposition, the Russian forest and steppe opposition. He clearly expressed the restrictive action of the natural environment.

(B) Mountain and forest¹²

Solovyov thought that differences in natural conditions between Eastern and Western Europe were reflected in Russia and Western Europe historical differences. Western Europe was mainly

¹¹ С.М.Соловьев-История России с древнейших времен. Том 13. Глава 1. Россия перед эпохой преобразования.mht (Solovyov: History of Russia from Earliest Times, Volume 13, Chapter 1, Russia before era of conversion.)

¹² Lib_ru- Классика Безобразов Павел Владимирович_ Сергей Соловьев_ Его жизнь и научно-литературная деятельность.mht (Bezobrazov Pavel Vladimirovič, Sergey Solovyov: His life and scientific and literary activity)

composed of rocks; Eastern Europe was mainly composed of forests. Western Europe was divided into many countries by mountains. Western statesmen built homes with stones, and thus controlled people; mountains gave them some independence. However, people would soon be isolated by stones, they were free and independent. Because of the mountains, everything was firmly established; because of the mountains there appeared the artificial mountains, grand eternal buildings. There were no stones on the East European Plain, it was flat and boundless, and consequently there was no ethnic diversity. There arose a hitherto unknown country. In this state, there was no place for statesmen to build their homes with stones, their life was not isolated. They founded the “guard,” living in the surrounding of grand dukes, conquered and moved in the vast space. They were not closely related with the castle. There was no sharp distinction in geographical diversity, no influence on the character of local residents. To the residents, nature did not show such features, so that they thought being forced to leave one’s hometown was very hard, and it could not be accepted. It was not difficult to give up the intergenerational transmission of habitation. The castle was log cabin structure, if the sparks flew, after the fire, it was ashes. However, the disaster was not serious: people’s estates were not numerous; they were easy to be carried away, building materials were cheap, to build a new house was inexpensive. Ancient Russian, in order to avoid the enemy or heavy taxes, was very easy to run away from home, wandering alone. It was the same Russ everywhere. Residents formed the life habit — each pursues his ongoing journey, the government tried to catch them, so that they settled down.

We think that Solovyov’s explanations, considering the natural conditions, social life and so on, are fairly comprehensive. Although he did not use terminology such as productivity, relations of production, readers can be aware of these factors in his narrative. Solovyov then explained the guard’s characteristics, and he had always emphasized “movement,” his study contributed to our understanding about Russians in characteristics such as: the pursuit of spiritual freedom, drift, etc.¹³ What Solovyov said can be seen as the original source, the material basis of the above characteristics. The interpretation of Russian features in the later stages is interesting. Some commentators have pointed out that the Russians like roaming and this aspect of characteristic is more impacted by Asian nomads.¹⁴ After reading Solovyov's arguments, we think that this view is worth discussing.

(C) Forest and steppe¹⁵

In view of the situation in Russia, Solovyov saw the forest and steppe opposition. He used this natural difference to explain different phenomena in the history of Russia. He concluded:

In Russia, forest and steppe, both forms had a dominant position. They were adjacent to each other, contradictory, generating historical differences between Russian forest dwellers and steppe dwellers. The steppe was initially nomadic people’s dwelling, ancient Russ, built on the steppe boundary, fought with them at the very beginning of its history. Ancient Russ was looted by

¹³ Бердяев Николай_ Судьба России.htm (Berdyayev Nikolaj, Fate of Russia)

¹⁴ 荣洁. 俄罗斯民族性格和文化, 俄罗斯中亚东欧研究, 2005 年第1期, 第68页。(Rong Jie. Russia national character and culture, Russia, Central Asia and East Europe studies, 2005, 1st, p. 68)

¹⁵ Lib_ru-Классика Безобразов Павел Владимирович_ Сергей Соловьев_ Его жизнь и научно-литературная деятельность.mht (Bezobrazov Pavel Vladimirovič, Sergey Solovyov: His life and scientific-literary activity)

Polovtsy (Половцы, 11th – 13th century).¹⁶ Tatars eventually made Ancient Russ thoroughly collapse. Firm order, the functioning of the state, by which they could fight with steppe residents, could be consolidated and established only far away from the steppes, in the north, at the other side of the forest, for nomadic people inconvenient to reach. The forest side formed by Moscow as the center of the country soon expanded into the steppe. The steppe border had been the subject of steppe neighbors' hazards. In ancient Russ the inhabitants' major venues of activities, their capital, was just at the border. The country with Moscow as the center continued to struggle with steppe residents, and when nomadic khanates were weakened, the struggle was not terminated: on the steppe there appeared a special population — the Cossacks.¹⁷ The struggle between ancient Russia and Cossacks, judged by the natural forms, was the conflict of forest and steppe, which was especially clear in the troubled period of Russian history (Late 16th century and early 17th century),¹⁸ and thereafter in the activities of Cossacks. Russia, then, according to the spirit and character of the residents, was divided into northern (sedentary farming) and southern (steppe frontier, the Cossack) residents. The steppe formed stray indulgence, the original Cossack lifestyle. The forest was more limiting, it made people steadily settle down, engage in farming. The farmers were different from the free Cossacks.

The above-mentioned points concern Solovyov's oppositions: the natural mother and the stepmother, mountain and forest, as well as the Russian forest and steppe portion. Solovyov's student Klyuchevsky talking about the affection of forest, steppe and rivers on Russian history and the people, had a similar continuous line of description. But he reminded that at this time one should be careful to avoid personal feelings. He observed the style and the features of folk buildings, combining with the historical facts; his view can be seen as the complement and confirmation of Solovyov's related perceptions.¹⁹ Reading the articles of some scholars now, we feel Klyuchevsky's reminder is not outdated.²⁰

Of course, we do not think that Solovyov's view is fully correct. For example, he believed that the Asian civilization had no influence on European civilization. Some of his views are extremely emotional. Our main purpose is to understand the self-consciousness of the Russian people, to learn something about their mindset and mental aspects. The development of Solovyov's "Mother Nature" view is the emergence of the saying "the mother the history," he made sure that the path of

¹⁶ Прохоров А. М. Российский энциклопедический словарь. М. «Большая Российская энциклопедия», 2001. С. 1220 (A. M. Prokhorov, Russian encyclopedic dictionary. M. Great Russian Encyclopedia, 2001. p. 1220)

¹⁷ В.О. Ключевский. Курс русской истории. Лекция 45.mht (V. O. Klyuchevsky: The Course of Russian History, Lecture 45)

¹⁸ Прохоров А. М. Российский энциклопедический словарь. М. «Большая Российская энциклопедия», 2001. С. 1458 (A. M. Prokhorov, Russian encyclopedic dictionary. M. Great Russian encyclopedia, 2001. p. 1458)

¹⁹ В_О_Ключевский_Курс русской истории.htm (V. O. Klyuchevsky: The course of Russian history)

²⁰宋瑞芝, 宋佳红. 论地理环境对俄罗斯民族性格的影响, 湖北大学学报(哲学社会科学版), 2001年第1期, 第82-85页。(Song Ruizhi, Song Jiahong. On the effects of geographical environment on the Russia national character, Journal of Hubei University (Philosophy and Social Science Edition), 2001, 1st. p. 82-85.)

development of the Russian people — history, was also known as the “stepmother”. For Solovyov there are some features in the development of Russian history with two different directions.²¹

II. The different directions of development in Russian history

Solovyov believed that history was not fair to the Russian nation. History was like a stepmother, forcing Russia, one of the oldest European nations, to start the movement from the west to the east, to live with “Stepmother Nature.” In the early years, when Christianity extended in Europe, Germanic tribes and Slavic tribes divided Europe, in the initial process of segmentation, in the first “movement”, the Germanic people moved from the northeast to the southwest, in the area of the Roman Empire (27 BC – 476 AD), laid the basis of the European civilization. The Slavs moved from the southwest to the northeast, leading to the harsh natural conditions of virgin land which they developed. This opposite movement formed the later differences of the history of the two ethnic groups. The beginning of one nation was under the most favorable conditions, another nation moved about in the most adverse circumstances. From adverse conditions in Russia, Solovyov saw the spiritual strength of the people: the Russian nation, to survive in the harsh natural conditions, surrounded by the so-called “barbarians,” still maintained the Christian image, built the Power, displayed the “unusually strong spiritual strength.” Solovyov summary of the historical mode is enlightening for us in the history of exchanges between China and Russia, in particular the following points:

(A) The Russian grand dukes continued to conquer and collect tribute

Solovyov described the development of Russia from antiquity to the reforms of Peter the great (1672-1725), described the ancient existence form of Russian rulers: continuous conquest, collecting tribute. This contributes to our understanding of the causes of rapid expansion of Russian Empire. Solovyov illustrated:

Eastern European history began in this way. On the water way from the Baltic Sea to the Black sea ships were full of armed men; they were the grand dukes and their guard from Novgorod²² (859 -). They would command a village or a Slavic island: “pay tribute to us.” It was not the first time for people to hear this requirement, they brought the fur, hoped to get rid of the casual visitors as soon as possible. But the guests did not go this time. On the West Bank of Dnieper River stood the capital of Russ, the mother of cities — Kiev. The grand dukes and the guard lived in this city; the surrounding tribes had no more peace. The guard floated on the rivers and collected tribute. Where the grand dukes didn’t go, tribute was collected by their agents and the guard. The casual visitors cut down trees, built castles; they also went to a better location and larger castles for garrison. People, living around a castle, could be protected and get preferences, those who mastered certain skills would earn money. Castle residents increased, they began to trade, people gathered from everywhere, villages became deserted, and a number of relatives and friends of the grand dukes did as they pleased. Grand dukes went on expeditions, those who could go prepared for it. Young people cut trees for boats; they fought, and then weren’t heard of since.

²¹Lib_ru-Классика Соловьев Сергей Михайлович. С.М.Соловьев биографическая справка.mht (Solovyov: Biographical data)

²² Место призвания летописного Рюрика и зарождения российской государственности.

When they came back finally, they were beyond recognition. They had been to the Tsargrad,²³ fed their sight on, returned with the priceless treasures. They beat the “cunning” Greeks, forcing them to pay tribute. Those outstanding people joined the guard. The guard feasted, hunted and fished day and night. Grand dukes had numerous treasures to armed escort, they were generous, and they were respected.

According to the Russian old folk songs Solovyov surmised that people were shocked by the exploits, the success of these heroes, as well as the changes brought about by the internal “movement”, all of which obviously were over exaggerated. What was beyond the everyday things, people considered that it was divine influence. The strong man (богатырь) must be higher than the ordinary, and he had the help of God. In Russia, the myths were not developed, and Christian influence was expanded rapidly, although the strong man was not from God, but at least the warlock. For example, Oleg (Олег Вещий), because of his successful conquest of Constantinople (in 907), and the wealth from there, was popular as healer and prophet.²⁴ We can see through the materials that for the rulers of that time, to collect tribute, to conquest and plunder, was their way of life, people were proud of it.

(B) In the “movement” of grand dukes and people, the national unity consciousness was formed.

According to Solovyov’s study, the Russ (Русь) grand dukes of ancient period, moved from one region to another, mostly fighting. Being engaged in a stable career was not the content of their character. Good grand dukes without hoarding distributed all to their guard, with the guard the grand duke could get everything. To be grand dukes meant “the constant motion from one throne to another,” until they were buried in Kiev like their fathers. For example, Grand Duke Monomakh (1053-1125) left an ongoing battle activity record.²⁵ In Solovyov’s view, these activities were “perpetual motion,” a continuous journey. Under the conditions of that time, by the constant movement, national unity consciousness of the grand dukes and the public was clarifying. Solovyov emphasized the significance of the continuing movement. This was the “heroic period” of Russian history; the land was vast and untapped.

(C) The guard

Solovyov also spoke of the “guard.” Some of the features of the guard were similar to some of the characteristics of Russians even today. For example, Solovyov described:

When the guard appeared on the East European plain, it was not fixed for centuries, but retained the original features of a military community, its leaders “moved” for “meritorious service

²³ Древнерусское название г. Константинополь (ныне Стамбул). Большой Энциклопедический словарь. 2000. <http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc3p/319418>

²⁴ Н_М_ Карамзин_ История государства Российского_ Том 1_ Глава 5_ Олег Правитель_ Г_ 879-912.mht (N. M. Karamzin: History of the Russian State, Volume 1, Chapter 5, OlegRuler, 879-912; <http://ote4estvo.ru/praviteli-x-xiv-vv/81-knyaz-oleg.html>)

²⁵ Н_И_ Костомаров_ Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей_ Отдел 1_ Глава 4_ Князь Владимир Мономах.htm (Kostomarov: Russian history in biography of its most important personalities, Division 1, Chapter 4, Grand Duke Vladimir Monomakh)

and prey. “The guard in the leadership of the grand duke had a good life: the grand duke was just as a senior colleague and brother instead of dictator. The guard knew all his ideas. He had an open hand for the guard: to supply food and distribute all to the guard. The guard had good communication with the grand duke. If he became stingy, or he had his minions, the guard would leave him. They were free to leave the area, with which they had no contact. The Russian land was so vast, there were so many grand dukes, and they were willing to receive any brave warrior. The Russian guard used to live this kind of military life of primitive groups, used to “move” freely in the vast space, keeping its original freedom, freedom to move, to serve whom they wanted, to be light of heart, not to consider the life of tomorrow, not to feel any pressure from the top, not to feel the need to be united to defend Russ. Their habit was: not to resist, but to flee, to avoid any unpleasant issues. They considered personal interests and not the class interests as their guide to action.

Solovyov spoke of the situation of “movement,” for “meritorious service and prey”; frank, generous; pursuit to be free from care, to be free; passive avoidance, etc. These are Russian characteristics, about which people often talk. As for “they used to have the individual interests and not to have the class interests as a guide to action,” Solovyov referred to the situation when Christianity was not popular in Russia. He thought when Christianity became popular in Russia (after 1448),²⁶ peoples’ basic principle was just another one, described below.

(D) The example image of Vladimir

Solovyov described some of the deeds of the Grand Duke Vladimir (960-1015). Vladimir is a hero of ancient Russia, is seen as a Russian saint, for his enlightenment of the people.²⁷ Vladimir is one of Russia’s models for offspring. It is easier for people to understand the characteristics of their offspring through the moral image of their ancestors.

According to *The Chronicles* the main purpose of Vladimir several expeditions was to consolidate the contact between the tribes. He fought against the intrusion of the steppe tribes, to curb their attempt to harm Russia’s nascent society. A series of castles were established near Kiev, in the center of the Russian society, for the defense of the country against the invasion of the steppe tribes. Most of Vladimir’s rule was spent in the campaign with the so-called “barbarians.” The goal of the campaign was in the main interest of the people and the society, for “property, freedom and survival.” They are the keywords of Vladimir’s conquest. Solovyov put “property” in the first place, followed by the “freedom,” and then by the “survival.”

However, Solovyov noted that the difference between Vladimir’s performance and that of the past grand dukes was that he fought against the intrusion of the steppe “barbarians.” Thus, the

²⁶ A. M. Prokhorov, Russian Encyclopedic Dictionary. M. Great Russian Encyclopedia, 2001. p. 1240

²⁷ Lib_ru-Классика Соловьев Сергей Михайлович_ Взгляд на историю установления государственного порядка в России до Петра Великого.mht (Solovyov Sergey Mihajlovič, View of history of the State order in Russia before Peter the great) ; Н_М_ Карамзин_ История государства Российского_ Том 1_ Глава 9_ Великий князь Владимир, названный в крещение Василием_ Г_ 980-1014.mht (N. M. Karamzin: History of the Russian State, Volume 1, Chapter 9, Grand Duke Vladimir, baptized Basil, 980-1014) ; Н_И_ Костомаров_ Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей_ Отдел 1_ Глава 1_ Владимир Святой.htm (Kostomarov: Russian history in biography of its most important personalities, Division 1, Chapter 1, Saint Vladimir)

people, bearing in mind the achievements of Vladimir, made him into the hero of a series of warrior songs. There are some other characteristics in Vladimir's personality that make him worthy of the public memory. Solovyov, comparing chronicle legends and folk tales recorded, concluded: "The grand duke has a broad, loving soul; he does not like to be alone, but prefers to live with others, as we all know, and this quality can win the love of the people and be remembered".

Typical characters of folklore and literary works can be used as materials for analysis of the national character. Solovyov also mentioned some other warrior images, for example, one of the heroes of ancient folks, Vasily Buslaev. The focus of researchers and their theories are often different from each other, so their conclusions may be contradictory.²⁸ However, the understanding of Russians about Vladimir is stable; he is even called "the Red Sun" (Красное Солнышко) in the public.²⁹ Vladimir's characteristics are representative, the object of subsequent imitation.

(E) The Russians were the "Vanguard of the European Christian nations"

Solovyov believed that Russia became the vanguard of European Christian nations, developing from the west to the east, and then from the east to the west.³⁰ Although Russ's land area was vast, the unified consciousness of the people had become increasingly clarified. Russ, based in the south of Dnieper River, stepped down from the stage of history, while the North Russ, with Moscow as the center, came out. Moscow began to unify the territory, establish a unified regime. Moscow Russ, continuing the struggle with Asia, turned to Western Europe and tried to master the fruits of civilization. Russ hoped to get the fruits of civilization in Europe, their neighbors were afraid of it; they did not want Russ to achieve its objectives. Solovyov cited such an example.

The King of Poland, Sigismund-August (1520-72) wrote in a letter to Britain's Queen Elizabeth: "The Russian monarch is growing strong thanks to those things that he gets through Narva, from here were shipped previously unknown weapons to him, artisans came here, brought him the skills to overcome any adversary. Your Majesty, of course, also know about his strength. The reason why we had defeated him was just because he was deprived of the skills, knowledge of civilization. If vessels for Narva is continuing, then what doesn't he know?"³¹

Solovyov thought that Russians who battled with Tatars by the Volga, after beating them, expanded westward to the Baltic coast in order to obtain the fruits of civilization.

He writes: "These barbarians (the Russians), in fact, were warriors for Eastern and Western civilization in the history; during the internal turmoil (end of 16thc. - beginning of 17th c.),³² the Russians demonstrated their cleansing ability, their feats able to withstand the sacrifice. In the 17th century, they shouted loudly against social disorder and moral confusion, tirelessly seeking the means to bail out."

²⁸ Б_П_Вышеславцев - Русский национальный характер.htm (B. P. Vyšeslavcev - Russian national character)

²⁹ A. M. Prokhorov, Russian Encyclopedic Dictionary. M. Great Russian Encyclopedia, 2001. p. 269

³⁰ Lib_ru-Классика Соловьев Сергей Михайлович_ Древняя Россия.mht (Solovyov Sergey Mihajlovič: Ancient Russia)

³¹ As above

³² A. M. Prokhorov, Russian Encyclopedic Dictionary. M. Great Russian Encyclopedia, 2001. p.1458

Hardworking and persistent strugglers against the Asian Khanate, dwellers of immense wild land in Eastern Europe and Northern Asia, colonial cultural communicators, they had to plow and take up arms to defend themselves and the fruits of their labor. Russian ancestors had fought hard against Asia, established the nation's internal order, but because the national body was enormous, progress in this direction was slow and hard. If the ancient Russian people could be called the vanguard of the European Christian nations, this vanguard was placed in a most dangerous and difficult place, it had to continue to struggle against the enemy, but also to withstand the impact of inclement weather, as well as all kinds of hardships.³³

Turning to the characteristics of Russia, its people generally refer to living between Europe and Asia, having the double impact of the East and the West. Solovyov illustrated this effect at different points of development in Russian history; this effect was not passive, but historical and internal. Solovyov's perspective was different from that of the others.

From the idea "Moscow – The third Rome" to Slavism, the Russians thought that they are God's chosen people, and they have the solemn mission.³⁴ Solovyov's thought is that they neither belonged to Slavism (Славянофильство),³⁵ nor belonged to the Western school of thought (Западничество).³⁶ Based upon his devout Orthodoxy, he thought that Russian people were the vanguard of the European Christian nations, that was one step further than that generally known as the "God's chosen people."

Some scholars believe that Russia has an expansionary characteristic due to security, economic and religious motives.³⁷ Other scholars believe that the Slavic nation has militant ambitions.³⁸ After reading Solovyov's thought about mountain-forest opposition, the opposition of the forest and steppe, Russ grand dukes and the guard, we can say that the basic Russian characteristics are formed under the influence of natural and other conditions; it is lifestyle with the original gene.

(F) Education was the pillar of the Church and the state

Solovyov had a basic understanding: "Only in the conditions of sacrifice, only when members of society are aware of that it should be for the common good at the expense of personal interests, this is a responsibility, and society can survive and develop."³⁹ Members of the original society had not agreed to sacrifice their personal interests for the common good. But man was a social animal, primitive families had been established on sacrifice: parents lived no longer for themselves, but for

³³Lib_ru-Классика Соловьев Сергей Михайлович_ Древняя Россия.mht (Solovyov Sergey Mihajlovič: Ancient Russia)

³⁴ Бердяев Николай_ Судьба России.htm (Berdyayev Nikolaj, Fate of Russia)

³⁵ А. М. Prokhorov, Russian Encyclopedic Dictionary. M. Great Russian Encyclopedia, 2001. p.1450

³⁶ А. М. Prokhorov, Russian Encyclopedic Dictionary. M. Great Russian Encyclopedia, 2001. p.527

³⁷黄立弗. 俄罗斯能再崛起吗 — 俄罗斯民族发展钟摆性与兴衰周期浅析, 俄罗斯研究, 2001年第1期, 第37-41页。(Huang lifu. Will Russia rise again — Analysis of pendulum and the rise and fall of Russia national development cycle, Russian studies, 2001, pages 37-41.)

³⁸秦秋. 俄罗斯民族性格成因浅析, 重庆科技学院学报(社会科学版), 2011年第20期, 第43页。(Qin qiu. Analysis of Russia national character, Journal of Chongqing University of science and technology (Social Science Edition), 2011, p.43)

³⁹Lib_ru-Классика Соловьев Сергей Михайлович_ Древняя Россия.mht (Solovyov Sergey Mihajlovič: Ancient Russia)

their children. The awareness of this sacrifice of the society members (“the foundation of the society is sacrifice”) is clearer, the society is more solid. Solovyov believed that Christianity preached to make sacrifices for the world; it was helpful for the stability of society. Russ has been founded less than 150 years when Christianity was declared as the state religion, it was a solid social foundation in the national early childhood.

As Russ society matured, it then had the gradual harmonization of the territory, established a unified regime. It was full of cruel, bloody struggles. In the ancient Russ period the infighting of the grand dukes was ferocious until the reign of Ivan IV (1530-84). Violence was commonplace in a struggle, any civic (sacrifice one’s life for the country) sense of social existence was weakened. Consciousness, selfless sacrifice of personal interests for the common good, a sense to fulfill social responsibility, all gradually blurred. People were aware of the social evil tumor, but could not find effective means to destroy it. In the Chaotic period of Russian history rulers degenerated, and they were despised by the neighbors.

Solovyov often repeated that the foundation of society is sacrifice for a common cause. After foreign invaders were expelled, “liquidators” of the Russian state had to “clean up” the moral issues of the people. They had to seek some means to make people have a civic consciousness, so that people could be aware of the basis of the social welfare. Moral cleansing could be completed only when people realized what was imperfect and insisted on eliminating it. Russian society of the 17th century condemned these moral defects. But they had to use some means to make people realize that citizens should first “focus on common interests rather than self-interest.” Only by realizing this can one find a way out. Solovyov believed that means to make the country stable, to make people finally find happiness, is education. The Saint, Gaza Metropolitan Paisius Ligarid (Паисий Лигарид, 1610-78), pointed out that Russia needed go onto the new road: “If someone asks me, what is a pillar of the Church and the state? I will answer: First, schools; Second, schools; Third, the school.”

Karamzin (1766-1826), talking about the ancient Russian ethos, pointed out that Russians of 9th — 10th century showed barbaric ignorance. They were greedy and brutal on the battlefield. The country, based on capture, has proven its people to be courageous. Karamzin also said: “Only a long-term education (enlightenment) can soften the hearts of the people...”⁴⁰ Of course, for the two historians “school and education” meant the Orthodox enlightenment.

Some scholars examining the impact of Orthodoxy on the Russian national psychology and character, thought that the Christian element was the most fundamental factor of the formation of the so-called “contradictions” features.⁴¹ This reference is not a conclusion from a complete study of Russian history. Speaking of “contradiction,” one need discuss the interaction of a variety of factors, rather than emphasizing certain factors as “most fundamental.”⁴² Solovyov’s discourse

⁴⁰ Н_М_ Карамзин_ История государства Российского_ Том 1_ Глава 10_ О состоянии древней России.mht (N.M. Karamzin: History of the Russian State, Volume 1, Chapter 10, On the status of ancient Russia)

⁴¹陈树林. 东正教信仰与俄罗斯命运, 世界哲学, 2007年第4期, 第41页。(Chen Shulin. Orthodox belief and Russia fate, The world philosophy, 2007, 4th. p.41)

⁴²丁淑琴, 师彦灵. 别尔嘉耶夫思想探析, 科学·经济·社会, 2003年第3期, 第23-26页。(Ding Shuqin, Shi Yanling. Analysis of Berdyaev’s thought, Science · Economy · Society, 2003, 3rd. p. 23-26.)

about the image of the public let us know that treating the Orthodoxy as “the most fundamental factor” remains debatable.

After talking about the grand dukes, the Guard and the Church, Solovyov then directly discussed the public character. He basically sketched out a more complete image of the Russian people.

III. The character of ancient Northern and Southern Russians

Solovyov discussed the character of the people in the ancient Northern and Southern Russia:⁴³

The natural environment of northern Russia was colorful and rich; a little labor was generously rewarded by nature, so that the man arrived at physical or mental anesthesia. Northern people in a burst of passion could perform miracles. However, this power was concentrated, and could not be sustained. (If the natural gift was more parsimonious, it required constant hard labor, one was always in a state of nervous excitement, continuous labor, constantly thinking about how to continue to pursue his own goals.) Solovyov said residents with this character could lay the solid foundation of the national lifestyle to the maximum extent, to make people with other personalities obey them, and the residents of the northern Russ were just so in the case of history. Solovyov believed that the differences in characters of the northern and southern residents were already obvious at the beginning of the Russian history. The historical data he saw showed that at that time foreigners also praised the southern Russ Guards' bravery, quick attack, but it did not last for long. The evaluation of the northern residents by the foreigners of the same age was opposite: they did not like war, but had the features of striking rapidly. They had strong defense, they were invincible. Such a warrior was formed in the northern part of Russia, so-called “rather die than surrender,” not to give up patch of land. Russian northern residents did not exhibit those characteristics of quick action in history. Their behaviors were slow and careful, they worked with perseverance. They were thoughtful, cautious to achieve something. When they defended something, they did it with perseverance.

We need to take seriously, carefully ponder these characteristics of ancient Russian people, which Solovyov summarized via natural conditions and historical records. Klyuchevsky in his book, according to the climate and soil conditions in Russia, gave the “Great Russian” (against the residents of the southern part of the ancient Russia) (13th - 15th century) a very exciting psychological description: calculating; trying their luck; shock action; unaccustomed to gentle, moderate, calm, persistent labors, etc. Klyuchevsky's explanation in this regard was more detailed than that of Solovyov. Solovyov's arguments had some color of the natural environment

⁴³ Lib_ru-Классика Соловьев Сергей Михайлович_ Взгляд на историю установления государственного порядка в России до Петра Великого.mht (Solovyov Sergey Mihajlovič, View of history of the State order in Russia before Peter the great)

decision.⁴⁴ However, his analysis, combined with Russian historical materials, sounded convincing, and was not simply environmental determinism.

IV. Conclusion

Solovyov talked about the characteristics of the Russian people, for example, he stressed the common interests above personal gain, this was interpreted and confirmed in other historical writings,⁴⁵ the doctrine of the Russian Orthodox Church as well as its impact on people, was confirmed by other thinkers.⁴⁶ Solovyov's interpretation, starting from the natural conditions and historical facts, according to the principle of the dialectical unity of opposites, adhering to the basic point of the development, has some of the conclusions worthy of attention. From the view of dialectical materialism in these areas, Solovyov's non-comprehensive study of the productive forces and relations of production, his objective idealism are clear. Nevertheless, he tried to explain some of the features of the Russian people, not from the view of Destiny, but from the natural conditions, emphasizing the impact of the natural conditions on the ancestors, which has reasonable elements. Scholars or writers gave other explanations for the causes of the features of the Russian people.⁴⁷ Solovyov's interpretation still should be considered.

Solovyov's point of view is presented in his writings. We can use some of his own arguments to summarize the contents of the above and its significance. "The impact of the geographical and natural conditions on people's life is undisputed, however, as we said, we need to avoid being one-sided. If people, especially at an early age, are strongly attached to their survival region, with the development of its spiritual strength, the opposite effect can be observed, under the impact of the activities of the public, the natural conditions will change."⁴⁸ "Natural conditions continue to play a role, but there are other natural conditions, which people act on. People's character, habits, customs, activities, we can see as a product of the natural conditions, if we can take the people as indigenous ones... if in an identified, developed society, one select activities according to his personal preferences and natural conditions, in the ancient time of scattered tribes, it should be thus: the unknown region, through its natural conditions, created the character of its inhabitants, but people according to their preferences, character, selected a known kingdom as a residence."⁴⁹ "People were similar to their ancestors not only for physiological reasons: people were trained and educated in their legends from the ancestors,

⁴⁴ 李学智. 地理环境与人类社会, 东方论坛, 2009年第4期, 第92-96页。(Li Xuezhi. Geographical environment and human society, Oriental Forum, 2009, 4th. p. 92-96.)

⁴⁵ Под_ред_И_Я_Фроянова_История_России_от_древнейших_времен_до_начала_XX_в.htm (I.Â.Froânov. History of Russia from the earliest times to the beginning of the 20th century.)

⁴⁶ О_русской_идее_Библиотека_думающего_о_России.htm (The Russian idea - Library of thinking about Russia.) ; Познать_Россию_Библиотека_думающего_о_России.htm («Наш современник», № 9, 2001г.) (Discover Russia - Library of thinking about Russia)

⁴⁷ Lib_ru-Классика_Достоевский_Федор_Михайлович_Дневник_писателя_1873_год_shtml.mh (Dostoevsky Feodor Mihajlovič, Diary pisatelâ, 1873)

⁴⁸ Lib_ru-Классика_Соловьев_Сергей_Михайлович_Наблюдения_над_исторической_жизнью_народов.mht (Solovyev Sergey Mihajlovič, Observations on the historical life of peoples)

⁴⁹ Ibid.

which reflected their natural features, views and attitudes, these legends formed some sense of the sacred, people believed in it, and defended these sacred objects as their main responsibility.”⁵⁰ The image of the people is formed gradually. Natural conditions of the country, as well as many other conditions, where people survive, the degree of their participation in the process of forming the image is different. Nature, ancestors, the legends about ancestors, the impact of the legends should all be considered. In addition to the personal characteristics of the ancestors, natural conditions of the kingdom, many other conditions are involved in the formation of the image of the people in different degrees.

Solovyov stressed the important role of “movement” (conquest). He said that the movement of people is a very important factor. People overcame dangers through “movement,” removed obstacles, “movement” gave the people power, gave them courage to expand their territory, and the intelligence of the people was also developed by understanding the different countries and people.

Solovyov's point of view is not that the natural environment determines everything,⁵¹ that Orthodoxy determines the national character,⁵² it is not that the natural environment affects religion.⁵³ Klyuchevsky pointed out that Solovyov paid attention to the universal law of human life in the study of the phenomenon of national history, his narrative was built on the basis of the philosophy of history, and historical phenomenon was “naturally explained by him, his statement had inherent harmony, historical logic.”⁵⁴ The later historian Ilyin's (1883-1954) exposition of the Russian national character system was more comprehensive; he read the historical works of Solovyov.⁵⁵ Reading Solovyov's writings, we see how he explained the characteristics of Russian people. These interpretations and judgments were based on the natural conditions and historical facts from historians, in our opinion, (comparing with philosophical reflection, sociology or psychology survey) its credibility is not minimal. As for the reality of China, it has been suggested to reshape the national character; we feel that such references are not appropriately cautious.⁵⁶ The bad habits of an individual are not the same as the national character and the overall image of the population. Rereading Solovyov's works has practical significance even today.

⁵⁰ Ibid.

⁵¹ 张明锁.

关于地理环境与民族文化、民族性格关系的对话, 郑州大学学报(哲学社会科学版), 1990年, 第2期, 第47-51页。(Zhang Mingsuo. Dialogue on the relationships between geographical environment, national culture and national character, Journal of Zhengzhou University (Philosophy and Social Science Edition), 1990, 2nd, p.47-51.)

⁵² 武玉明. 东正教与俄罗斯民族性格, 潍坊教育学院学报, 2008年第1期, 第53-55页。(Wu Yuming. Orthodox Church and Russia national character, Journal of Weifang Educational College, 2008, 1st. p. 53-55.)

⁵³ 陈树林. 俄罗斯东正教的本土化特征, 求是学刊, 2009年第5期, 第17-23页。(Chen Shulin. Russia Orthodox localization features, Qiushi Journal, 2009, 5th. p. 17-23.)

⁵⁴ Lib_ru-Классика Ключевский Василий Осипович_ Памяти С_ М_ Соловьева.mht (Vasily klyuchevsky Osipovič, Solovyov 's memory)

⁵⁵ 伊莲. 俄罗斯民族性格中的阴柔与阳刚, 俄罗斯文艺, 2001年第2期, 第33-36页。(Yin Lian. The feminine and masculine factors in Russian national character, Russia literature, 2001, 2nd. p. 33-36.)

⁵⁶ 刘长乐. 重塑我们的民族性格, 人民日报海外版, 2006年8月29日第1版。(Liu Changle. Reshape our national character, People's daily, August 29, 2006, Overseas Edition.)

References:

Lib_ru-Классика Соловьев Сергей Михайлович_ Общедоступные чтения о русской истории.mht

Lib_ru-Классика Соловьев Сергей Михайлович_ Учебная книга по русской истории.mht

Lib_ru-Классика Соловьев Сергей Михайлович_ Русская летопись для первоначального чтения.mht

Lib_ru-Классика Ключевский Василий Осипович_ С_М_ Соловьев как преподаватель.mht

Lib_ru-Классика Аксаков Константин Сергеевич_ Несколько слов о русской истории, возбужденных Историей г_ Соловьева.mht

Lib_ru-Классика Добролюбов Николай Александрович_ Учебная книга русской истории.mht

Сергей Федорович Платонов_ Полный курс лекций по русской истории_ Часть II.mht

Lib_ru-Классика Безобразов Павел Владимирович_ Сергей Соловьев_ Его жизнь и научно-литературная деятельность.mht

安启念. 今日俄罗斯哲学与俄罗斯的社会变革, 俄罗斯研究, 2005年第3期, 第70-76页。

陈树林. 东正教信仰与俄罗斯命运, 世界哲学, 2007年第4期, 第41-46页。

陈树林. 俄罗斯东正教的本土化特征, 求是学刊, 2009年第5期, 第17-23页。

陈小雨. 改革中的民族性格与民族精神差异探析, 理论研究, 2011年第2期, 第27-36页。

丁淑琴, 师彦灵. 别尔嘉耶夫思想探析, 科学·经济·社会, 2003年第3期, 第23-26页。

傅星寰, 刘雅琼.

试论奥勃洛莫夫性格的文化构成, 沈阳教育学院学报, 2011年第2期, 第4-7页。

傅星寰, 刘雅琼. “卡拉马佐夫气质”的文化构成 —

俄罗斯文学性格题材中的特定类型, 辽宁师范大学学报(社会科学版), 2009年第6期, 第82-86页。

黄立弗. 俄罗斯能再崛起吗 —

俄罗斯民族发展钟摆性与兴衰周期浅析, 俄罗斯研究, 2001年第1期, 第37-41页。

姜晓燕. 俄罗斯的爱国主义教育及村社意识, 比较教育研究, 2008年第2期, 第77-80页。

金亚娜. 俄罗斯的种族宗教文化记忆, 国外社会科学, 2003年第5期, 第59-65页。

雷永生. 剖析俄罗斯之魂 —

论别尔嘉耶夫的俄罗斯文化研究, 南京大学学报(哲学·人文·社会科学), 1999年第1期, 第70-77页。

雷永生. 别尔加耶夫关于俄罗斯人道主义的思想, 中州学刊, 1991年第2期, 第38-43页。

李学智. 地理环境与人类社会, 东方论坛, 2009年第4期, 第92-96页。

李志忠. 社会转型时期俄罗斯民族主义产生的根源, 俄罗斯研究, 2002年第3期, 第53-57页。

Information about the author:

Yang Mingtian is a professor of Shanghai International Studies University. (Shanghai, China, 200083). E-mail: 1660@shisu.edu.cn; Ishilaoda@aliyun.com

УДК (UDC) 821.161.1

T. G. Megrelishvili,
*Full-Professor, Dr. habil., Sciences of Philology,
Georgian Technical University,
Tbilisi, Georgia*

Z. Sh. Guramishvili,
*Associate Professor, Candidate of Sciences of Philology,
Georgian Technical University,
Tbilisi, Georgia*

МОДЕЛИ АВТОРСКОГО СОЗНАНИЯ В СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЯЗЫЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ ГРУЗИИ

MODELS OF AUTHOR'S CONSCIOUSNESS IN RUSSIAN LANGUAGE LITERATURE IN GEORGIA

Abstract

Studying the type of author's personality in one's cross-cultural activity is a promising direction in modern cognitive studies.

Goal of the study, on the basis of studying the problems of the culture's subject is to generate and analyze types of author's consciousness allocated in the Russian language literary society in Georgia.

The studies, carried out in a particular period on time indifferent literary aspects in modern Russian language literature in Georgia, according to the acknowledgment of the author as the subject – “conscious person” (B. O. Korman) and the experience of cognitive studies allow us to analyze the features of author's personality in the Russian language Literature in Georgia.

For the first time, the personality of the author of the Russian language Literature in Georgia becomes the object of the scientific study.

Study of the personality of the author, based on the resource of the Russian language Literature in Georgia, allows us to penetrate into the reasons and the origin of the cultural processes, changes and transformations currently taking place in the countries of the post-soviet space.

The results of the given study can be used both for teaching in higher educational institutions and give perspectives to the future studies of the Russian language literature. In particular, the further study of the given phenomenon penetrates into the characteristics of the author's personality, selection of the language of creative work and the cultural features of the authors. The essential “core” of the given study is realization of the phenomenon of the creative personality in the Russian language literature in Georgia that is identified with the support of the conceptual analysis of the Russian language literature in Georgia. Furthermore, the interrelation between the socio-cultural character of the creative personality and the cultural universal, as well as the problem of actualization of a human as the subject of study and creative activity are presented in the modern world.

Keywords: *author, culture, the Russian language literature, literary life, author's biography, concept, author's consciousness.*

Введение.

Вследствие распада СССР изменились пространственные параметры существовавшего на протяжении почти двух веков единого культурного пространства, что привело к образованию русскоязычной литературной диаспоры – специфическому явлению культурного репертуара современной Грузии.

Мир современного русскоязычного литературного Тбилиси характеризуется наличием как художников, чье поэтическое творчество начиналось еще в 1980-е годы (П.Урушадзе, Н.Селезнева, Е.Джапаридзе, В.Саришвили), так и авторов, пришедших в литературу уже после 1991 года. Пространство текстов русскоязычного Тбилиси располагается, в основном, вне господствующих литературных форм русской литературы, развивающейся в современной России. Однако его организация определенным образом соотносена с общей структурой культуры эпохи.

Постижение русскоязычной литературы связано с экстралитературоведческими факторами, играющими в современном культурном процессе Грузии немаловажную роль. Среди них можно выделить: изменение типов культурного сознания; многоуровневость и неоднородность самого художественного процесса.

Общеизвестно, что личность как субъект культуры, в силу определенных причин, превращает культуру в личностно центрическое явление. При этом личность выполняет несколько функций: воспроизводит, хранит и обогащает культуру новым опытом. Применительно к личности автора это так же справедливо и важно, так как авторская личность, исполняя все вышеперечисленные функции, обогащает культуру новым художественным опытом. Изучение авторской личности, осуществляющей свое творчество на стыке культур, – перспективное и важное направление в современных когнитивно ориентированных исследованиях.

Некоторые теоретико-методологические подходы к изучению роли авторской личности. Одной из важнейших особенностей научного осмысления произведений русскоязычной литературы Грузии является выделение и анализ социокультурной ипостаси авторской личности. Для этого важным является осмысление опыта научных исследований авторской личности, накопленного литературоведческой наукой.

Теоретическая значимость исследования авторской личности как компонента литературоведческого изучения текстов подчеркивается еще в исследовании Б.В.Томашевского «Литература и биография» (1923), в котором автор выделял два типа писателей: «с биографией» и «без биографии». По мысли исследователя, к первому типу относятся писатели, осуществляющие всей своей жизнью некую писательскую миссию, творя некий конкретный писательский миф, который во многом влияет на восприятие их творчества. К такому типу писателей автор относит романтиков. Как полагает Томашевский, биографии-легенды являются «литературным осмыслением жизни поэта, осмыслением, необходимым как ощутимый фон литературного произведения <...>, как та предпосылка, которую учитывал

сам автор, создавая свои произведения» (13, с.8.). Писателей «без биографии», преобладание которых в русской литературе, по мнению Томашевского, фиксируется с середины XIX века, отличает иное: «Их произведения замкнуты в самих себе. Ни одна черта их биографии не проливает никакого света на смысл их произведений. <...> Понятно – у этих писателей есть своя – житейская биография. В эту биографию, как житейский факт, входит и их писательская деятельность. Но это биография частного человека, может быть и интересная для историка культуры, но не для историка литературы» (13, с.8.).

Соглашаясь в целом с наблюдениями Томашевского, хочется отметить, что разделение, предложенное Томашевским, сегодня едва ли носит универсальный характер. Уже давно было научно зафиксировано, что вне границ «своего времени» писателей «без биографии», без «литературной личности» не существует. Если творчество писателя оказывается действительно значительным явлением искусства, то оно разрывает рамки своей культурной парадигмы, чтобы начать жить в «большом времени», по меткому определению М.М.Бахтина. При этом читатели, осмысливая прочитанное в соответствии с мировосприятием собственной культурной парадигмы, невольно вынуждены реконструировать личность автора, моделируя информацию, полученную из текста, в соответствии с мерками, общими как для культуры современности, так и для культуры периода создания данного произведения.

В 1930-е годы В.В.Виноградов ввел понятие «образ автора». Построение образа автора на основе восприятия художественного произведения – двунаправленный процесс, в основе которого двусторонняя коммуникация. Виноградов определял образ автора следующим образом: «Индивидуальная словесно-речевая структура, пронизывающая строй художественного произведения и определяющая взаимосвязи и взаимодействие его элементов. Общий принцип стиля литературного произведения. Данная словесно-речевая структура отражается в чередовании разных функционально-речевых типов, в смене разных форм речи, создающей в своей совокупности целостный и внутренне единый образ автора» (3, с. 198.).

В 1970-е годы Б.О.Корман предложил системный подход к проблеме автора. Корман понимает автора как субъект – «носитель сознания», выражением которого является все произведение или совокупность произведений (4, с. 4.).

Опираясь на исследования М.М.Бахтина, который ввел понятие «внеаходимый автор» (в процессе создания произведения автор, по мысли Бахтина, конструирует «художественную модель мира», где сознание автора всегда внеположено сознанию героя; читатель, с одной стороны, должен считать модель мира автора, а с другой – ее оценить, сопоставить с собственной; так возникает специфический диалог с двумя коммуникантами, опосредованный художественным текстом), современные исследователи Н.А.Рубакин, М.Н.Куфаев, С.М.Бородин, В.А.Бородин, В.А.Дмитриев, И.Н.Тараканова и другие разработали коммуникативную модель «автор-читатель».

На сегодня перспективным для исследования личности автора выглядит когнитивное литературоведение: «Когнитивный подход предполагает в литературе особый род менталь-

ной деятельности, поэтому основной задачей когнитивного литературоведения становится изучение репрезентации знания в рамках художественного текста, а также установление и исследование условий возникновения и развития когнитивных систем контекста» (10, с. 126).

В нашем случае для понимания личности автора в русскоязычной литературе Грузии большую роль играет самоидентификация и саморефлексия авторов, которая осуществляется по концептуальным моделям (6, с.366-375.).

Нами был выделен ряд ключевых для мироощущения авторов – представителей русскоязычной литературы Грузии, понятий, помогающих осознанию картины мира, присущей этим авторам. Центральными оказались лежащие в основании постмодернистской эпистемы, антиномичной по своей природе, и имеющие значимое наполнение понятия *хаос* (эпоха, в которой отсутствуют ценностные ориентиры, время деконструкции), *бытие* (на примере соотношения идей модерна и постмодерна в культуре), *отрицание ценностей культуры потребления* и *плюрализм* (некий ценностный ориентир). Наиболее сложным для анализа оказалось понятие *тип сознания*, которое в границах изучаемого явления подразумевает не поиск цельного типа сознания, а *преднахождение новых форм* отношения индивида с миром, новых ценностей и критериев во всех сферах бытия.

Учет в исследовании достижений социологии в области изучения социо-культурных пластов современной Грузии и психологии творческих процессов позволил прийти к интересным выводам. В частности, было установлено, что в сознании прозаиков русскоязычной литературы Грузии поиск личностью некоего внесоциального содержания собственной жизни как состояния «рандеву с самим собой» приобретает сегодня необычайную остроту. Такая обостренность вызвана тем, что на этот процесс наложила свой отпечаток культура модерна, элементы которой сильно проявлены как в поэзии, так и в прозе русскоязычной литературы Грузии. Эта культура, акцентуирующая индивидуальность как творца, так и реципиента, вступает в сознании изучаемых авторов в конфликт с чертами постмодерна – культуры в полном смысле массового общества. Господство среднего человека с набором средних притязаний, возведение банального на пьедестал, унификация как черта эпохи – таковы особенности бытия в эпоху массовой культуры, приведшие к обострению вопроса о личностном самоопределении в авторском сознании русскоязычных литераторов Грузии.

Изучение большого корпуса текстов показало, что возможно выделить несколько наиболее характерных для прозы русскоязычной литературы Грузии моделей культурной самоидентификации. Основными показателями различий между ними являются:

- россицентризм;
- европоцентризм;
- самоидентификация в модусе «я - тбилисец».

По мнению И.А.Тарасовой, художественный образ и художественный концепт являются взаимодополняющими единицами авторского сознания [9,с.267]. Обосновывая свою точку зрения, исследователь отсылает нас к гипотезе многоуровневого кодирования

информации, принадлежащей американскому психологу Р.Солсо: «...информация кодируется образно на одном уровне обработки, тогда как на другом, вероятно, более глубинном, она кодируется концептуально. В таком случае ментальный образ можно рассматривать как ступень развертывания концепта, а образ речевой – как способ его проявления» [11, с.276]. Эта точка зрения подтверждает важность исследования типов самоидентификации авторов русскоязычной литературы Грузии, что может служить основанием для исследования собственно типов авторского сознания. Каждый выделенный нами тип самоидентификации напрямую представлен значительным числом персоналий и текстов, охватить которые полностью не представляется возможным в рамках краткого исследования. Одновременно в рамках этой самоидентификации можно рассуждать и о типах авторского сознания как о моделях в русскоязычной литературе Грузии.

Методологические аспекты исследования

Для решения поставленной задачи наиболее перспективным представляет когнитивный подход к изучаемой проблеме. Когнитивный подход предполагает изучение литературных констант как художественных концептов. В психологии творческих процессов литературные константы суть компонент личности автора, влияющий и во многом определяющий ментальный портрет автора, а, следовательно, и авторское сознание. При этом концепты помимо индивидуально-авторского компонента, содержат компонент коллективного опыта – в нашем случае жителей современной Грузии. Авторское сознание транслирует этот опыт, разумеется, художественно интерпретируя его. Таким образом, анализ концептов, оказавших влияние на тип авторского сознания, проведенный на материале текстов русскоязычных литераторов Грузии, позволил создать типовые обобщенные модели сознания русскоязычного автора, характерные для художественно-литературных дискурсивных практик в поликультурных условиях.

Практический анализ

На сегодня можно утверждать, что в Грузии фиксируется культурное явление, которое следует именовать русскоязычной литературой Тбилиси, потому что Тбилиси стал очагом ее локализации. Обозревая пространство текстов, создаваемых представителями русскоязычного литературного Тбилиси, нельзя не заметить, что весь корпус текстов можно условно разделить на, мягко говоря, «наивную словесность» и на тексты реальных мастеров. И этому есть свое объяснение. Авторское сознание тех, чьи тексты можно обозначить, как «наивные», несет на себе отпечаток психологической травмы, вызванной стремительно меняющейся жизнью (7, с. 79).

Для понимания авторской картины мира важным представляется учет выделенных нами концептов художественного мира русскоязычных авторов Грузии (8, Р.1501-1510). Таковыми явились концепты *Россия, Тбилиси, Европа*. Анализ большого корпуса текстов, а также изучение векторов саморефлексии и самоидентификации позволяют выделить три типа авторского сознания, каждый из которых обладает собственными особенностями.

К первому типу можно условно отнести авторов, в чьих текстах наблюдаются следующие черты:

- присутствием в текстах художественных компонентов, вписанных в парадигму классической русской литературы; в текстах актуализируются такие мотивы русской литературы, как странничество, двойничество, изображение лишнего человека в его современной разновидности;
- авторское мироощущение окрашено в тона либо ностальгии по России, ее культуре в первую очередь, либо пропитано такими ментальными компонентами русского сознания, как рефлексия, сострадание к «обычному», чтобы не сказать «маленькому» человеку и т.д.;
- особо выделим фактор осмысления событий недавнего прошлого сквозь призму симулякров, угнездившихся в сознании советского человека рубежа 1980-1990-х годов и сыгравших определяющую роль в его дальнейшей судьбе, протекающей уже в новой реальности.

Модель авторского сознания, для которой характерны указанные нарративные практики, может быть определена как *рациональная*, так как авторы-носители подобной картины мира обладают отличительной чертой – желанием обрести социальные и культурные смыслы в новой жизни. При этом их творчество демонстрирует влияние русской литературы, и в нем обнаруживаются компоненты основного кода русской культуры. Наиболее яркими примерами подобного типа авторского сознания служит творчество Н.Гвелесиани и Романа Фина.

Художественно-биографический роман Романа Фина «*Страсти по Матфею*», изданный в Тбилиси в 2009 году, – произведение, значительное во многих отношениях. Во-первых, драматична судьба автора, советского диссидента, интеллектуала и ученого. Во-вторых, выделяется героическая без преувеличения попытка художественного осмысления уникального жизненного опыта, включающего в себя диссидентскую деятельность в период 1970-х годов, арест и последующее заключение в психиатрическую больницу, высылку из СССР после принудительного лечения в этой больнице, утрату человеческих связей, крушение самых основ жизни, пребывание в эмиграции в Канаде, наконец, возвращение уже в зрелом возрасте на родину. Все произведение – фиксация отражения в человеческой судьбе недавних этапов истории, и это позволило автору создать художественно-биографический роман своеобразной формы и структуры, с лирико-исповедальными нотами, богатый философской рефлексией.

«*Страсти по Матфею*» – образец авторского сознания, обращенного глубоко во вгуть. С помощью напряженного диалогизма автора с собой и другими подробно и скрупулезно исследуются фрагменты и факты бытия «авто-я» в тексте, а через это личностное бытие – факты истории. Подобно герою-страннику классической русской литературы, Матфеем – alterego автора, путешествует по городам и весям России, и в этом путешествии раскрывается не только «*история души*» самого Матфея, но и воссоздается образ России периода 1970-2000 гг., увиденной глазами героя. Постановка серьезных нравственных вопросов, чем-то напоминающих «*последние вопросы бытия*» героев Ф.Достоевского,

неоднозначность и нелинейность их разрешений в каждой индивидуальной судьбе персонажей романа, стремление проникнуть в побудительный первоисточник человеческих поступков, а также оценка этих поступков по шкале, в основе которой тезис Достоевского о необходимости сострадания к людям – все это вкупе с особенностями языкового стиля произведения, а также впечатлениями от личного общения с автором позволяет утверждать, что произведение Р.Фина заметное явление в прозе русскоязычной литературы Грузии, а сам автор является носителем философского взгляда на мир, в котором русская литература присутствует как один из центральных компонентов.

Роман Р.Фина, по своей жанровой сути художественно-биографический, на самом деле острее направлен в современную автору действительность. Стремление понять новые человеческие и социальные отношения, стремительно меняющиеся не только образы, которые человеку с биографией диссидента изначально кажутся неприемлемыми, но и многое из того, что мыслилось как константа культуры, делает авторскую картину мира Р.Фина ментально ориентированной на те константы русской культуры, которые ему кажутся неизменными, универсальными. Сквозь призму этих универсальных авторских компонентов и реализуются повествовательные стратегии в романе. В итоге реалистический взгляд на мир, нетрадиционное мышление позволяют автору не только воссоздать ушедшую эпоху в реалистических красках, но и посредством лирических отступлений, которые присутствуют в романе, выразить свое видение современной ему эпохи и Грузии периода 2000-х годов.

Для второй модели авторского сознания характерны следующие компоненты:

- установка сознания на то, что Европа с присущим ей духовным укладом является центром мировой культуры и цивилизации;
- антитеза «Восток-Запад», в которой Запад обладает отчетливо выраженной ценностной окраской;
- «разумность», противопоставляемая «заблуждениям» и «страстям» и понимаемая как универсальное средство совершенствования общества – установка, характерная для европеизированного сознания со времен просветителей;
- необходимость постепенного проникновения европейской цивилизации во все регионы мира, в том числе и в Грузию.

В среде авторов, чья самоидентификация развивается по такой модели, преобладают успешные киносценаристы и драматурги, которые обратились к прозе, имея опыт удачной работы в кино (И.Гаручава, В.Хотяновский) и постановок пьес в театрах (А.Мейпариани, И.Кескюль). Возможно, поэтому в их прозе наблюдается характерный прием: авторы в своих коммуникативных текстовых стратегиях стремятся воздействовать на читателя через образы-знаки, известные всем персонажи мировой культуры, политики. При этом подобные персонажи преподносятся с неожиданной стороны, как правило, разрушающей в сознании читателя стереотипы восприятия этих образов. Модель авторского сознания подобного типа может быть определена как *новый европеизм*.

В качестве иллюстрации данных положений можно обратиться к прозе А.Мейпариани, в частности опубликованному в журнале «Русский переплет» эссе «Апокриф/Ересь тол-
30

ны» [9]. В центре эссе размышления автора над вопросом взаимоотношений «гения» и «толпы». По мысли автора, «...людская масса, если разобраться, статична и однообразна в главном - она увлекаема лишь идеями, почитает воплощающих их гениев, пастырей и вождей. Вернее, их образами, сложившимися в ее представлении. Именно представления, символика легенды, слагаясь в формулу успеха, овладевают умами. Сияющие образы, подобно глюкозе, легко усваиваются инфантильным, в общем-то, сознанием обывателя».

Рассматривая генезис стереотипов, которыми питается «толпа», автор приходит к выводу, что на протяжении всей истории человечества, начиная с эпохи античности и до наших дней, интерес «бюргера», «простолюдина», который и является элементарной частью толпы, к сильным личностям востребован постоянно. При этом в сознании «бюргера», который, если всмотреться в текст эссе Мейпариани, во многом напоминает знаменитого «филистера» немецких романтиков, образ кумира, «звезды» обладает особым магнетизмом, «жреческим статусом», потому что овеян легендами и мифами, самой же толпой и порождаемыми. При этом «толпе» нет дела до подлинных черт и качеств своего кумира. Иллюстрируя эти положения примерами из истории Древнего Рима, средневековой Европы, автор обращается к двум знаковым фигурам русской культуры. Это «первый диссидент монархии», как его именует автор, русский философ-«западник» П.Я.Чаадаев и «русский европеец» А.С.Пушкин. В восприятии судеб обоих «толпа», как утверждает автор, скользила по поверхности, будучи не в силах из-за разницы в образовательном и эстетическом потенциале понять истинной сути этих личностей.

Само по себе эссе не претендует на истину в последней инстанции и даже не претендует на особую оригинальность, однако небезынтересным кажется отметить реакцию на это произведение в среде тбилисской читательской аудитории и в Интернете. В Тбилиси читатели в основном акцентировали свое внимание на языке и стиле изложения материала автором, отмечая его высокую эстетику, а также общие положения о «толпе» и «гении», и не слишком вдавались в подробности приведенных в качестве примеров мифов о Чаадаеве и Пушкине. Интернет-сообщество, напротив, с жаром обсуждало именно эти две фигуры, обходя молчанием центральное положение эссе. Общий тон комментариев Интернет-читателей был таков, что автор следует по стопам А.Синявского, который предпринял попытку демифологизации образа Пушкина в знаменитых «Прогулках с Пушкиным».

При таком разнообразии мнений как-то не обратили внимания на авторские приоритеты, которые, безусловно, располагаются на стороне непонятых, как утверждает автор, «толпой» Пушкина и Чаадаева. И дело тут даже не в том, разделяет ли писатель философские воззрения второго и считает ли близкими для себя тексты первого, сколько в самой установке сознания автора на примат индивидуального над массовым. Очевидно, что само эссе острием направлено в проблемы современности и служит примером протеста самого автора против характерной для нашей эпохи массовой культуры тенденции к усреднению, унификации до степени усвояемости массовым сознанием явлений *высокого*. Перед нами своеобразное проявление *отрицания ценностей культуры потребления*. И в этом плане авторское сознание Мейпариани, не будучи идентичным сознанию Р.Фина и Н.Гвелесиани, совпадает с их установками. Можно предположить, что отрицание ценностей культуры

потребления – один из компонентов собирательной картины мира русскоязычного литератора Грузии.

Третья модель описывает авторов, чья творческая самоидентификация реализуется в модуле «я - тбилисец». Для этой модели типичны:

- изображение Тбилиси как хронотопа;
- канонизация образа Тбилиси периода середины – третьей четверти XX столетия;
- восприятие мира с позиции «горожанин-тбилисец»;
- карнавализация современности;
- осмысление и оценка новой мифологии города, начавшей складываться на рубеже XXI века.

Эта группа достаточно многочисленна. Модель данного типа авторского сознания может быть определена как *мифоцентрическая* (с учетом мифологизированного восприятия Тбилиси и при осознании разных типов мифологизации – в недалеком прошлом и на современном этапе развития русскоязычной литературы).

Ярким было творчество тбилисского прозаика *Карена Абгарова*, чей единственный сборник рассказов был издан незадолго до смерти автора в 2003 году и в произведениях которого образ тбилисца предстает во всем своем многообразии. В сборник вошла и великолепная повесть «*Кукла Серго*», действие которой происходит в Тбилиси 1930-х годов, а главный герой предстает человеком, утратившим душу на пути духовных и нравственных подмен. Повесть удивительным образом перекликается с киношедевром Т.Абуладзе «*Локания*» и отличается великолепно воссозданным колоритом старого Тбилиси.

В этом модуле может быть рассмотрена авторская личность *Артема Аракеляна*, раскрывающаяся в рассказе «*Сикстинская мадонна*» [1]. Построенный по типу платоновского «*Пира*», рассказ повествует о типичных жителях Тбилиси, уже немолодых, бывших одноклассниках, собравшихся в одном из небольших ресторанчиков в старой части города для веселой дружеской пирушки, которая неожиданно превратилась в философский диспут о любви. Колорит места, типично тбилисские темы застольной беседы, язык, богатый сугубо тбилисскими языковыми клише, – все это узнаваемо и призвано в пределах малого жанра рассказа воссоздать облик родного автору города, увиденного глазами его коренного жителя.

К этой же группе представителей русскоязычной прозы Грузии относится и *Ростом Ломадзе-Неллин*, автор цикла рассказов из городской жизни «*Картинки недавних лет*» [5]. В этих небольших по объему художественных зарисовках воскресают реалии Тбилиси самых мглистых его времен – 1993-начала 2000-х годов. Прочтение текстов сквозь призму второго плана позволяет увидеть скрытые в них смыслы. Символически переданы реалии тогдашней жизни: падение курса национальной валюты, обнищание основной массы городского населения, отсутствие электроэнергии неделями, ставшие отнюдь не романтическим атрибутом, а необходимостью свечи, керосиновые лампы; разбитые дороги; грабежи на улицах; толпы беженцев, занимающихся уличной торговлей. Болью и грустью проникнуто отношение автора к своим героям: немолодому сыну, покупающему изредка в одной и той пирожковой пирожок для престарелой матери; торговцу содой, рекламирующе-

му свой товар на рынке громким возгласом на грузинском языке, который переводится на русский как «Основа для изготовления Боржом»; валютным менялам и многим другим персонажам городской уличной жизни – людям, в одночасье оказавшимся выброшенными из привычного круга интересов, дел и озабоченных только одним – выживанием. Однако автор замечает и другие составляющие собирательного образа тбилисца тех лет, и тогда он описывает одинокого ночного слушателя радио, который в городе, лишенном света, слушает работающий на батарейках старый радиоприемник для того, чтобы поучаствовать в радиовикторине и опознать стихи Гёте и музыку Чайковского. И эта викторина становится для него, зимней ночью одиноко сидящего в холодной, нетопленной квартире, доказательством: тбилисцы живы, навалившиеся проблемы не в состоянии уничтожить что-то главное в них, позволяющее оставаться людьми.

Результаты исследования

На основе проведенного исследования можно констатировать следующее:

- выявлены, проанализированы и систематизированы основные типы авторского мировидения, а также описаны особенности каждого из этих типов;
- на основе каждого из выделенных типов авторской картины мира путем анализа соответствующих художественных текстов были построены модели авторского сознания, получившие условное наименование *рациональная, новый европеизм, мифоцентрическая*; данные модели построены на основе анализа текстов (тематика, проблемы, идеи художественного текста, идиостиль писателя и т.д.), а также учета предлагаемой конкретным автором концепции мира;
- в проведенном анализе с учетом осознаваемой нами неизбежной разницы между авторскими личностями стало возможным выделение общих закономерностей многообразия личностного бытия, что и было положено в основание предлагаемых моделей авторского сознания.

Выводы

В ходе исследования русскоязычной литературы Грузии в контексте авторского сознания были сделаны следующие выводы.

Исследование коммуникативной структуры произведений русскоязычных авторов Грузии с целью обнаружения субъектных форм выражения авторского сознания в текстах показало опосредованность фабулы восприятием авторов основных выделенных концептов их художественного мира – концептов *Россия, Тбилиси, Европа*. В тех случаях, когда повествование проецируется через воспоминания нарратора (Р.Фин, А.Ломадзе-Неллин), выявляется просветительская функция текста. Авторы сознательно акцентируют внимание на узловых моментах повествования, которые определяются основной проблемой – проблемой памяти. В тех отрывках текстов, где автор обращается к художественному вымыслу, обычно можно наблюдать отсылку к гносеологическим проблемам человеческого сознания.

Авторская коммуникативная стратегия направлена на активное сотворчество с читателем, способным опознать и расшифровать в тексте те коды, которые сознательно использует автор. Таким образом осуществляется диалог в модусе «автор – идеальный читатель». Авторская установка на мифологическое осмысление культуры организует особый абрис текста, что способствует восприятию адресатом всего описываемого как эталонного (А.Ломадзе-Неллин), но при этом вступающего в конфликт с современностью: современность воспринимается как негативное время культуры, а прошлое как идеальное.

Особенности авторского моделирования мира у авторов русскоязычной литературы Грузии позволили выделить типы авторского сознания, каждый со своим центральным ориентиром, которые, рассматриваемые с позиций психологии творческих процессов, могут быть определены как проявление поиска утраченной гармонии, желания обрести новый облик самоидентичности, скорректированный под влиянием нового психологического и социального опыта.

Таким образом, выявленные особенности организации авторского сознания позволяют определить философско-эстетическое мировосприятие авторов – представителей русскоязычной литературы Грузии как опосредованное системой отношений между субъектами сознания в данных текстах. Авторское отношение, выступающее в качестве генерализующего центра, выражается в художественной структуре всех уровней: субъектно-содержательном и субъектно-формальном. Интенция авторского сознания, направленная к единению всех элементов текста, позволяет говорить о стремлении автора к целостному онтологическому мировосприятию.

В дальнейшем исследовании в рамках выработанных моделей выражения авторского сознания относится возможность изучения данного феномена в творчестве ряда других авторов русскоязычной литературы Грузии. Это позволит выработать общие закономерности в реализации смыслопорождающего механизма в творческом сознании русскоязычных авторов Грузии. Таким образом, авторское сознание проявляется в следующих формах:

- *художественно-литературной* – поэтика прозы характеризуется такими чертами, как тяготение к малым жанрам, автобиографическому повествованию, в плане художественного изображения – деконструкцией мифов прошлого, стремлением к осознанию новой реальности бытия;
- *рациональной* – желание обрести социальные и культурные смыслы в новой жизни.

Таким образом, русскоязычная проза Грузии переживает процессы, характерные для культурной парадигмы постмодерности. Авторская самоидентификация и саморефлексия отражают суть формирования нового авторского сознания, тяготеющего к постижению параметров динамично развивающегося мира.

References:

1. Arakelian A. (2012) Sikstinskaia Madonna [Sistine Madonna] // *Na kholmakh Gruzii*, № 15. – ICCN 1512-3960 [URL: <http://kholmmy-gruzii.ucoz.com/>], 32-39.
2. Bakhtin M.M. (1979) Estetika slovesnogo tvorchestva. [*Aesthetics of Verbal Creativity*]. Sost. S.G.Bocharov [Complier –Bogachov C. G.] Moscow, “Iskustvo”, 1979, p. 424.
3. Vinogradov V.V. (1961) Problema avtorstva i teorii stili [Problems of Authorship and Theories of Styles]–Moscow.
4. Korman B.O. (1972) Izuchenie teksta khudozhestvennogo proizvedeniia [Study of the Text of a Literary Composition]. Uchebnoe posobie – Moscow.
5. Lomadze-Nellin Rostom (2012) Kartinki nedavnikh let [Pictures of Recent Years] // *Na kholmakh Gruzii*, № 15, 86-115.
6. Megrelishvili T. (2012) Modeli samoidentifikatsii i samorefleksii v proze predstavitelei sovremennoi russkoiazychnoi literatury Gruzii [Models of Self-identification and Self-reflection in the Prosaic Representatives of the Modern Russian language Literature in Georgia.] – “Vernut’sia v Rossiia stikhami i prozoi...” Literatura russkogo zarubezhia / Powróćić do Rosji wierszami i prozą. Literatura rosyjskiej emigracji. [“Return to Russia with Poems and Prose...” Literature of the Russian Emigrants] - Akademia Pomorska w Słupsku, Słupsk, p.366-375.
7. Megrelishvili T. Guramishvili Z. Sovremennaiia russkoiazyczna literatura Gruzii: konceptosfera i nacional’naia identichnost’ [Modern Russian Language Literature in Georgia: Concept and the National Identity]. – Art Sanat. Special Issue of the International Virtual Forum – Istanbul, 2016 Yumanitarian aspects in geokultural Space. P.77-85.
8. Megrelishvili T. Relationship Between the Concepts of the Artistic Worlds Picture and the Discourse of the Georgian Poetry Written in the Russian Languages // “Humanities & Social Sciences”, 2015 8 (7), P.1501-1510.
9. Meipariani A. (2010) Apokrif/Eres’ tolpy [Apocrypha/ Heresy of the Crowd] // *Russkii pereplet* [URL: <http://www.pereplet.ru/text/meipariani23oct02.html>].
10. Romanenko A.S. (2014) Problema opredeleniia metodologicheskogo podkhoda k izucheniiu literaturnykh konstant [Problem in determining the methodology of learning the Literary Constant]– Vestnik TGPU (TSPU Bulletin). 2014. 9 (150).
11. Solso R. (2006) Kognitivnaia psikhologiya [Cognitive Psychology] – 6-e izd. — SPb.: Piter [The 6th Edition. Saint-Petersburg], 2006, P. 589. Foreign Literature (from the series “Masters of Psychology”).
12. Tarasova I.A. Obraz ili concept? K voprosu o kategoriiakh avtorskogo soznaniia [Image or Concept? On the categories of the Author’s Consciousness. Lingual Existence of a Human and Ethnos: Psycho-lingual and Cognitive Aspects] // Iazykovoie bytie cheloveka i etnosa: psikholingvisticheskie i kognitivnye aspekty. Materialy Mezhdunarodnoi shkoly-seminara (V Berezinskie chteniia). Resources of the international schools seminar (The 5th Berezina Lecture). Edition 15, INION RAN, MSLU, 2009. p. 262–267.
13. Tomashevskii B.V. (1923) Literatura i biografiia [Literature and Biography] // Kniga i revoliuciia [Book and Revolution] №4 (28).

Information about the authors:

Megrelishvili Tatiana. *The Georgian Technical University (Tbilisi, Georgia) – Full-Professor, Doctor of Philological Sciences, Member of **FIPLV** (International Federation of Language Teacher Associations), **GCLA** (Georgian Comparative Literature Association), **ICLA** (International Comparative Literature Association), co-founder of the **CCU** Association (Cross-Cultural Universe), President of the Association „**Litera**“. Author of more than 180 scientific works, among them, five monographs.*

E-mail: tatamegre@gmail.com

Guramishvili Zaira. *The Georgian Technical University (Tbilisi, Georgia) – Associate Professor, Candidate of Philological Sciences (PhD), member of the association “**Litera**”. Author of more than 50 scientific works, among them, one monograph, two textbooks.*

УДК (UDC) 242

*Beisembayev Amangeldy Rakishevich,
Innovative University of Eurasia, Pavlodar, Kazakhstan*

**ЭЛЕКТИВНЫЙ КУРС "ПРАГМАТИКИ РЕЛИГИОЗНОГО ДИСКУРСА"
КАК ФРАГМЕНТ НОВОЙ ПАРАДИГМЫ ЗНАНИЙ (мастер-класс)**

**ELECTIVE COURSE "PRAGMATICS OF THE RELIGIOUS DISCOURSE" AS
A FRAGMENT OF THE NEW KNOWLEDGE PARADIGM (MASTERCLASS)**

Abstract

The article presents the description of the elective course "Pragmatics of the Religious Discourse" the aim of which is to prepare a graduate possessing a set of speaking and behavioral competencies necessary in an individual's social context. The author has considered the methodology of the subject teaching that lead to achieve the aims and the tasks of the course. Theoretical interpretation is presented as well. In the author's view, introduction of this interdisciplinary educational content helps to form students' integral system of knowledge, mastering the competencies for participation in the religious discourse, mastering skills to forecast the frame model of the religious discourse to avoid the risks of speaking errors and unrealized speech intention.

There is a list of the course's key concepts such as text, discourse, communicative strategy, communicative tactics, etc., that provide a common view of the knowledge content necessary to master the subject successfully. To activate students' cognitive activity they are offered to practically apply the methods of content-analysis of mass media texts with the religious content. Students' independent work assumes to impart the competencies of their orientation in mass media religious discourse. The practical tasks for students are carefully considered, that is why there are the examples of the discourse-analysis done by the students studying the subject.

Keywords: *education system, discourse, religious discourse, pragmatic context, elective subject, educational content, syllabus, cognitive activity, training methods, training approaches.*

Введение

Одной из открытых проблем высшего образования является его содержание, которое не должно быть отчуждено от жизненных ценностей личности. Такой результат возможен через интеграцию различных способов познания мира, способствующих увеличению творческого потенциала человека для свободных и осмысленных действий, целостного и открытого восприятия и осознания окружающей действительности. Современное общест-

во нуждается в специалистах с широким спектром компетенций, что достижимо через формирование у студентов дополнительных, овладение которыми возможно посредством разработки и введения в учебный процесс элективных курсов, к которым и относится «Прагматика религиозного дискурса».

Религиозный дискурс является фактором многообразия мира, который приобрел свою остроту в последнее время. Так, различные проявления общественной религиозности оказывают влияние на поведение людей, политику государств, приводят к обострению религиозной ситуации в отдельных регионах мира, зачастую к социальным конфликтам и тяжелым общественным потрясениям. В этой связи общество, конкретные люди ждут ответы на следующие вопросы: как спрогнозировать динамику религиозной ситуации, как избежать конфликтов на религиозной почве, как выработать линию коммуникативного поведения и т.п. Важным для понимания являются содержательные границы, основные характеристики, а также цели, достижение которых преследует указанный тип общения. «Религиозные субъекты и институты, традиции и ритуалы, религиозная идеология и культура и др. элементы опосредованы дискурсом, реализуются через него: они либо составляют предмет общения (референционный аспект), либо выступают в качестве элементов прагматического контекста» [1].

Целью написания данной статьи является выявление прагматических особенностей религиозного дискурса, выделение его среди институциональных видов дискурса. Выбор данной темы обусловлен тем, что религия сосредоточивает в себе глобальные понятия человечества, которые хранятся в священных текстах и реализуются в речи участников религиозной коммуникации. Актуальность исследования религиозного дискурса определяется развитием теории дискурса как научного направления в области лингвистики текста, а также повышающимся интересом лингвистов к изучению религиозного дискурса в целом.

Теория

Подчеркивая важность религии в жизни общества, следует отметить, что она всегда претендует на знание абсолютной истины, заложенной в святом писании, хранит в себе универсальные смыслы, самые важные для человека и общества в целом. Являясь знакомыми системами со специфическим содержанием и способами его передачи, язык и религия представляют две формы общественного сознания, отображающие мир в сознании людей: «язык выступает как универсальная оболочка всех других форм общественного сознания, а религия – как универсальное содержание, т.е. как универсальные смыслы, передаваемые в общении» [2, с. 3]. Данный контекст позволяет говорить о существовании отдельного вида институционального дискурса – религиозного, исследование которого позволяет вскрыть глубинные характеристики как языка, так и религии.

Религиозный дискурс «представляет собой сложный коммуникативно-культурный феномен, основу которого составляет система определенных ценностей, который реализуется в виде определенных жанров и выражается посредством определенных языковых и речевых средств» [3, с. 162-167].

При рассмотрении религиозного дискурса, представленного в современном информационном поле, важным оказывается установление его содержательных границ, основных характеристик, а также целей, достижение которых преследует указанный тип общения. При этом следует помнить и об особой системе ценностей рассматриваемого дискурса, которые сводятся к ценностям веры – признание Бога, понятие греха, добродетели, спасения души, ощущение чуда и др., об их императивном утверждении.

Религиозная дискурсивная сфера, как и любая другая, характеризуется особым планом аксиологических ценностей. В сфере религиозной практики вера как глобальная мировоззренческая категория представляет собой интерсубъектную ценность, которая не редуцируется. Стандарты верификации базируются на том, что истинность понимается не как соответствие действительности, а как соответствие высшему, сакральному носителю истинности - Тексту, а сама процедура верификации сводится к операции объяснения, носит текстуальный характер отсылки. Участник религиозного дискурса (представитель масс-медиа) должен помнить, что попытка применения рациональных верификационных процедур невозможна, так как их использование будет расценено оппонентом, как бессмысленная.

Также необходимо учитывать, что любой дискурсивной сфере допустимо использование оценочных критериев контрдискурсии *«верно/неверно»*, *«правильно/неправильно»*, кроме религиозной, где на первый план выходит *«соблюдение презумпции искренности субъекта оцениваемого текста»*, *«степень достаточности веры автора»*.

Таким образом, для адекватного анализа религиозных текстов важным оказывается требование четкой фиксации границ дискурсивной сферы, в которых эта деятельность осуществляется.

Религиозный дискурс, понимаемый как религиозный текст в ситуации реального общения, допускает разные исследовательские подходы:

- лингвистический – исследование собственно языковых признаков религиозного текста, его анализ с точки зрения полноты, правильности, логичности высказываний текста;
- социологический подход предполагает статусную дифференциацию участников религиозного дискурса;
- *«освещение способа общения в самом широком смысле составляет суть прагматических концепций дискурса»* [4].

Таким образом, религиозный дискурс является актуальным объектом исследования. Использование дискурс-анализа, не являющегося «методом» в традиционном смысле, а являющемся своеобразным набором процедур, позволит выявить все его конститутивные признаки, которые, по В.И. Карасику, *«включают участников, условия, организацию, способы и материал общения, т.е. людей в их статусно-ролевых и ситуационно-коммуникативных амплуа, сферу общения и коммуникативную среду, мотивы, цели, стратегии, канал, режим, тональность, стиль и жанр общения и, наконец, знаковое тело общения (тексты и/или невербальные знаки)»* [5, с. 12].

Данные и методы

Цель введения данного междисциплинарного обучающего контента – создание обучающей базы для овладения знаниями о теории происхождения религиозного дискурса, формирования целостной системы знаний, овладения студентами компетенций для участия в религиозном дискурсе, овладения навыками прогнозирования фреймовой модели религиозного дискурса во избежание рисков речевых провалов, нереализованной речевой интенции.

Для достижения поставленной цели студенты под руководством преподавателя идут к решению комплекса задач, таких как:

- уяснить смысловое толкование понятия «религиозный дискурс» и выявить его компоненты;
- выявить основные признаки и категории религиозного дискурса;
- проследить принципы организации религиозного дискурса;
- делать прагматико-лингвистический анализ текстов религиозного толка.

По окончании курса студенты должны:

- **знать и понимать** смысловое содержание, признаки основных категорий религиозного дискурса, типологию текстов;
- **уметь** определять компоненты и давать характеристику религиозного дискурса, решать коммуникативные ситуации в рамках религиозного дискурса;
- **владеть** навыками анализа единиц (текстов) религиозного дискурса.

К ключевым понятиям, необходимым для успешного усвоения понятийной базы, относятся: дискурс – это «совокупность речемыслительных действий коммуникантов, связанных с познанием, осмыслением и презентацией мира говорящим и осмыслением языковой картины мира адресанта слушающим (адресатом)... Дискурс можно одновременно считать живым процессом общения и самой обобщенной категорией межличностной интеракции» [6, 138]:

- прагматические компоненты организации религиозного дискурса:

- 1) участники,
- 2) хронотоп,
- 3) цели,
- 4) ценности (в том числе, ключевой концепт),
- 5) стратегии,
- 6) материал (тематика),
- 7) разновидности и жанры,
- 8) прецедентные (культурогенные) тексты,
- 9) дискурсивные формулы [5, с. 221].

- когнитивно-прагматические параметры религиозного дискурса:

- 1) речевое поведение коммуникантов как тип социального поведения;

- 2) запланированное воздействие на речевое сообщество и отдельную языковую личность (персуазивность, суггестия, речевое манипулирование);
- 4) система тематически соотнесенных текстов, формирующих в своей целостности определенную дискурсивную среду;
- 5) презентация резонансного события религиозного характера;
- 6) прагматика рекламности религиозного дискурса;
- 7) система определенных концептов, значимых для формирования картины мира коммуникантов.

В рамках понятийной базы в презентуемом элективном курсе рассматриваются доминантные компоненты религиозного дискурса: адресность (определяет круг участников религиозной коммуникации); оценочность (устанавливает позицию участников коммуникации по обсуждаемому вопросу); агональность (реализует состязательность участников дискурса, устанавливает их религиозную идентификацию по шкале оппозиции «свой- чужой»), ролевые позиции (к ним относятся позиционные, статусные, ситуационные, определяющие иерархию взаимоотношения коммуникантов: зависимое, паритетное, приоритетное); интенциональность (определяет единение в вере). Важным для освоения курса является понимание сущности таких понятий, как адресат в исламе, христианстве, буддизме, коммуникативное намерение, коммуникативные стратегии и тактики, коммуникативная ситуация, текст (передаваемое сообщение), декодирование, коммуникативные неудачи, речевое моделирование, фреймы.

При рассмотрении конкретных речевых ситуаций религиозного характера для студентов важно овладеть тактиками речевого поведения: готовность отстаивать свою позицию, учет компонента «наличие противоположного мнения», аргументативные приемы, презумпция искренности субъекта дискурсивной практики, событийная локализация, использование сакральных фигур, апелляция к образцу и апелляция к авторитету.

Все перечисленное дает общую картину содержания знаниевого контента, необходимого для успешного освоения дисциплины.

Для активизации познавательной деятельности студентам предлагается применение на практике методов и приемов контент-анализа текстов масс-медиа, освещающих религиозную тему, входящих в поле религиозного дискурса. Самостоятельная работа студентов предполагает привитие компетенций по ориентированию в масс-медийном религиозном дискурсе, где и происходит процесс их вовлечения. В этом случае «движущей силой вовлечения становится доминирование вовлекающей стороны, её стремление во чтобы то ни стало, но при этом по возможности конспиративно, сформировать последователей и стейкхолдеров для проведения нелегальных действий (например, для осуществления прозелитических акций как поводов для вербовки потенциальных членов организации, для расширения сети обучающих семинаров, на которых осваиваются азы экстремистской идеологии и т.д.)» [7].

Самостоятельная работа студентов (СРС) предполагает работу с дополнительными источниками информации. Ниже представлены примеры заданий на СРС:

1. Сопоставить понятия: «текст» и «дискурс».
2. Проанализировать развитие понятия дискурс.
3. Раскрыть содержание признаков отличия текста и дискурса.
4. Назвать общие признаки текста и дискурса.
5. Подготовить доклады и выступления по теме: «Религия как форма общественного сознания».
6. Определить, с какими закономерностями и ошибками религиозного дискурса вы сталкиваетесь в повседневной жизни?
7. Составить таблицу на тему: «Основные функции компонентов религиозного дискурса».
8. Написать эссе на тему: «Современные массмедиа как площадка реализации религиозного дискурса».
9. Подготовить конспект: книги Карасик В. И. «Языковой круг: личность, концепты, дискурс».
10. Подготовить презентацию на тему: «Адресность как один из основных компонентов религиозного дискурса».
11. Подготовить рефераты по темам «Религиозное сознание казахстанцев на современном этапе - культурологический дискурс» и «Религиозный дискурс: ценности, жанры, стратегии (на материале православного вероучения)».
12. Рассмотреть компонент «наличия противоположного мнения» в религиозном дискурсе.
13. Смоделировать ситуацию, которая подходила бы под данную цепочку; «адресант – интенция – текст + коммуникативная ситуация – адресат – декодирование – воздействие (перлокутивный эффект / коммуникативная неудача)».
14. Подготовить сообщения по темам «Дискурсивные слова и интенциональность аналитического текста» и «Интенциональность в ложном дискурсе».
15. Подготовить реферат по одной из тем «Событийная локализация в религиозном дискурсе», «Нормирующие функции дискурса», «Сакральные фигуры как примеры для подражания», «Моделирование коммуникативной ситуации в религиозном дискурсе» и «Апелляция к образцу и апелляция к авторитету как аргументативные тактики коммуникации».
16. Составить таблицу «Жанровая составляющая религиозного дискурса».

По окончании изучения курса студенты сдают экзамен, который проводится в форме защиты творческого проекта.

Учитывая сложность теоретического материала, необходимо подчеркнуть важность роли педагога в его усвоении.

При проведении семинаров и практических занятий студенты могут выполнять СРС как индивидуально, так и малыми (творческими) группами, каждая из которых разрабатывает свой проект (задачу). Выполненный проект (решение проблемной задачи) затем рецензируется другой группой по круговой системе. Публичное обсуждение и защита своего варианта повышают роль СРС и усиливают стремление к ее качественному выполнению. Да-

лее будет представлен анализ фактического материала, выполненного под непосредственным руководством преподавателя. Данная система организации практических занятий позволяет вводить в Учебно-профессиональные задачи научно-исследовательские элементы.

Перед началом выполнения задания преподаватель дает общие методические указания (общий порядок решения, имеющиеся справочные материалы и т.п.). Такая форма СРС способствует более глубокому усвоению изучаемого материала.

Полученные результаты

Опыт преподавания данной дисциплины позволяет сделать выводы о результативности освоения знаний. Ниже представлен пример дискурс-анализа, выполненного студентом, по методике А.Е. Карлинского (8).

Исходный материал – статья с сайта *biblepravda.com* «Баунти - райский остров, где живут адвентисты».

«Баунти - райский остров, где живут адвентисты»

«Среди экзотических тихоокеанских островов есть один уникальный остров Баунти (Питкэрн), население которого стопроцентно состоит из христиан адвентистов седьмого дня. Баунти ассоциируется не только с вкусным шоколадным батончиком с мякотью кокоса, но и увлекательной историей, сделавшей остров наиболее популярным во всей Океании.

23 января 1790 года к берегам острова пристало судно «Баунти», и тут началось самое интересное. После многих междоусобиц моряки приняли решение следовать Библии в повседневной жизни. Когда о Баунти узнали адвентисты, то были весьма удивлены, что вероучение у них оказалось адвентистское.

Островитяне ничего не знали об адвентистах, они просто исследовали Священное Писание и жили согласно прочитанному. Узнав о том, что есть всемирная Церковь, которая следует Библии и только Библии, все население острова Баунти с радостью примкнуло к Церкви Адвентистов Седьмого Дня.

До сего времени жители острова Баунти представляют особый интерес у врачей, ведь прекрасное физическое здоровье, высочайший моральный уровень, крепкие и дружные семьи, всесторонняя образованность и трудолюбие – отличительные черты населения Питкэрна. Этот остров является символом и не побоимся фразы – перерождения людей.

Отдельно стоит упомянуть о душевном здоровье питкэрнцев. У них полностью отсутствуют психозы, самоубийства и все те обстоятельства, которые ведут к совершению преступлений: отчужденность, несправедливость, ревность и конфликты между поколениями. Как следствие – нет и преступлений. Бросается в глаза впечатляющее сложение мужчин и женщин.

Вот почему остров Баунти является символом земного рая. Адвентистский способ жизни следования Слову Божьему показывает всему миру преимущества послушания Бо-

гу во всех аспектах. Примечательно то, что райский уголок реален не только на острове Баунти, но и для каждого человека, сделавшего выбор следовать Библии в повседневной жизни».

По материалам: *biblepravda.com*

Шаг 1: описание ситуации общения.

Читатель знакомится со статьей журналиста, опубликованной на сайте *biblepravda.com*. Автор обладает определенными знаниями о предмете повествования, читатель – случайный посетитель сайта.

Шаг 2: определение типа дискурса.

Определим тип дискурса, обозначив предмет (тему) обмена мыслями автора и читателя. В данном случае перед нами путевой очерк, так как материал соответствует таким требованиям, как единение аналитического и образного начал. Перед нами текст описательного характера, повествующий о жизни островитян.

Шаг 3: установление структуры дискурса.

Для установления структуры дискурса мы можем определить темы внутри самого текста повествования, так как реакция читающей стороны не известна. Выделяем тематические разделы дискурса по тексту.

I. Вступление (по законам жанров журналистики ЛИД, который служит цели «заманить читателя», увлечь его: *«Среди экзотических тихоокеанских островов есть один уникальный остров Баунти (Питкерн), население которого стопроцентно состоит из христиан адвентистов седьмого дня. Баунти ассоциируется не только с вкусным шоколадным батончиком с мякотью кокоса, но и увлекательной историей, сделавшей остров наиболее популярным во всей Океании»*)

II. Предыстория ситуации (*«23 января 1790 года к берегам острова пристало судно «Баунти», и тут началось самое интересное. После многих междоусобиц моряки приняли решение следовать Библии в повседневной жизни»*.)

III. Главная мысль, которую передает автор (*«Островитяне ничего не знали об адвентистах, они просто исследовали Священное Писание и жили согласно прочитанному»*.)

IV. Аргументация правильности выбора островитян (*«Этот остров является символом и не побоимся фразы – перерождения людей»*.)

V. Заключение – пропаганда образа жизни островитян (*«Примечательно то, что райский уголок реален не только на острове Баунти, но и для каждого человека, сделавшего выбор следовать Библии в повседневной жизни»*.)

Шаг 4: Определение места коммуникантов в местах перехода хода.

Автор завлекает читателя, знакомит с чудесным островом, ведет читателя за собой.

Процесса перехода хода мы не наблюдаем, можем лишь проследить путь, по которому автор ведет нас. Используя возможности жанра путевой очерк, автор постепенно вводит читателя в этот мир, показывает преимущества их образа жизни, аргументирует свою речь ссылками на авторитетное мнение врачей, которые подтверждают хорошее физическое здоровье жителей острова. Отдельный аргументационный блок занимает описание их психологического микроклимата, способствующего сохранять здоровую атмосферу межличностных отношений. Автор не дает возможности уйти в сторону от своей цели, четко ведет читателя по своему пути повествования. Можем констатировать, что перехода хода нет, автор удерживает позицию ведущего данного дискурса.

Примечание: мы не можем определить, достиг ли автор своей цели, так как не ставим перед собой такой задачи.

Шаг 5: Семантические особенности речевого поведения коммуниканта А.

А – инициатор интеракта, организует свое взаимодействие с коммуникантами – читателями. А держит инициативу в своих руках, пытается удержать внимание читателя, проявляя тем самым контактоустонавливающую тактику общения.

Шаг 6: Семантические особенности речевого поведения коммуниканта В

Мы не ставим целью определение характера реакции и речевого поведения читателя.

Шаг 7: Определение интенций, речевой стратегии и тактики коммуникантов

Коммуникант А активен, является инициатором коммуникации, он вовлекает читателя в процесс общения, повествует, доброжелателен, рассказывает о прелестях жизни островитян, радужно рисует картину их повседневности, этим определены его речевые стратегии и тактики. Основная стратегия – вести читателя в свой дискурс, для этого А использует тактики: доброжелательный тон повествования, отсутствии нравоучений, отсутствии критики в адрес читателя, А не сопоставляет образ жизни описываемых островитян с образом жизни читателя. Более того, он и для себя не отводит места в статье, ничего не говорит явно о том, как он живет, чего он придерживается. Общий план речевого поведения коммуниканта А – вовлечь читателя в мир островитян.

Шаг 8: Семантические особенности всего дискурса.

Дискурс имеет форму повествования, с целью пропаганды определенного образа жизни, основанного на принятии канонов конкретного течения христианства.

Автор в одностороннем порядке, используя факты в выгодном ему свете, представляет идеалистическую картину рая на земле, созданного руками островитян на отдельно взятом участке обитания.

Шаг 9: Лексико-грамматические аспекты дискурса.

Остановимся на лексических особенностях данного дискурса. Характер дискурса – публицистический, лексические единицы входят в активный словарный запас носителей языка, отвечают нормам литературного языка. К примеру, использован слоган «*Баунти* –

райское наслаждение», прецедентный текст, источником которого является масс-медиа (реклама известного шоколадного батончика). Сообщение не носит провокационный характер, в речи коммуниканта А не обнаружены слова с отрицательной смысловой нагрузкой. Текст не перегружен терминами, читается легко. Стил повествования размеренный, нет описания динамичных действий. История островитян представлена как осознанный путь прихода к вере, который был закономерен для людей, «сделавших правильный выбор» в определении своей жизненной философии.

Грамматический строй.

Предложения построены в виде полных законченных высказываний. Для дискурса характерен прозрачный синтаксис. Особенность данного материала в том, что автор использует как сложные предложения, так и простые. Создается эффект, что все события в повествовании не повлияли друг на друга, все протекало параллельно. Одно действие не является следствием другого. Островитяне пришли к своей вере потому, что так оно и должно было быть, это закономерно: *«Островитяне ничего не знали об адвентистах, они просто исследовали Священное Писание и жили согласно прочитанному»*.

В заключение проведенного анализа хотелось бы отметить следующее: создается общее впечатление по прочитанному, что автор намеренно опускает важные факты, относящиеся к теме повествования. В ходе проведения анализа фактического материала мы обратились к дополнительным источникам и выяснили следующие факты, которые привели нас к дополнительным выводам исследования:

Адвентисты – апокалиптическое сектантское движение протестантского толка, характерными чертами которого являются вера в скорое Второе пришествие Христа и соблюдение субботы, основанные на неверном с точки зрения традиционного христианства экзегетики толковании Священного Писания.

Автор погружает читателя в увлекательную историю об острове под названием Баунти. Однако такого острова не существует. Острова Питкэрн, о которых он говорит – включают в себя пять островов, один из которых обитаем. Острова известны в основном благодаря тому, что их первоначальные поселенцы были мятежниками с британского корабля «Баунти», а также таитянками, которых они взяли с собой на остров, о чем упоминает журналист. Однако, он не сообщает читателям, что Питкэрн - самая малонаселённая территория в мире, с населением 56 человек по переписи 2014 года. Постоянно на острове проживают 45-48 человек. И, хотя автор и говорит о том, что сто процентов населения проповедуют адвентизм, он не уточняет, что оно (население) так немногочисленно.

Следующая часть повествует о том, что островитяне, сами того не подозревая, проповедовали адвентистское учение, следуя Библии. Хотя, по факту, а 1886 году на остров прибыл адвентистский миссионер Джон Тау, а в 1890 всё население Питкэрна перешло из англиканства в адвентизм. Суббота стала выходным днём, а все свиньи на острове, завезенные еще на Баунти (и теперь признанные нечистыми животными) были убиты. Сегодня адвентизм является единственной религией на острове, при этом лишь 20 % на-

селения Питкэрна регулярно посещают богослужения. То есть миф о том, что жители острова Питкэрн самостоятельно начали следовать канонам Библии – ложь, которую автор хочет выдать за правду.

Постепенно автор пытается подвести читателя к мысли о том, что проповедование религии ведет к правильной жизни. Этому свидетельствуют те факты, что жители острова обладают прекрасным физическим и психическим здоровьем, высочайшим моральным уровнем, у них крепкие и дружные семьи наводят на мысль о том, что всего этого они добиваются благодаря религии. Однако он не упоминает, что налогов островитяне не платят никому, жилье им ничего не стоит, хозяйство тоже. Время от времени они испытывают лишь нужду в керосине, что же касается орудий труда, то ими жителей обеспечивает магистрат. Кое-кто из молодежи использует накопленные деньги на то, чтобы приобрести транзисторы. То есть по факту они не нуждаются в каких-либо благах цивилизации и живут они за счет своего труда.

Это дает основание для того, чтобы усомниться в достоверности слов автора, который манипулирует сознанием читателя, умышленно искажает либо утаивает факты реальности, описываемой в его путевом очерке.

Заключение.

Современные массмедиа являются площадкой реализации самых различных целей и задач, в том числе религиозного толка.

Религиозный дискурс является коммуникативной средой, предполагающий особый тип социального поведения участников речевого взаимодействия, а сам процесс коммуникации подразумевает использование лингвосуггестивных техник манипуляции, способных существенно повлиять на изменение языковой картины мира участников религиозной коммуникации.

Важным является определение параметров структурирования пространства религиозного дискурса в соответствии с направлением религиозной коммуникации и актуализацией определенных стратегий коммуникации. Участникам религиозного дискурса следует помнить, что ключевым концептом, определяющим его коммуникативное поведение, является вера в сверхъестественную силу. Религиозный дискурс представляет собой особый тип институционального дискурса с определенными участниками, целями, ценностями, стратегиями, разновидностями, жанрами, дискурсивными формулами, анализ которого позволит выработать линию коммуникативного поведения представителя светского образа жизни.

References:

1. Bobyreva, E.V. Religious discourse: values, genres, strategies (on the material of the orthodox teaching) [Text] / E.V. Bobyreva. – Volgograd: Peremena, 2007. – 375 pages
2. Mechkovsaya, N. B. Yazyk i religiya [Language and religion]. – М.: “Fair” Agency, 1998. – 352 pages.
3. Vereschagyn, E. M. Lingvostranovedcheskaya teoriya slova [Linguistic and cultural theory of words]. – М.: Russian language, 1980. – 320 pages.

4. Karasyck, V.I. Ritualniy discours [Ritual discourse] // Speech genres 3. – Saratov: Colledge, 2002.
5. Karasyck, V.I. O tipakh discursa [On discourse's types] [Text] / V.I. Karasyck, V.I. Shakhovskoy // Linguistic identity: institutional and personal discourse: Collection of works / VGPU – Volgograd: Peremena, 2000. – P. 5-20.
6. Batsevich, F.S. Osnovy communicativnoy lingvisticky [The basis of communicative linguistics]: Podruchnick. – K.: “Academy” Centre, 2004. – 344 pages.
7. Discourse [Electronic resource]. URL:
http://www.krugosvet.ru/enc/gumanitarnye_nauki/lingvistika/DISKURS.html#1002254-L-103
(application date: 12.01.2017).
8. Karllinsky, A.E. Principles, methods and ways of linguistic research. – Almaty: Kazakh Ablai Khan University of international relations and world languages, 2003. – 184 pages.

Information about the author:

Beisembayev Amangeldy Rakishevich – Doctor of Philological Sciences, Professor at Innovative University of Eurasia, Prorector for Marketing.
E-mail: aman2908@mail.ru

*Elena Ciprianova, Associate Professor, PhD,
Department of English and American Studies,
Constantine the Philosopher University, Nitra, Slovakia*

*Svetlana M. Minasyan, Associate Professor,
Department of Theory and History of Pedagogy,
Kh. Abovyan Armenian State Pedagogical University,
Yerevan, Armenia*

*Olga Ruda, Associate Professor, PhD.,
Department of English and American Studies,
Constantine the Philosopher University, Nitra, Slovakia*

ENGLISH LANGUAGE EDUCATION POLICIES IN EAST CENTRAL EUROPE: THE CASES OF SLOVAKIA AND UKRAINE

ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ ПОЛИТИКА В ОТНОШЕНИИ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА В ЦЕНТРАЛЬНО-ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ: НА ПРИМЕРЕ СЛОВАКИИ И УКРАИНЫ

Abstract

Currently English is the most widely studied foreign language in the European Union. For their part, Slovakia and Ukraine are following in the same direction as the rest of Europe, where English is typically the first foreign language learned. The paper discusses recent English language education policies in Slovakia and Ukraine in relation to the role of English in Slovak and Ukrainian societies. We consider how the English language is spread and disseminated in these countries and how English interacts with the Slovak and Ukrainian languages at different levels of education and institutional administration. The paper offers a comparative study of English language education policies in two East Central European countries whose educational systems have been undergoing significant changes aiming to promote widespread English language teaching. The paper primarily addresses problems related to English instruction resulting from the unsatisfactory results of a series of educational reforms undertaken by the Slovak and Ukrainian governments over the last few years.

Keywords: *East Central Europe, Slovakia, Ukraine, English, language education policy, reforms.*

Introduction

East Central Europe is in the Expanding Circle of Englishes, and as O'Reilly (1998, p.78) noted, the English language was not a recent novelty to this region. Researchers generally recognize that Europe has been a polyglot region for at least 2.5 millennia (Wilton & De Houwer, 2011, p.1). Moreover, English has been studied as a foreign language throughout mainland Europe since the nineteenth century (Kachru et al., 2006). The 'Key Data on Teaching Languages at

School in Europe 2012' report confirms that English is the most frequently taught foreign language in almost all European countries (Eurostat, 2012). The shifts in English language education policies, including language ideologies, curriculum development, teacher training and teaching practices in various historical, cultural and sociolinguistic contexts worldwide have attracted substantial research interest in recent years (Durand, 2006; Bruen & Sheridan, 2016; Kirkpatrick, 2016). The previous literature has also discussed the role of English in European educational policies but has focused more on other regions of Europe, whereas Slovakia and Ukraine have received much less attention.

Data and Methodology

ENGLISH AS A LINGUA FRANCA AND THE NATIONAL LANGUAGES OF SLOVAKIA AND UKRAINE

The paper aims to explore and compare the roles of the English language in Slovakia and Ukraine and to provide a more detailed account of their foreign language education policies and recent reforms. We are going to investigate the policies and practices in the countries in question mainly through analysis of recent governmental and pedagogical documentation.

English is generally considered the *lingua franca* of Europeans, and the media and the Internet are often regarded as the leaders of global English. European English (or Euro-English) is English used locally by Europeans as an additional language for internal communication in the multilingual region of the European Union. Berns (2009) defines five functions of English in Europe – the innovative, interpersonal, creative, instrumental, and institutional (or administrative). Furthermore, he emphasizes that English helps modern Europeans engage more effectively in face-to-face contact with one another and that it penetrates their everyday lives through mass communication and media (Berns, 2009, p.195-196). Changing patterns of migration and language contacts have enriched the lexicons of European languages with enormous amounts of words imported from English. Anglicisms (linguistic borrowings from English) have been extensively studied in recent years (in Slovak by Böhmerová, 2006; Pauleová, 2010; Vepřová, 2011; in Polish by Mańczak-Wohlfeld, 2006; 2008; 2010; Witalisz, 2006; and in Ukrainian by Olijnyk, 2002; Serhejeva, 2002; Arkhypenko, 2005; Fedorets, 2005; Popova, 2005).

Some European countries that are not in the EU, such as Ukraine, have experienced diversification of the languages spoken within their borders (Ruda, 2015). According to data from a Nordic recognition network country report (2009), 1,253 schools (6 percent of the total number of schools in Ukraine) had Russian as the language of instruction in 2009, and Russian (in addition to other minority languages) was offered at school, although Ukrainian was the language of instruction.

Both Slovakia and Ukraine are European countries whose national identities have been constructed on an ethnic basis (Smith, 1991). A national language has been an important unifying component of their ethnic identities. Two years after the proclamation of the independent Slovak Republic, on November 15, 1995, the National Council approved the State Language Act, which established Slovak as the national language. The introductory section of the Act states that the

Slovak language is ‘the most important attribute of the Slovak nation’s specificity and the most precious value of its cultural heritage’ (Zákon Národnej rady Slovenskej republiky o štátnom jazyku Slovenskej republiky, 1995). Slovak is recognized as the state language for the entire Slovak Republic. Consequently, the Act requires the use of Slovak by administrative, legal, military and educational authorities in all areas of public communication. In the 1999–2011 period, the original Act was amended several times –but without changing the official status of Slovak as the state language. In case of breaches of the obligations of the Act, the Slovak Ministry of Culture has had the right to impose a fine.

In 2006 and 2007, various groups of Slovak linguists and intellectuals signed two petitions, ‘An Appeal to Protection of the National Language’ and ‘An Appeal to Responsible State Organs, Institutes, Politicians and Slovak Public’, to prevent what they perceived as the deterioration of standardized Slovak. The signatories called for stability and protection of the national language in the context of globalization and expressed concerns about Slovak absorbing English words. The petitions were opposed by other Slovak linguists, such as Ondrejovič (2010), who argued against anxious linguistic purism. Ondrejovič maintains that Slovak ‘is not under the threat of any language and lives its normal sociolinguistic situation’ (Ondrejovič, 2010, p.5). He attempted to resolve the dispute by accepting the inevitability of the certain impact of English on Slovak, but he also criticized the massive penetration of anglicisms into the national language for commercial purposes, citing examples of English names such as *Crown Plaza*, *River Park*, *Rača Gate*, and *Three Towers* given to buildings and building complexes in the nation’s capital. Nationalist attempts to stoke the fear that the Slovak language is in danger and thus in need of protection – particularly against English influences – seem to have gained little support from the general Slovak public, despite some efforts to maintain the purity of Slovak on the part of leading scientific and governmental institutions in Slovakia. Concerned with linguistic norms, the Department of Language, Culture and Terminology at the Slovak Academy of Sciences, the Division of the State Language and the Central Language Council of the Ministry of Culture play a custodian role similar to France’s Académie française. The linguistic committees working in the above-mentioned institutions monitor adherence to the codified norms of standardized Slovak and compliance with the State Language Act in official language use. Among other activities, which may not be free of purist tendencies, such committees also regulate the influx of anglicisms into Slovak, particularly in borrowed terminology. The implemented policy favors domestic Slovak terms over English borrowings.

In Ukraine as well as in other European countries, such as Estonia, Italy, and Portugal (Dearden, 2014, p.17-18), English has occasionally been discarded for political reasons to protect a national identity, a mother tongue or the freedom to study in a native language. Some Ukrainian linguists point to the excessive and often unjustified use of English borrowings and emphasize the need to keep the language free from ‘foreign words and elements’ and to protect the Ukrainian language from an influx of foreign loanwords and anglicisms, whose expansion threatens to erode linguistic and cultural identity (Radchuk, 2002, p.40; Vyshnivskyj, 2015, p.209). Currently, Ukrainian is the only official working language in the country, and Article 10 of the Constitution of Ukraine declares that ‘the state language of Ukraine is the Ukrainian language. The State ensures the comprehensive development and functioning of the Ukrainian language in all spheres

of social life throughout the entire territory of Ukraine. In Ukraine, the free development, use and protection of languages of national minorities of Ukraine, is guaranteed. The State promotes the learning of languages of international communication. The use of languages in Ukraine is guaranteed by the Constitution of Ukraine and is determined by law’.

On July 3, 2012, the Ukrainian parliament passed The Law of Ukraine No. 5029-VI On Fundamentals of State Language Policy (2012), which allowed the country’s regions to adopt more official languages in addition to Ukrainian if they were spoken by more than 10 percent of the locals. Such languages included Russian, Hungarian, Polish, and some other languages that did not reach the 10 percent requirement. According to the earlier Law of Ukraine No. 802-IV (2003) on Ratification of the European Charter of Regional or Minority Languages other possible official languages in Ukraine could be (listed partially alphabetically) Belarusian, Bulgarian, Gagauz, Greek, Crimean Tatar, Moldovan, German, Polish, Russian, Romanian, Slovak and Hungarian. Following the abolition of The Law of Ukraine No. 5029-VI On Fundamentals of State Language Policy in 2014, the new Ukrainian government began to promote English in the administrative, educational, scientific, and news media. In accordance with these changes, the Ukrainian Ministry of Education has increased the time allocated for English teaching at all levels of state education. Ukrainian educational authorities and institutions, including the Ministry of Education, universities, cultural centers, language schools, think tanks, and civic organizations, view the increased impact of English as a serious and appropriate geopolitical decision. In Ukraine, 2016 was designated the Year of Learning English, and the government announced its intention to launch a program popularizing English among Ukrainians and making knowledge of English a mandatory requirement for certain categories of civil servants and officials. The language learning promotion campaign included plans for the introduction of The Common European Framework of Reference for Languages: Learning, Teaching, Assessment (CEFR, 2001) at the legislative level in Ukraine. In addition, the Ministry of Education of Ukraine intended to implement an advanced training program for English language teachers and develop a program to attract English ‘native speakers’ (Go Global, 2015).

Results and Discussion

ENGLISH IN THE SLOVAK AND UKRAINIAN EDUCATION SYSTEMS

English instruction in Slovakia

English has been an integral part of all levels of national education in Slovakia for more than twenty years. English instruction begins in pre-school, and the first English classes are taken on an optional basis by children in crèches and kindergartens at the age of three or under. Learning English subsequently becomes part of primary, secondary and tertiary education.

The interest in and demand for English has been growing since the early 1990s, when a series of steps was taken to improve communicative competences in foreign languages. In 2001, the Slovak government adopted ‘The National Programme of Education and Training in the Slovak Republic for the Next 15-20 Years’ (also known as ‘The Millennium Project’), which proposed that students in primary schools study two compulsory foreign languages while lowering the

starting age for the first language to the 3rd grade (the age of eight). Following the European Commission's Action Plan 2004-2006 on Promoting Language Learning and Linguistic Diversity, the National Institute for Education, in cooperation with the Slovak Ministry of Education, drafted 'The Conception of Teaching Foreign Languages in Primary and Secondary Schools' (The National Institute for Education, 2007). The new model for the implementation of language-learning education supported the policy of plurilingualism proclaimed by the Council of Europe. The chief requirements of the reform were achieving B1/B2 level competence in a first foreign language and A2/B1 level competence in a second foreign language by the end of secondary education. The language proficiency levels were defined according to the Common European Framework of Reference for Languages (CEFR). The 2007 reform mandated learning a first foreign language in the 3rd grade and a second foreign language in the 6th grade of elementary school. English did not originally have priority over other languages. Primary education students could choose from six languages: English, German, Russian, French, Spanish, and Italian. This situation changed in February 2011, when the Slovak parliament passed the Education Act Amendment on Compulsory English. Beginning with the 2011/2012 school year, English became mandatory for the first time in all primary schools, but the Act did not specify the grade in which pupils should start learning the language, and they were allowed to decide which second language to study. A heated discussion preceded the formal agreement to the new law. Opponents of compulsory English argued against giving a privileged status to one foreign language. Assuming that the number of teaching hours will increase after approval of the amendment, critics of the legislation also emphasized pragmatic issues, such as the severe lack of qualified English teachers in primary schools. The initiative of the Ministry of Education finally received support because of the growing demand for English among the Slovak population that had become aware of the advantages of learning the world's most influential language.

Through the present day, English has maintained its special status in Slovakia's foreign language education. The most recent 'Innovative State Educational Programme for Primary Schools' was approved by the Ministry of Education, Science, Research and Sport of the Slovak Republic (2015a) and came into force on September 1, 2015. This policy states that in primary schools, English should remain a compulsory subject for all 3rd grade pupils, while a second foreign language (German, Russian, French, Italian, or Spanish) is optional for pupils beginning in the 7th grade. The time allocated for English instruction is three hours per week in third through ninth grades. The choice of a second language, with a minimum of two hours of instruction per week, is determined by parents' interest and the availability of teachers in a particular school.

At the secondary school level, English is not mandatory; Slovak students can choose two foreign languages to study. The languages offered are English, German, Russian, Spanish, French, and Italian. According to statistics, English is the most learned foreign language and German is the second (Eurostat, 2012, p.77). Students choose the foreign language in which they take the *Maturita* (a school leaving exam), but one foreign language is compulsory. Grammar school students are required by law to pass the exam at the CEFR B2 level, whereas students in vocational schools may opt for the B1 or B2 level. In the 2014/2015 school year, out of the 46,489 students completing their secondary education in Slovakia, 14,908 students took the B2 level English exam in 400 schools, and 21,792 took the B1 level in 480 schools. The average passing test rates were

68.2 percent for the B2 level and 51.4 percent for the B1 level (The National Institute for Certified Educational Measurements, 2015).

Apart from the ordinary primary and secondary schools, some schools specialize in providing English language education. Some state schools offer extra English instruction hours beginning in the 1st grade of elementary school. Bilingual English-Slovak primary and secondary schools also exist. Pupils at bilingual grammar schools learn two world languages for five years. The first year is devoted to intensive language training, typically 15 or more hours per week. From the 2nd grade onward, the core subjects are taught in English only. This type of education is statistically insignificant in Slovakia, and bilingual schools are found almost exclusively in the private sector.

In Slovakia, the British English model is preferred in English instruction, although state language education policy is not prescriptive with regard to the particular language variety. The list of English language textbooks recommended by the Ministry of Education for primary and secondary schools includes primarily British publishes, along with some Slovak publishers. Notably, Slovak primary schools receive state subsidies for buying only the textbooks included in the list.

Observers have noted a general tendency in English language teaching to question and gradually move away from models centered on the 'native speaker' (Kirkpatrick, 2006; Ciprianová & Vančo, 2010; Kohn, 2011). Although the concept of a *lingua franca* does not explicitly appear in the Slovak Innovative State Educational Program, it defines the objectives of language education in terms of general and communicative competencies developed in various communicative situations and contexts. With reference to the Common European Framework of Reference for Languages, the curricular document requires pupils to adopt communicative behavior that is 'appropriate to the situation and common in the countries where English is spoken'. The learning objectives are rather vague in determining the potential interlocutors and cultural conventions according to which the pupils are expected to behave. The document implies a shift from a monochrome 'native-speaker' standard to that of a more pluralistic intercultural speaker who is able to communicate with people who 'speak the given language' and understand 'the way of life and mentality of other nations' (The Ministry of Education, Science, Research and Sport of the Slovak Republic, 2015b). Adherence to the normative 'native-speaker' model is, however, implicitly evoked in formulations about correct uses of lexical, grammatical, syntactic and stylistic means in writing as well as in students' ability to react 'correctly' and 'appropriately' in ordinary social situations. Fulfilling these linguistic and sociolinguistic aims of English instruction assumes the presence of an arbiter who judges based on the notions of 'correctness' and 'appropriateness'.

In addition to primary and secondary schools, English is taught extensively at Slovak universities. At the end of 2014, twenty-two universities and fourteen institutions of higher education were operating in Slovakia (The Ministry of Education, Science, Research and Sport of the Slovak Republic, 2014). Currently, students can major in English at nine universities located throughout Slovakia. The study programs focus on the preparation of English language teachers, translators and interpreters. Except in teacher and translator training programs, English is studied as a single subject only for business and professional communication. Students at universities that provide education for future specialists, for example, in the fields of medicine, natural sciences,

business and economy, take regular English language courses at language centers that typically administer not only instruction but also language exams. These centers also organize resources to prepare students for international language certificates. Although the number of applicants for university study has been declining in the past few years, English continues to attract a large student body in Slovakia.

In contrast to other European countries, English as a medium of instruction (EMI) does not seem to be important in Slovak primary, secondary or tertiary education, and Slovakia does not follow the EMI trend. The country did not even appear on the research list of 55 countries in which English is established as the language of education (Dearden 2014). Few Slovak universities offer study programs taught in English, apart from certain medical schools, which are popular and continue to attract students from inside and outside Europe. The overall number of foreign students studying at Slovak universities is negligible. According to the annual report, foreign students constituted only 5.97 percent of the total student enrollment (The Ministry of Education, Science, Research and Sport of the Slovak Republic, 2014).

Finally, English remains the language most in demand at private language schools. English classes are taken by Slovak pupils and those who want to improve their language skills in order to pass exams, including university entrance exams, or increase their chances of finding a job. Another group of clients includes employees who need English for their work or who take English courses as a leisure time activity for personal reasons.

Despite a series of measures taken to promote and enhance the quality of English language teaching in Slovakia, the recent statistical data on learning English and proficiency of Slovaks are indicative of serious problems with the country's foreign language education. In a 2012 survey, the percentage of Slovak pupils learning English in primary schools remained substantially lower (58.4 percent) than average (73 percent) in the EU (Eurostat, 2012, p. 60-61). According to Eurobarometer, most Slovak respondents (63 percent) believed that English was the most useful language for their personal development (Eurobarometer, 2012, p.69), but only 26 percent claimed that they were able to converse in English. This figure was lower than the percentage in the majority of EU member states (Eurobarometer, 2012, p.21). Additionally, Slovakia belongs to the group of countries with the lowest rate of passive knowledge of English. Only 14 percent of Slovak respondents claimed to understand English on radio and television (Eurobarometer, 2012,p.31). In 2014, out of 1,300 secondary school students who failed in one subject on the school exit exam, 650 did not pass a test in English. This number was higher than the number of students failing in any other subjects on the final exam (Tvnoviny.sk, 2014). In December of the same year, the British Council conducted a survey among 428 primary and secondary school Slovak teachers of English. The report shows that 95 percent of the teachers with an average English teaching experience of nine years miss systematic in-service training, and 96 percent indicate that they need education in student engagement methods. More than 90 percent of the teachers demand didactic support for using the textbooks. What is most disappointing is that fewer than 21percent of these teachers feel fully confident in English. These results are in sharp contrast with teachers' perception of English as the most important world language and their recognition of its importance for pupils (British Council, 2015a).

In addition to the problems that teachers noted in the survey, achieving a higher quality of English instruction in Slovak schools has been hindered by the lack of qualified teachers. In 2007, according to the above-cited document ('The Conception of Teaching Foreign Languages at Primary and Secondary Schools'), the lowest proportion of qualified teachers of English was found at primary schools and, in particular, at the first stage of primary education (grades 1–4) (The National Institute for Education, 2007). Concurrent with the approval of the new language teaching model in September 2007, the Slovak government proclaimed that it was taking measures to ensure an adequate number of qualified foreign language teachers at all public schools. Three years later, however, a study from the National Institute for Education revealed that 57.76 percent of all English language teachers in the first stage of primary education still did not possess the required qualifications. This number was high relative to the percentages of unqualified teachers of other languages: 42.36 percent for German, 33.33 percent for Spanish, 15.00 percent for Russian, 12.50 percent for French, and 6.67 percent for Italian (The National Institute for Education, 2010). Establishing an effective strategic plan for increasing teacher quality became even more urgent with the introduction of compulsory English beginning in the 3rd grade in the 2011/2012 school year. In 2015, the number of qualified teachers at the first stage of primary education, with the most striking shortage, reached only 65 percent.

To improve the professional competences of English language teachers, the Ministry of Education launched a national project referred to as 'New Trends of Training English Language Teachers at Primary Schools', which included 3,000 teachers throughout the whole territory of Slovakia (The Ministry of Education, Science, Research and Sport of the Slovak Republic, 2015c). By developing teachers' competencies, the project also aimed to help implement modern methods and techniques for teaching English and to improve the overall quality of the teaching process. Numerous other projects, often with generous EU funding support, have been launched as part of the government's effort to enhance the quality of English language teaching in Slovakia.

The reasons for the shortage of qualified English language teachers tend to be similar to those reported by Reichelt (2005) and Kasztalska (2014) in Poland. Slovak teachers frequently decide to leave the profession because of the low salaries and inadequate social status in the eyes of the public. Those who remain in teaching positions tend to take additional jobs in private language schools or translation companies to augment their income. Even worse, many young graduates with English teaching degrees do not even intend to obtain a teaching job; instead, they envision their futures in other, more profitable employment areas (Koreňová, 2011). The average salary of Slovak schoolteachers for 2015 was 952 € (1,009 USD) (Aktualne.sk, 2015). This amount of money may not seem particularly low in comparison to the average monthly wage 955€ (1,013 USD) (Istp.sk, 2015). However, the problem seems to lie in regional income inequalities (the highest wages are traditionally in the western part of the country around the capital, while remaining very low in Eastern Slovakia), and the differences in the amount of extra benefits that teachers receive in addition to their statutory salaries. In reality, many Slovak teachers get paid much less than 952 euros per month. What makes the situation even worse is that Slovak teachers' salaries are the lowest among all OECD countries and the ratio of their salaries relative to earnings for tertiary-educated workers is also the lowest in the OECD (Education at a Glance: OECD Indicators, 2014).

English instruction in Ukraine

Ukrainians had historically limited contact with English-speaking foreigners during the Soviet era in the 20th century. Broad and interdisciplinary connections with English language speakers were established only after the fall of the Soviet bloc. Since the late 1990s, the language education system in Ukraine has been undergoing dramatic changes. For instance, during the late 1990s and early 2000s, compulsory foreign language instruction in general schools began in the 4th or 5th grade. Ukraine signed the Bologna Declaration in 2005 and then introduced the ECTS (The European Credit Transfer and Accumulation System) in 2008. A 12-year secondary education reform was introduced in 2001 and revised in 2010 to 11-year secondary education, and such reform will be reintroduced in 2017 (Sovsun, 2015). The next pivotal moment occurred in July 2014, when the Parliament of Ukraine adopted a new law on higher education, which had remained essentially unchanged since the Soviet era. This law is believed to be capable of providing financial, academic and administrative autonomy for educational and research institutions; introducing a framework for national qualifications; and improving the quality of education (Tatsenko, 2014).

Ukraine is a multilingual country. The first compulsory foreign language instruction in general schools begins in the 1st grade, and this language does not need to be English. German, French and Spanish are taught as first foreign languages in Ukrainian kindergartens, primary schools, secondary schools and universities; in these cases, the second foreign language is English. In Ukraine, the most frequently studied foreign language in secondary schools is English, followed by German, French and Spanish as options for the second foreign language. General secondary education consists of 11 grades and includes both primary and secondary levels of education. Students who have completed basic secondary education (9 grades) receive a certificate of basic secondary education, and those graduates who have completed full secondary education (11th or 12th grade) receive a certificate confirming their complete/full general education in secondary schools at the I-II level of accreditation. Ukrainian general schools do not correspond to Slovak types of schools, in that 1st through 4th grades are considered primary level, while grades 5-11 (12) constitute secondary education. General secondary education begins in the 1st grade, and pupils are 6 to 8 years old. In primary and secondary schools, the foreign language is chosen by the parents or educational establishment and is taught 1 hour per week in the 1st grade, 2 hours per week in grades 2–4, 3 hours per week in grades 5–8, 2 hours per week in the 9th grade, and 3.5 hours per week in grades 10–11 (for more details, see ‘Typical primary school curriculum No. 572’, approved by the Ministry of Education, Science, Youth and Sports of Ukraine) (osvita.ua, 2011). These processes and changes stimulated the strengthening and penetration of English into all spheres of education and science in Ukraine.

In specialized schools (secondary schools that specialize in certain subjects, such as foreign languages), the first foreign language is taught 2 hours per week in the 1st grade, 3 hours per week in grades 2–3, and 4 hours per week in the 4th grade, while the second foreign language may be introduced in the 5th grade. The second foreign language is optional and may be determined by the educational establishments themselves (Kukla, 2014). In grades 5–11, the time devoted to a first

foreign language amounts to 5 hours per week, and such instruction includes subjects such as foreign literature, business language, technical translation, and regional studies.

No particular variety of English is propagated in Ukrainian schools, which show no preference for or adherence to a British rather than American variant of English. Obligatory ELT textbooks for elementary and secondary schools are listed by the Ministry of Education of Ukraine and are written only by Ukrainian authors. However, for additional textbooks and teaching manuals at the elementary level or higher, the Ministry recommends the products of six mainly British publishing houses. The Ministry also supports the ELF model of language learning aimed at international communication.

Increasingly being used in primary, secondary and higher education, EMI has a great impact on the whole educational system in East Central European countries. According to Dearden, EMI is allowed in Ukrainian private primary, public secondary and private secondary schools but not in public primary schools (Dearden, 2014, p.11). However, in present-day Europe and Ukraine, the number of courses taught in English is increasing rapidly because of the Bologna process and various European and international organizations in Europe (e.g., the European Commission, the UN, NATO) (Seidlhofer, 2011, p.137). EMI attracts international students from around the world and offers new, lucrative opportunities (Dearden, 2014, p. 29). Ukrainian technical and medical educational institutions are the most popular among foreigners, and foreign students add \$504 million annually to the economy of Ukraine (osvita.ua, 2015a). Each of the 63,000 foreign students pays approximately \$ 2,000 in tuition. In Ukraine, knowing English is considered a means of attaining financial security and contemporaneity. We can witness a strong tendency to popularize English and to increase the number of hours taught in English compared to that seen in past decades.

English language competence is viewed as a key asset for university students. Ukrainian students with majors other than English may choose to take courses in this language or in another foreign language. Students of English philology, translation studies and teacher training programs, whose English language proficiency is typically higher, participate in more advanced courses. Furthermore, these students have course work in linguistics, methodology, or literature. English majors take seminars enabling the development of practical skills in reading, writing, grammar, phonetics, speaking, listening, and translation.

Today, Ukrainians have personal, professional, political and economic reasons for learning English. Secondary school and university students are inspired by interest in English-language new media, technologies, and international exchange programs. Educators and scholars need English to follow and read recent innovations in the field and to publish studies in international journals with high impact. Laypeople are especially motivated to learn English because the language dominates many fields in economics and trade, technology and tourism. Ukrainian educators agree that the popularization of English is an appealing idea for many reasons, including globalization, better job prospects and financial benefits for students, higher-quality research papers in English and an increase in international rankings.

Despite much interest and enthusiasm on the part of Ukraine, the reality of foreign language education in Ukraine differs from the expectations. In the rankings of the Education First English Proficiency Index 2014 (EF EPI, 2014), Ukraine was ranked 44th out of 63 countries, placing it among countries with low proficiency. In 2013, Ukraine was among the countries with moderate proficiency, with a score of 53.08. Today, Ukraine is 34th out of 70 countries and is again among countries with moderate proficiency. In comparison, between 2011 and 2014, Slovakia belonged to the group of countries with moderate proficiency but reached a higher place in the ranking (22 out of 63). Slovakia is currently 25 out of 70 among countries with moderate proficiency, similar to Ukraine's ranking (EF EPI, 2016).

To complete their secondary school education, all Ukrainian graduates must take External Independent Testing in a foreign language, equivalent to the Slovak *Maturita*. This exam tests two basic skills: writing and reading. The writing part tests students' ability to write personal and business letters and their adequate use of vocabulary, grammar and appropriate style. The reading part tests graduates' abilities to understand and summarize the content of authentic texts from different genres and to find and analyze important information in diverse texts. Students typically choose English as their foreign language. In 2014, 69,405 school graduates (92.2 percent) opted for English (zno.osvita.net, 2013; pedpresa.com.ua 2014). Statistics show that Ukrainian school graduates exhibited low levels of English proficiency in 2014. Only 0.11 percent of students earned the maximum score on the test. (Ukrajinska Pravda, 2014). In 2015, the results were even more disappointing: only 0.02 percent of the 72,000 school graduates achieved the maximum score on English tests (osvita.ua, 2015b). Thus, the language competence of most graduates tends to be low and their knowledge of English passive.

One of the reasons for these results is that schools and universities have experienced a shortage of qualified English teachers. Vacant English teaching positions are often filled by retired or unqualified teachers. Compared to other professionals, Ukrainian teachers are significantly underpaid. The average salary of schoolteachers in 2015 was 1,994 Ukrainian hryvnias (UAH) (per month) (less than \$1 an hour). University teaching staff earned 3,806 UAH on average, but the wage of industrial workers was 5,096 UAH (for more details, see osvita.ua, 2015c). Thus, it is not surprising that most graduates from English philology departments and teacher training colleges seek more lucrative careers outside of teaching English at schools and universities. In-service English language teachers commonly augment their low salaries by working as private English tutors or instructors in private language schools or as translators and interpreters in private companies. This trend causes great difficulties in finding qualified English teachers for educational establishments.

In addition, English language teachers and students have limited opportunities to communicate with English 'native speakers'. English language learning occurs almost exclusively in classrooms. Because of economic barriers, visits and courses in English-speaking countries are generally not affordable. The number of English 'native speakers' working in Ukraine provided by councils and language schools does not cover the current demand for their teaching services. The problems that ELT professionals face in Ukraine are similar to those in Slovakia and other post-communist countries in the Expanding Circle of Englishes.

To improve the quality of English language education in the country, the British Council (BC) cooperates with the Ministry of Education and Science of Ukraine and conducts training for teachers from different educational institutions. By 2015, the BC had conducted English courses for 37,000 teachers. In 2014, more than 60,000 Ukrainians joined programs and activities organized by the BC in Ukraine, and 800,000 took advantage of the available digital resources, particularly resources for learning English (British Council, 2015b). Each year, BC Kyiv English School teaches approximately 3,000 students and organizes 11,000 exams and tests. To further their employment prospects and find opportunities to study and work abroad, a large number of Ukrainians master English in private language schools. Officials also support English use, and together with NATO, the BC provides free English language courses for retired servicemen to enhance their career opportunities and improve their level of English competence (British Council, 2015c).

Conclusions

The focus of our study was to investigate the English language education policies in Slovakia and Ukraine in relation to the status and roles of English in these two countries. As the most widespread foreign language in Slovakia and Ukraine, English serves similar – but not identical – functions. Slovak students learn English to communicate with ‘native’ and ‘non-native’ English speakers. English is perceived as a communication tool in international encounters, and English instruction has a clearly defined intercultural dimension in Slovak pedagogical documents. In Ukraine, in addition to English’s function as a *lingua franca*, the English language has been viewed as a means of resolving problems between the Ukrainian and Russian languages. The Ukrainian government has supported the use of English for utilitarian and instrumental purposes. Nevertheless, English seems unlikely to assume the role of ‘a language for identification’ in Ukraine (House, 2003, p.560). English shows no signs of influencing the status of Ukrainian as the national language and as an emotive identity marker.

The differences in the functional range of English in Slovakia and Ukraine are partly historical in origin. Both the Slovak and Ukrainian national identities have centered on language and culture, and the nations’ formative years have been accompanied by long-lasting struggles with neighboring nations. The common concern with the purity of the national languages could be attributed to the same historical grounds. Regardless of the existing parallels in the ethnic conception of a nation, English did not seem to play the same role in the post-communist identity building of Ukrainians and Slovaks. In Slovakia, English has been used almost solely as a transactional language and has never been adopted to counterbalance any minority language in intrastate communication.

English is considered a prestigious foreign language of business, commerce, science and education in both countries. It is the top language taught in Slovak and Ukrainian schools. English has the status of a mandatory foreign language in Slovakia. Although it is not a prescribed foreign language to learn in Ukraine, the majority of students also opt for English. In addition, English as a medium of instruction occupies an important position in the Ukrainian educational system, while in Slovak institutions of higher education EMI plays a marginal role.

Regardless of the spread of English, its pragmatic value and status in the eyes of Slovak and Ukrainian students, their proficiency in English does not meet expectations, according to the cited statistical data. This finding is not surprising because at the time of growing demand for English, the educational authorities in both countries faced the similar type of problems related to the lack of qualified, dedicated English teachers. In Ukraine, the low pay of English teachers and the lack of students' adequate exposure to native English speakers appears to have had a more negative impact on the situation. The salaries of Slovak teachers are relatively high compared to their Ukrainian colleagues. Given the opportunities to travel to English speaking countries and the size of investment in various teacher training programmes, the low self-perception of English language skills and dissatisfaction with the quality of in-service training on the part of Slovak teachers raises serious concerns. In sum, our research has shown that improving teaching and learning conditions at all levels of Slovak and Ukrainian foreign language education has become a long-term challenge, not an easy goal to be achieved in the coming years.

References:

A Nordic Recognition Network (NORRIC) Country report. (2009) *The educational system of Ukraine*. April, 2009. [Online] Available: <http://norric.org/files/education-systems/Ukraine2009> (November 2, 2016)

Aktualne. sk (2015) Platy učiteľ'ov by mali zasa rásť. [Teachers' salaries should rise again][Online] Available: <https://aktualne.atlas.sk/platy-ucitelov-by-mali-zase-rast-odborari-za-to-bojuju-u-ministra-aj-u-vlady/slovensko/skolstvo/> (December 2, 2016)

Arkhyenko, L. M. (2005) *Inshomovni leksychni zapozychennya v ukrajinskij movi: etapy i stupeni adaptatsii (na materialy anhlitsyvmiv u presi kintsya XX – pochatku XXI st.)* [Foreign borrowings in the Ukrainian language: Stages and steps of adaptation (anglicisms in the periodicals at the end of the 20th– the beginning of the 21th century)]: Avtoref.dys... kand.filol.nauk: 10.02.01. Khark.nats.un-t im. V.N.Karazina.

Berns, M. (2009) English as lingua franca and English in Europe. *World Englishes*, 28(2), 192-199.

Böhmerová, A. (2006) Z problematiky prepisovania anglických prevzatí [On the problems of transcription of English borrowings]. *Kultúra slova*, 40(2), 86-89.

British Council. (2015a) *Results of the British Council survey among English language teachers in Slovakia*. Press release. [Online] Available: <https://www.britishcouncil.sk/en/about/press/results-survey-among-teachers> (November 12, 2016)

British Council. (2015b) *Brytanska Rada v Ukrajini* [British Council in Ukraine]. [Online] Available: <http://www.britishcouncil.org.ua/about/british-council-ukraine>. (December 15, 2016.)

British Council. (2015c) *Free English language courses for retired military personnel*. [Online] Available: <http://www.britishcouncil.org.ua/en/NATO-english-courses>. (December 23, 2016.)

Bruen, J., & Sheridan, V. (2016) The impact of the collapse of communism and EU accession on language education policy and practice in Central and Eastern Europe: Two case-studies focussing on

English and Russian as foreign languages in Hungary and Eastern Germany. *Current Issues in Language Planning*, 17 (2), 141-160.

Ciprianová, E., Vančo, M. (2010) English in the age of globalization: changing ELT models, restructuring relationships. *JoLIE*, 1(3). 123-135. [Online] Available: http://www.uab.ro/jolie/2010/8_ciprianova_vanco.pdf (December 2, 2016)

Constitution of Ukraine. (2014) [Online] Available: <http://zakon5.rada.gov.ua/laws/show/254%D0%BA/96-%D0%B2%D1%80> (November 25, 2016)

Dearden, J. (2014) English as a medium of instruction – a growing global phenomenon. British Council. [Online] Available: https://www.teachingenglish.org.uk/sites/teacheng/files/E484%20EMI%20-%20Cover%20option_3%20FINAL_Web.pdf. (December 15, 2016)

Durand, X.Ch. (2006) 'If It's Not in English, It's Not Worth Reading!' *Current Issues in Language Planning*, 7 (1), 44-60.

Education at a Glance: OECD Indicators (2014) [Online] Available: <https://www.oecd.org/edu/Slovak%20Republic-EAG2014-Country-Note.pdf> (December 15, 2016)

Education First English Proficiency Index 2014-2016. EF EPI. [Online] Available: <http://www.ef.co.uk/epi/>. (December 15, 2016)

Eurobarometer. (2012) Europeans and their languages. [Online] Available: http://ec.europa.eu/public_opinion/archives/ebs/ebs_386_en.pdf. (November 5, 2016)

Eurostat. (2012) Key data on teaching languages at school in Europe. Brussels: The Education, Audiovisual and Culture Executive Agency. [Online] Available: http://eacea.ec.europa.eu/education/eurydice/documents/key_data_series/143en.pdf (2December 2, 2016)

Fedorets, S. A. (2005) *Anhlijski zapozychennya v movi suchasnoji ukrajinskoji reklamy* [English borrowings in the language of modern Ukrainian advertising]: Avtoref.dys... kand.filol.nauk: 10.02.01. Khark. nats. ped. un-t im. H.S.Skovorody.

Go Global. (2015) Natsionalna rada reform. Natsionalna prohrama vyvchennya ta populyaryzatsii inozemnykh mov [The National Council of Reforms. National Foreign Language Learning and Promotion Initiative]. [Online] Available: http://reforms.in.ua/sites/default/files/go_global.pdf. (November 2, 2016)

House, J. (2003) English as a lingua franca: A threat to multilingualism? *Journal of Sociolinguistics*, 7(4), 556-578.

Istp.sk(2015) Priemerná mesačná mzda na Slovensku je 955 eur [The average monthly wage in Slovakia is 955 EUR] [Online] Available: <https://www.istp.sk/clanok/8798/Priemerna-mesacna-mzda-na-Slovensku-je-955-eur> (November 15, 2016)

Kachru, B. B., Kachru Y., Nelson C. L. (eds.). (2006) *The handbook of World Englishes*. Oxford: Blackwell Publishing.

- Kasztalska, A. (2014) English in contemporary Poland. *World Englishes*, 33(2), 242-262.
- Kirkpatrick, A. (2006) Which model of English: Native-speaker, nativized or lingua franca? In: R. Rubdy & M. Saraceni (eds.), *English in the world: global rules, global roles*, 71-83. London: Continuum.
- Kirkpatrick, R. (ed.) (2016) *English language education policy in Asia*. Heidelberg, London, New York: Springer.
- Kohn, K. (2011) English as a lingua franca and the Standard English misunderstanding. In: A. De Hower & A. Wilton (eds.), *English in Europe today: Sociocultural and educational perspectives*, 71-94. Amsterdam: John Benjamins.
- Koreňová, K. (2011) Looking for qualified English teachers. *The Slovak Spectator*. [Online] Available: <http://spectator.sme.sk/c/20040604/looking-for-qualified-english-teachers.html>. (October 15, 2016)
- Kukla, O. (2014) Osoblyvosti zaprovadzheniya vyvchennya inozemnoji movy z pershoho klasu [Peculiarities of introduction of learning a foreign language from the first grade]. *Nova pedahohichna dumka* 2. 56-60. [Online] Available: http://nbuv.gov.ua/j-pdf/Npd_2014_2_18.pdf. (October 15, 2016)
- Mańczak-Wohlfeld, E. (2006) *Angielsko-polskie kontakty językowe*. Kraków: Wydawnictwo Uniwersytetu Jagiellońskiego.
- Mańczak-Wohlfeld, E. (2008) Morfologia zapożyczeń angielskich w językach europejskich. *Studia Linguistica Universitatis Jagellonicae Cracoviensis* 125, 113-120.
- Mańczak-Wohlfeld, E. (2010) *Słownik zapożyczeń angielskich w polszczyźnie*. Warszawa: Wydawnictwo Naukowe PWN.
- Ministry of Education, Science, Research and Sport of the Slovak Republic. (2015a) Inovovaný štátny vzdelávací program pre základné školy [The innovative state educational programme for primary schools]. [Online] Available: <https://www.minedu.sk/inovovany-svp-pre-zakladne-skoly/>. (10 December, 2016.)
- Ministry of Education, Science, Research and Sport of the Slovak Republic. (2015b) Inovovaný štátny vzdelávací program pre gymnáziá [The innovative state educational programme for grammar schools]. [Online] Available: <https://www.minedu.sk/data/att/7927.pdf>. (December 5, 2016)
- Ministry of Education, Science, Research and Sport of the Slovak Republic. (2014) Výročná správa o stave vysokého školstva za rok 2014 [An annual report on the state of higher education for the year 2014]. [Online] Available: <https://www.minedu.sk/vyrocne-spravy-o-stave-vysokeho-skolstva/>. (December 5, 2016)
- Ministry of Education, Science, Research and Sport of the Slovak Republic. (2015c) MPC ponúka vzdelávanie pre učiteľov angličtiny [The MPC (Methodology and Pedagogy Centre) offers education for teachers of English]. [Online] Available: <https://www.minedu.sk/mpc-ponuka-vzdelavanie-pre-ucitelov-anglictiny/>. (December 5, 2016)

- Olijnyk, A. D. (2002) *Rol zapozychen-anhlitsyvmiv u rozvytku suchasnoji ukrajinskoji mikroekonomichnoji terminolohiji* [The role of English loan words and word combinations in the development of modern Ukrainian microeconomic terminology]: Avtoref.dys... kand.filol.nauk: 10.02.01. Kyjiv. nats. un-t im. T.Shevchenka.
- Ondrejovič, S. (2010) K niektorým výzvam a petíciám na ochranu slovenského jazyka [To some appeals and petitions for protection of the Slovak Language]. *Jazykovedný časopis*, 61(1), 5-14.
- O'Reilly, L. M. (1998) English language cultures in Bulgaria: a linguistic sibling rivalry? *World Englishes*, 17 (1), 71-84.
- Osvita.ua. (2011) Typovi navchalni plany pochatkovoji shkoly: zatverdzeni nakazom MON molodi i sportu Ukrainy No. 572 vid 10.06.2011 [Typical primary school curriculum, approved by the MES Youth and Sports of Ukraine No. 572 from 10.06.2011]. [Online] Available: http://osvita.ua/legislation/Ser_osv/19403/. (November 5, 2016)
- Osvita.ua. (2015a) Inozemni student shchoroku vlyvayut v ekonomiku \$504 mln [Foreign students annually pour into the economy \$ 504 million]. [Online] Available: <http://osvita.ua/vnz/48205/>. (22 October, 2016.)
- Osvita.ua. (2015b) Maksymalnyj bal ZNO z anhlijskoji otrymaly 56 osib [The maximum score in English got 56 school leavers]. [Online] Available: <http://osvita.ua/test/47266/>. (November 5, 2016.)
- Osvita.ua. (2015c) Serednij oklad pedpracivnykiv stanovyt menshe 2 tysyach [The average teacher's salary is less than 2000 UAH]. [Online] Available: <http://osvita.ua/school/48955/>. (November 5, 2016.)
- Pauleová, M. (2010) The impact of English on the Slovak language and culture. *Nation and language: Modern aspects of socio-linguistic development*, 82-86. Panevėžys: Kaunas University of Technology.
- Pedpresa.com.ua. (2014) Vyznachenno rezultaty ZNO z anhlijskoji movy [The results of the Independent External Testing in English]. [Online] Available: <http://pedpresa.com.ua/blog/99089-vyznachenno-rezultaty-zno-z-anhlijskoji-movy.html>. (November 5, 2016)
- Popova, N. O. (2005) *Strukturno-semantychni osoblyvosti novitnikh leksychnykh zapozychen z anhlijskoji v ukrajinsku movu (90-ti rr. XX st. – pochatok XXI st.)* [Structural-semantic peculiarities of the newest lexical borrowings from English in the Ukrainian language (1990s of the 20th century – the beginning of the 21st century)]: Avtoref.dys... kand.filol.nauk: 10.02.01. Zaporiz. derzh. un-t.
- Radchuk, V. A. (2002) Mova v Ukraini: stan, funkciiji, perspektyvy [Language in Ukraine: Condition, functions, perspectives]. *Movoznavstvo*, 2-3, 39-45.
- Reichelt, M. (2005) English in Poland. *World Englishes*, 24 (2), 217-225.
- Ruda, O. (2015) Dynamics of English in Central Europe. *Střední Evropa včera a dnes = proměny koncepcí: kolektivní monografie*. Ed. I. Pospíšil. 1. vyd. Brno: J. Sojnek - nakladatelství Galium.
- Seidlhofer, B. (2011) Conceptualizing 'English' for a multilingual Europe. In: A.De Houwer & A.Wilton (eds.), *English in Europe today: Sociocultural and educational perspectives*, 133-146. Amsterdam: John Benjamins.

Serhejeva, H. A. (2002) *Anhlomovni zapozychennya v ukrajinskij pravnychij terminolohiji* [English loan words in the Ukrainian law terminology]: Avtoref.dys... kand.filol.nauk:10.02.01. Khark. nats. un-t im. V.N.Karazina.

Smith, A. (1991) *National identity*. Las Vegas: University of Nevada Press.

Sovsun, I. *Navchalni prohramy 12-richnoji shkoly pochynayut diyaty z 2017 roku – zastupnyk ministra osvity* [Study programs for 12-year school take effect from 2017 – Deputy Minister of Education]. [Online] Available: <http://www.5.ua/suspilstvo/Navchalni-prohramy-12richnoi-shkoly-pochynaiut-diiaty-z-2017-roku--zastupnyk-ministra-osvity--83279.html>. (November 5, 2016)

Tatsenko, L. (2014) Why Ukraine is reforming its higher education system. *Voices Magazine*. British Council. [Online] Available: <http://www.britishcouncil.org/voices-magazine/why-ukraine-reforming-its-higher-education-system>. (November 5, 2016.)

The Common European Framework of Reference for Languages: Learning, teaching, assessment. (2001) Council of Europe. [Online] Available: http://www.coe.int/t/dg4/linguistic/Source/Framework_EN.pdf. (20 December, 2016.)

The National Institute for Education. (2007) *Koncepcia vyučovania cudzích jazykov v základných a stredných školách* [The conception of teaching foreign languages at primary and secondary schools]. [Online] Available: <http://www2.statpedu.sk/buxus/docs/predmety/kvcudzj.pdf>. (December 15, 2016)

The National Institute for Education. (2010) *Perspektívy zavedenia povinného anglického jazyka v základných a stredných školách. Kvalifikovanosť učiteľov a dopad na kvalitu vzdelávania v oblasti cudzích jazykov* [Perspectives of introducing English as a compulsory language in primary and secondary schools. The teachers' qualification and the impact on the quality of foreign language education]. [Online] Available: http://www.educj.sk/buxus/docs/Povinnny_AJ_FINAL.pdf. (15 December, 2016.)

The National Institute for Certified Educational Measurements. (2015) *Externá časť maturitnej skúšky v školskom roku 2014/2015* [The external part of the matura exam for 2014/15 school year]. [Online] Available: http://www.nucem.sk/documents/25/maturita_2015/vsledky_vyhodnotenia/Prezentacia_MS_2015_fina_l_040615.pdf. (November 15, 2016)

Tvnoviny.sk. (2014) *Prečítajte si, koľko študentov prepadlo na maturitách tento rok* [Read how many students failed the matura exams this year]. [Online] Available: <http://www.tvnoviny.sk/domace/1764053-precitajte-si-kolko-studentov-prepadlo-na-maturitach-tento-rok>. (November 15, 2016.)

Ukrajinska Pravda. Zhyttya. (2014) *Vypuskyky pokazaly shokuyuche nyzkyj riven anhlijskoji na ZNO* [Graduates showed a shockingly low level of English during External Independent Testing]. [Online] Available: <http://life.pravda.com.ua/society/2014/06/19/172485/>. (November 10, 2016)

Vépyová, Z. (2011) The lexical and morphological adaptation of English modern words in the system of Slovak language. *Orbis Linguarum*, 9 (1), 7-12.

Vyshnivskyj, R. Y. (2015) Do pytannya pro dotsilnist vzhyvannya anhlytsyzmiv (na materiali suchasnoji ukrajinskoji movy). [Views on the usage of anglicisms (based on modern Ukrainian periodicals)]. *Visnyk Zhytomyrskoho derzhavnoho universytetu*. Vypusk 1 (79). Filolohichni nauky. [Online] Available: <http://visnyk.zu.edu.ua/Articles/79/42.pdf>. (October 6, 2016)

Wilton, A., De Houwer, A. (2011) The dynamics of English in a multilingual Europe. In: A. De Houwer & A. Wilton (eds.), *English in Europe today: Sociocultural and educational perspectives*. AILA Applied Linguistic series (AALS), vol. 8. Amsterdam: John Benjamins. 1-13.

Witalisz, A. (2005) English linguistic influence on Polish and other Slavonic languages. In: D. R. Miller (ed.), *Quaderni del Centro di Studi Linguistico-Culturali (CeSLiC)*. [Online] Available: <http://amsacta.unibo.it/918/1/OCCASIONALp.pdf>. (November 11, 2016)

Zákon Národnej rady Slovenskej republiky o štátnom jazyku Slovenskej republiky [The Act of the National Council of the Slovak Republic on the State Language of the Slovak Republic]. (1995) *Zákony pre ľudí* [The laws for people]. [Online] Available: <http://www.zakonypreludi.sk/zz/1995-270#p3A>. (October 29, 2016.)

Zakon Ukrajiny pro ratyfikatsiyu Yevropejskoji khartiji rehionalnykh mov abo mov menshyn [Law of Ukraine on Ratification of the European Charter for Regional or Minority Languages No. 802-IV 15.05.2003]. [Online] Available: <http://zakon5.rada.gov.ua/laws/show/802-15>. (November 5, 2016)

Zakon Ukrajiny vid 03.07.2012 No. 5029-VI Pro zasady derzhavnoji movnoji polityky [Law of Ukraine 03.07.2012 No. 5029-VI On Fundamentals of State Language Policy]. [Online] Available: <http://zakon5.rada.gov.ua/laws/show/5029-17> (November 5, 2016)

Information about the authors:

Associate Professor **Elena Ciprianova**, PhD., e-mail: eciprianova@ukf.sk
Department of English and American Studies, Constantine the Philosopher University, Nitra, Slovakia.

Associate Professor **Svetlana M. Minasyan**, e-mail: s.minasyanpmesi@gmail.com
Department of Theory and History of Pedagogy, Kh. Abovyan Armenian State Pedagogical University, Yerevan, Armenia

Associate Professor **Olga Ruda**, PhD., e-mail: oruda@ukf.sk
Department of English and American Studies, Constantine the Philosopher University, Nitra, Slovakia

This work was supported by the International Visegrad Fund under V4EaP Scholarship [number 51400606].

УДК (UDC) 81-139

Vardzelashvili Janeta,
Georgian Technical University, Tbilisi, Georgia,
Pevnaya Natalia,
Ilia State University, Tbilisi, Georgia

**ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНЫЙ ИНТЕГРАТИВНЫЙ АНАЛИЗ
ВЕРБАЛИЗОВАННОГО МЕНТАЛЬНОГО КОНСТРУКТА**

**EXPERIMENTAL INTEGRATIVE ANALYSIS OF THE VERBALIZED
MENTAL CONSTRUCT**

Abstract

Given paper is focused on the semantic-cognitive approach and is to a certain extent an experiment, a scientific search for a possible research tool of studying the correspondence between the mental constructs (concepts), their verbalization and their semantic description. We are hypothesizing that a synonym row empathy-pity-compassion in the Russian language verbalizes ontological-correlated segments of one conceptual space. This sequence is viewed as a nominative layer of a complicated variety that was formed in the frames of the given linguistic-mental paradigm of the world picture. Based on the integrative complex method, described in detail, we are suggesting a way of analyzing a verbalized concept with multiple nominations. Suggested model of the complex integrative analysis of a conceptual structure of a complicated type, gives an opportunity to identify meaningful components. These components are forming a taxonomic category and a presupposition that defines the models of behavior. We can reconstruct the diachronic vertical of the development of the semantic parts of the concept. We can also establish the concept's nationally marked components, reveal the inter-textual and pragmatic links in the discourse space of the concept and prove the validity of viewing a mental construct as an ontological trinity.

Keywords: *semantic-cognitive approach, conceptual space, experiment, integrative complex method.*

Многообразие направлений и школ, которым охарактеризован современный период развития лингвистики, является следствием поиска не только оснований для построения общей объяснительной теории языка в соответствии с господствующей научной парадигмой, но и методов его описания, которые позволят приблизиться к многоаспектному познанию феномена. Данное положение, прежде всего, связано с качественной особенностью

в высшей степени сложного объекта изучения – естественного языка, его двойственной, материальной и идеальной, недоступной для непосредственного наблюдения, природой.

Язык реализуется в конкретных социальных речевых практиках, в которых «человек-говорящий» всегда и «человек-творящий», поскольку речь, как и ее восприятие, всегда индивидуальна. За внешней языковой формой – мысль, составляющая суть высказывания, следовательно, изучение языка – это и изучение вербализации мысли: язык как психическая деятельность, взаимосвязь языка и мышления, соотношение языкового знака и языкового сознания, мотивированного культурным контекстом развития этноса, и др. Этот далеко не полный перечень проблем, разрабатываемых современной лингвистикой сквозь призму антропоцентризма, требует, в том числе, и поиска методов для их решения. Сегодня, вероятно, сложно выделить какую-либо исследовательскую систему, которая может быть принята представителями различных лингвистических направлений в качестве господствующей. Каждая современная научная методология оперирует определенным набором системных средств, алгоритмом основных понятий, которые применяются в процессе анализа и описания объекта исследования. Существующая полифония дескриптивных и аналитических процедур является следствием полифонии научных концепций, покрывающих практически всеобъемлющую исследовательскую область, которая более не укладывается во внутрисистемное «прокрустово ложе». Очевидно, что современный этап в лингвистике отмечен синергетическим, интердисциплинарным подходом к изучению языка.

На сегодняшний день, в арсенале лингвистики для работы со словом – лексемой – концептом – текстом применяется технология интеграции коррелирующих процедур: словарные статьи отсылают к семному/семемному анализу, который, в свою очередь отсылает к диахронии, диахрония – к энциклопедическим данным и картине мира, картина мира к дискурсу, а дискурс к контексту, и далее – к слову. Таким образом, анализ представляет собой последовательное движение по кругу, где точками окружности являются каждая из перечисленных выше процедур анализа. Мы возвращаемся к исходной точке – слову, но наши знания, представления об изучаемом объекте более полные, объемные, поскольку включают в себя и элементы «психологически реального значения» (термин В. И. Карасика, И. А. Стернина) «во всей полноте семантических признаков, связываемых со словом в сознании носителя языка» [3, с. 8].

Представленная работа выполнена в русле семантико-когнитивного подхода и в известной мере является экспериментом, научным поиском возможного приема исследования соответствий между ментальными конструктами (концептами), их вербализацией и семантическим описанием. Основа методологической базы сформировалась под влиянием работ Дж. Лакоффа, М. Джонсона, А. Вежбицкой, Ю. С. Степанова, Н. Д. Арутюновой, В. Н. Телия, Е. С. Кубряковой и др.

Ниже предлагается вариант анализа номинативно множественного концепта *сочувствие – жалость – сострадание*, который мы рассматриваем как триединство, ментальный конструкт, сформировавшийся в пределах данной лингвоментальной парадигмы картины мира. Представленная в номинативном слое последовательность является синонимическим рядом, который вербализует онтологически скоррелированные фрагменты единого

концептуального пространства. Толковые словари, словари синонимов и энциклопедические издания, разъясняя эти языковые единицы, отсылают от одного слова к двум другим. Возникает вопрос: действительно ли данные слова имеют тождественный набор семантических компонентов и область референции или в их «генетическом» коде есть отличия?

В процессе исследования была использована комплексная интегративная методика, состоящая из следующих шагов: а) синхронический и диахронический анализ лексем-номинаторов концепта по материалам лексикографических источников. Обращение «к возможностям соединения синхронного описания с диахроническим», по мнению Вяч. Вс. Иванова обещает «новые достижения в понимании самых ранних периодов истории современного человечества» [2, с. 11], в том числе, в осмыслении истории семантического развития языковых единиц; б) анализ энциклопедических данных; в) интроспекция и анализ ассоциатов на слова-номинаторы; г) исследование идиолекта на базе художественных текстов, когнитивная интерпретация, герменевтические процедуры осмысления, комментирования.

Анализ лексических единиц, объективирующих обозначенный ментальный конструкт, осуществлен на базе следующих лексикографических источников: Толковый словарь русского языка Дмитриева [15], Большой толковый словарь русских существительных [14], Толковый словарь Ефремовой [16], Большой толковый словарь русского языка Кузнецова [8]. Для удобства сравнительного анализа данные словарных статей из современных лексикографических источников по лексемам *сочувствие – жалость – сострадание* сведены в таблицу.

Таблица № 1

Лексема <i>Сочувствие</i>	
1. Сочувствием называется такое отношение к горю, переживаниям кого-либо, когда вы жалеете этого человека. Сердечное, искреннее сочувствие. Проявить сочувствие. Искать сочувствия у друзей. Пробудить в ком-либо сочувствие. Что-либо вызывает чьё-либо сочувствие. 2. Сочувствием называют благожелательное отношение к кому-либо, к чему-либо.	Толковый словарь русского языка Дмитриева
Сочувствие ¹ , -я, <u>ср</u> Благожелательное отношение к кому -, чему-л.. Сочувствие ² , -я, <u>ср</u> Отзывчивое, участливое отношение к чужому горю, переживаниям, несчастьям других людей.	Большой толковый словарь русских существительных

<p>Сочувствие ср.</p> <p>1 Отзывчивое, участливое отношение к чьему-либо горю, переживаниям; сострадание. отг. устар. Благоклонное, благожелательное отношение к кому-либо, чему-либо; поддержка, одобрение.</p> <p>2 устар. Общность в чувствах, мыслях и т.п.</p>	<p>Толковый словарь Ефремовой</p>
<p>Сочувствие -я; ср</p> <p>1 Отзывчивое, участливое отношение к горю, переживаниям кого-л.; сострадание. Проявить с.</p> <p>2 Благожелательное отношение к кому-, чему-л.; поддержка (2 зн.), одобрение. Выразить полное с. чьим-л. планам.</p>	<p>Большой толковый словарь русского языка Кузнецова</p>
<p>Лексема Жалость</p>	
<p>Жáлость</p> <p>1 Если вы чувствуете жалость к кому-то, то это означает, что вы испытываете сочувствие, сострадание к этому человеку, животному и т. п. Жалость к старикам, к больным. Невольная, безграничная, искренняя жалость. </p> <p>2 Если вы испытываете жалость к себе, то это означает, что вы себя жалеете, бережёте, считаете, что заслуживаете лучшей доли и т. п.</p> <p>3 Когда вы говорите Какая жалость, Вот жалость!, то это означает, что вы слегка огорчены отсутствием нужного вам человека, предмета и т. д.</p> <p>4 Если вы что-то делаете из жалости, то это означает, что ваши действия продиктованы сочувствием, милосердием.</p> <p>5 Если о ком-то говорят, что у него нет ни капли жалости, то это означает, что этот человек очень жесток.</p> <p>6 Если о ком-то говорят, что он не знает жалости, то это означает, что этот человек исключительно немилосерден и беспощаден.</p>	<p>Толковый словарь русского языка Дмитриева</p>
<p>Жáлость Чувство душевной боли, огорчения при виде чужих страданий, горя, беды и т.п.</p>	<p>Большой толковый словарь русских существительных</p>
<p>Жáлость</p> <p>I ж. Сострадание, соболезнование, сочувствие.</p> <p>II ж. Печальное чувство; сожаление, грусть.</p>	<p>Толковый словарь Ефремовой</p>
<p>Жалость -и; ж. Чувство сострадания к кому-, чему-л. Ж. к старикам, к больным. Приютили собачонку из жалости. Испытывать, чувствовать ж. к кому-, чему-л. Не знать жалости (быть жестоким, беспощадным).</p>	<p>Большой толковый словарь русского языка Кузнецова</p>

Лексема <i>Сострадание</i>	
На данную лексему статья отсутствует.	Толковый словарь русского языка Дмитриева
Сострадание, -я, ср Чувство жалости, горя, вызываемое чьим-л. несчастьем, горем, переживание чужого горя как своего несчастья	Большой толковый словарь русских существительных
Сострадание ср. Чувство жалости, вызываемое чьим-либо несчастьем, горем; сочувствие.	Толковый словарь Ефремовой
Сострадание -я; ср. Сочувствие, жалость, вызываемые чьим-л. страданием, несчастьем. Испытывать глубокое с. к кому-л.	Большой толковый словарь русского языка Кузнецова

Сопоставительный компонентный анализ лексем состоит из трех этапов: построение гипонимической группы; выявление дифференциальных сем и параметров, по которым выделяются эти дифференциальные семы; проверка результатов анализа. Классическая процедура компонентного анализа дополняется анализом дефиниций, который в нашей модели выступает как один из инструментов выявления сем. Анализ выявил соотнесенность всех лексем по смыслу, наличие и повторяемость общих сем (например, отношение, переживание, чувство). Была установлена имплицитивная маркированность сем ассоциатами. Так, лексема «сочувствие» маркирована ассоциатами: аксиологическая система + причастность + другой человек + несчастье; в лексеме «жалость» фиксируются ассоциаты: переживание + место + близость + внешние проявления + другой человек + несчастье; в лексеме «сострадание» актуализируются ассоциаты на слово «жалость». Выделенные авторами словарей парадигмы семем в трех лексемах образуют совокупность смысловых компонентов, которые на ментальном уровне образуют таксономическую категорию: **сочувствие ↔ жалость ↔ сострадание = человек → внутренний мир → переживание → личностное отношение → контакт с социумом → моральные нормы → отношение к другим / к себе**. В рамках прагматики представленная последовательность представляет собой пресуппозицию, которая антиципирует интерпретацию языковых единиц. Сведения, содержащиеся в пресуппозиции, не вербализованы, однако они общеизвестны, соответствуют нормам и традициям культуры.

Дальнейший анализ сфокусирован на диахроническом векторе развития семантических составляющих с целью выявления области сцепления, совмещения и разветвления структурных компонентов ментального конструкта – триединства **сочувствие – жалость – сострадание**. В работе эта область называется «хаб» (в энергетике, компьютерной технике и под. – центральный узел сети).

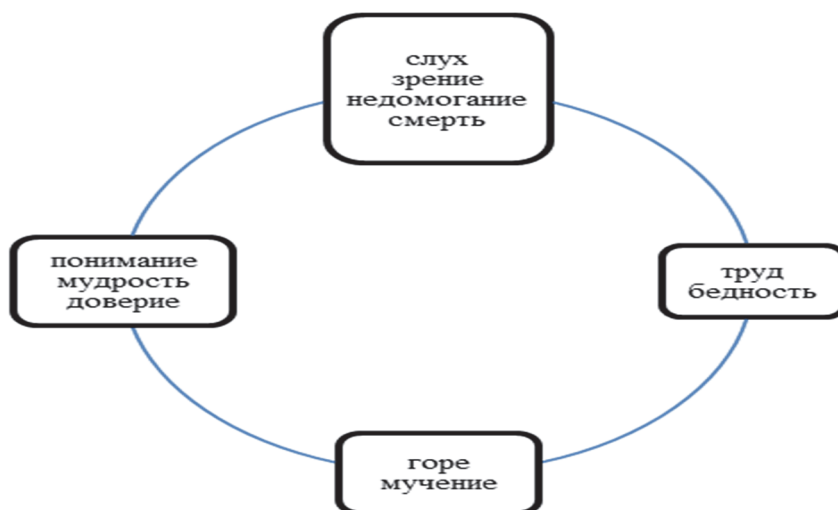
Лексема «сочувствие» дериват от *чувствовать – чувство*. Субстантивы «с префиксом со- и суффиксом -и j-(-j) имеют значение «явление или состояние, характеризующееся сочетанием одинаковых предметов, явлений, названных мотивирующим словом...» [9, с. 155]. В «Этимологическом словаре русского языка» М. Фасмера [11, с. 377; 390] зафиксирована последовательность отсылок: *чувство – чувствовать – чують*. По этимологическим данным, в основе корня *чують-чую* находятся древнерусское «слышать/понимать» и далее праславянское, связанное с древнеиндийским «ясновидец/мудрец», англосаксонским «смотреть», древнепрусским «доверять». Таким образом, исходными координатами исторического вектора развития ментального конструкта *сочувствие* являются диахронические ассоциаты: слух + зрение + понимание + мудрость + доверие. В дальнейшем семантику корня дополнили уже синхронические ассоциаты, представленные морфами «со- + -и j-(-j)», с конвенциональным значением «событие + согласованность + подобие + проявление». Опираясь на сказанное, можно допустить следующую последовательность семантических признаков ментального образования *сочувствие*: **человек et человек → уверенность + искренность → обстоятельства/событие → восприятие → внешние чувства → слух/зрение + интеллектуальная деятельность → операция мышления/опыт/ разумное разрешение + эмоциональное отношение/жалость.**

Рассмотрим генетическую основу лексемы *жалость*. В «Этимологическом словаре русского языка» под редакцией Г. А. Крылова лексическая единица «жалость» квалифицируется как имеющая общеславянскую принадлежность и как дериват от исчезнувшего адъектива «жалъ», затем следует отсылка к мотивирующему глаголу «жалеть» [18]. В слове «жалеть» выделяется древнерусское «печаль//скорбь» и выявляется родство с литовским «болеть», англосаксонским «умирать», древневерхненемецким «испытывать боль//мучение», армянским «мучаю/терзаю». [12, с. 34]. Выявляются диахронические ассоциаты: горе + недомогание + смерть + мучение. По этимологическим показателям формируется совокупность сем, характеризующая историческую (имплицативную) составляющую ментального образования *жалость*: **человек et человек → горькое чувство → причинять → физическая/душевная боль → подвергать → физические/душевные страдания → прекращение жизнедеятельности.**

Обратимся к истории формирования семантического пространства *сострадание*. Слово «сострадание» возможно отнести к тому же словообразовательному типу, что и «сочувствие», т.к. в его структуру входит тот же формальный показатель – префикс со-, имеющий значение «совместное осуществление», а суффикс -ниj- имеет смысловую нагрузку «процесс действия» [9, с. 63; 151]. Этимологические словари свидетельствуют, что лексема «сострадание» является калькой греческого 'sympathia': sym- = со- + pathos = страдание + -ia = -ие. Существенно при этом, что в основе исторического слоя русской семемы «страдание» находится общеславянское 'страда', т.е. 'работа //нужда'. [18], [13]. Следовательно, исторические ассоциаты могут быть представлены бинарным сочетанием: труд + бедность, которые организуют праслой, имплицатуру ментального образования *сострадание*. На наш взгляд, в процессе исторической эволюции в пралексеме «нужда» актуализируется значение «потребность в ком-/чём- либо». Исторический пласт ментального конструкта *сострадание* можно представить следующей последовательностью

составляющих: **человек et человек** → **внутреннее состояние человек et человек** → **необходимость человек et человек** → **контакт человек et человек** → **понимание/жалость**.

Все вышеизложенное позволяет предположить, что хронотоп ментального образования *сочувствие – жалость – сострадание* можно квалифицировать как холистическую систему, которая представляет собой гештальт, части которого определяются целым – сформировавшимся в диахронической вертикали триединством, поддерживают и взаимно дополняют друг друга. Диахронически область сцепления структурных компонентов анализируемого триединства представляет собой узел из формирующих его кодифицированных моделей семантических доминант, что для наглядности представлено на схеме:

По имманентным признакам таксоны соотносятся с родовым признаком «человек», а внутри распределяются по видовой характеристике: «интеллект», «физическое состояние», «социальное положение», «эмоции», что позволяет говорить о корреляции языковых и экстралингвистических показателей, т. к. выделенные области являются классификационной характеристикой человека. Таким образом, к первоосновам ментального конструкта, триединства *сочувствие – жалость – сострадание* можно отнести: *внешнее проявление, характерное для значительной части социума, скоординированное с аксиологической шкалой, основанное на душевных качествах, которое может иметь положительное/отрицательное воздействие на другого человека, иногда связанное с оказанием не только психологической, но материальной поддержки*. Этимологические ассоциаты не утратили актуальности в процессе исторической эволюции.

Диагностирование семем на уровне текста, в первую очередь, дает возможность проследить реализацию глубинных слоев семантики анализируемых единиц, свернутые в них имплицативные смыслы. Анализ дискурсивных реализаций у разных авторов позволяет выявить интертекстуальные связи, типы фрейм-структур, состав концептуального конструкта, гетерогенность или вариативную схожесть элементов на базовом уровне. Авторские дескрипторы дают возможность отследить тождественность и/или расхождение с выявленными корпусными семантическими маркерами ментального конструкта – гештальта.

В качестве эмпирического материала были привлечены прозаические и поэтические тексты современной русской художественной литературы. Оговорим, что в процессе работы с текстуальным воплощением ментального конструкта были рассмотрены контекстуальные реализации не только с ключевыми номинантами «сочувствие», «жалость», «сострадание», но и их дериватами. К сожалению, ниже представлены только несколько примеров, что связано с заданным объемом статьи.

1. И. Иртеньев: «Летчику жалеть не полагается // Тех, кого оставил на земле, // Потому-то дом мой содрогается // И посуда пляшет на столе.» («Со скоростью добра и света») [5].

В экстенционале слова «летчик» содержится имманентный компонент «небо», что дает основание представить данное выражение как антитезу 'небо' vs. 'земля', 'летчик' vs. 'те, кто на земле'. Основанием допущения служит семантическая релятивность семем «летчик» и «небо». При таком ракурсе интерпретации релевантной представляется допущение об актуализации в контексте одной из основных мифопоэтических бинарных оппозиций 'небо' vs. 'земля', 'верх' vs. 'низ', а также соотнесенность с аксиологической моделью 'летчик' = 'культурный герой'. Обоснуем: «В современной (после 2-й мировой войны) литературе мифологизирование выступает чаще всего не столько как средство создания глобальной «модели», сколько в качестве приема, позволяющего акцентировать определенные ситуации и коллизии прямыми или контрастными параллелями из мифологии (чаще всего - античной или библейской)». Видимые признаки неба в мифопоэтической транскрипции наделяются такими аксиологическими свойствами как недоступность и непознаваемость. С небом связано все духовное, высокое, божественное [10, с. 64; 208]. Следует вывод, что в пропозиции «Летчику жалеть не полагается // Тех, кого оставил на земле...» реализуются допустимые факультативные семантические характеристики: «тот, кто находится в небе – это эманация высшего существа, поэтому бытовые неудобства его не интересуют». Анализируемый фрагмент – сложное предложение, в котором первая часть: «Летчику жалеть не полагается тех...» является односоставным предложением. Предикат состоит из инфинитива «жалеть», который является темой, а безличный глагол «(не) полагается», семантически соотносимый с характеристикой долженствования, рема. Словоформа «летчику» в структуре безличного предложения является объектно-субъектным терминантом.

На основании сказанного выстраивается схема контекстуально обусловленных ассоциатов: **человек → важность дела → обязывает → отсутствие → горькое чувство → другой человек.**

2. Е. Рейн: «Жалею я? Быть может, не жалею, // В сравненье с тем – все жалости малы...» («Набережная около собора...») [7].

Приведенный отрывок состоит из трех пропозиций, в каждой из которых повторяется анализируемое слово «жалость» и однокоренной глагол. Внутритекстовое воплощение автора реализуется в первой пропозиции на синтаксическом уровне формальной ассимиляцией субъекта – местоимения и предиката – глагола в числе и лице в парадигме настоящей

го времени. Вопросительная структура высказывания генерирует процесс появления другого сообщения [см. об этом: 9, с. 545]. В приведенном фрагменте актуализируется ЛСВ3 [15] семемы «жалеть»: печалиться о минувшем; раскаиваться, что на каком-то этапе жизни чего-то не сделал или ошибся; а в семеме «жалость» реализуется ЛСВ2 [16]: модель подавленного эмоционального состояния. Обращение к варианту манифестации лексемы дает возможность проследить наличие и/или отсутствие в нём выявленных в инварианте семантических маркёров. В отрывке семеме «жалеть» активизирует последующая пропозиция: «все жалости малы...». Отметим, что субъектом в ней является авторский окказионализм «жалости», в то время как в узусе лексема «жалость» обладает только формой единственного числа, т.к. по типу лексического значения является абстрактным существительным и входит в категорию *singulariatantum*. Однако в зависимости от контекста *singulariatantum* могут продуцировать форму множественного числа для номинации конкретизированного выражения эмоционального состояния [9, с. 324]. Окказиональное «жалости» создано по имеющейся формообразующей модели, например: новость – новости. В данном идиолектном воплощении окказионализм приобретает значение сознательного акта и/или слов, транслирующих чувство горечи, грусти. Предикатом является краткое прилагательное «малы». Известно, что краткие формы характеризуют признак как качественную структуру, при этом они демонстрируют темпоральные границы номинированного идентифицирующего показателя. Данная пропозиция с предикатом – краткой формой прилагательного, обладает смысловой схемой «субъект – его свойство или качество».

Анализируемый отрывок можно представить как последовательность контекстуальных ассоциатов: **человек → переживание → прошлое → ошибочное действие → угнетенное состояние → упадок → душевные силы → сопоставление → оценка → параметры → количественная характеристика → эмоциональные переживания**. Контекстуальные ассоциаты выявили имманентную связь с диахронически кодирующими элементами семемы «жалость».

3. В. Пелевин: «– Но самое интересное, что в милиции к тебе отнеслись с явным сочувствием, – сказал Артур, – и даже деньги отдали, что бывает очень редко.» («Жизнь насекомых») [6].

Коммуникативная ситуация в эпизоде содержит информационную интенцию, оценочное суждение и эмоциональную коннотацию. Лексемы «сочувствие» и «милиция» контекстуально связаны, но рефлексия на слово «милиция» не имеет ассоциативной реакции «сочувствие», поэтому в координатах социальных установок и референции к действительности фраза содержит противоречие и может быть прочитана как оксюморон. Тем удивительнее, что энциклопедическая информация и анализ фоновых знаний выявляют основание семантической соотнесенности семем. Проследим: этимологически «милиция» восходит к латинскому *'militia'*, «воинская служба, военная сила». Упоминание о воинских начальниках находим в Главе 13 «Послания к Римлянам» Апостола Павла: «Всякая душа да будет покорна высшим властям, ибо нет власти не от Бога; существующие же власти от Бога установлены.». В комментариях к тексту читаем: «Апостол подчеркивает, что «начальники» – это Божии слуги. /.../Апостол подчеркивает, «итак любовь есть исполнение

закона». А это значит, что только тот, кто во Христе, может исполнить как эти, так и другие требования закона (8:4)». [17]. Таким образом, на уровне прагматического контекста можно говорить как о семантической сцепке с лексемой «сочувствие», так и о семантической когезии, т.к. в лексических значениях синтаксически связанных слов имеются повторяющиеся смысловые компоненты [4]. Таким образом, можно вывести последовательность: **человек et человек → государственный орган исполнительной власти → отношение → отзывчивость → участие → благожелательность.**

Таким образом, были выявлены следующие соотношения и связи понятий в реконструированном ментальном конструкте *сочувствие – жалость – сострадание*: 1) социальное и/или профессиональное движение вверх может оказывать как мелиоративное, так и пейоративное влияние на других людей и самого человека; движение в пространстве фиксирует связь с мифопоэтическим контекстом: («Летчику жалеть не полагается...»); 2) жалость – чувство направленное внутрь, на самого себя, проекция внутренней опустошенности как результат ошибочного действия в прошлом («Жалею я?...»); 3) имплицитную корреляцию «милиция – сочувствие», восходящую к евангельскому «войско Божье» и окрашенную характеризующими маркерами 'сострадание', 'защита'. Анализ свидетельствует, что авторское словоупотребление не является исключительно характерной фигурой речи, но и инструментом, создающим когнитивные модели, которые структурируют параметры авторского ментального пространства.

Все вышеизложенное позволяет сделать вывод, что предложенная модель комплексного интегративного анализа концептуальной структуры усложненного типа дает возможность: 1) на основе анализа признаков, необходимых для идентификации понятия на языковом уровне, установить смысловые компоненты, которые образуют таксономическую категорию и являются для носителей русского языкового сознания пресуппозицией, задающей модели поведения; 2) реконструировать диахроническую вертикаль развития семантических составляющих ментального конструкта *сочувствие – жалость – сострадание*, определить и обосновать область сцепления и последующего разветвления его структурных компонентов по родовому и видовым признакам; 3) установить, что архаические ассоциаты не утратили своей актуальности в русской лингвокультуре; 4) выявить импликацию ментального образования *сострадание* и установить национально-маркированный компонент ментального триединства *сочувствие – жалость – сострадание*; 5) выявить в дискурсивном пространстве ментального конструкта не только отличительные признаки идиостиля, но и корреляцию с прагматическим контекстом, интертекстуальные связи на диахроническом и синхроническом уровнях; 6) воссоздать контекст «привязанности языка к человеку», обязательный для изучения «деятельности языка» [1, с. 38]; 7) доказать обоснованность рассмотрения ментального конструкта как триединства онтологически скоррелированных фрагментов единого концептуального пространства.

References:

1. Zvegintsev V. A. (1996) Mysli o lingvistike (Thoughts of Linguistics). – Moskva: Izd-vo Moskovskogo universiteta, 336
2. Ivanov Vyach. Vs. (2004) Lingvistika tretogo tysyacheletiya. Voprosy k buduschemu (Linguistics of the third millennium. Questions for the future). – Moskva: Yazyki slavyanskoj kultury, 208
3. Karasik V. I., Sternin I. A. (2005) Antologiya kontseptov (Anthology of concepts), t. I, Volgograd, «Paradigma», 352

Online sources

4. Apresyan Yu. D. Leksicheskaya semantika (Lexical semantics) // Izbrannye trudy. – M.: «Yazyki russkoj kultury», 1995, t.1. [Online] Available: <https://ru.scribd.com/doc/73912524/> (November 22, 2016)
5. Irtenev I. (2009) So skorostyu dobra i sveta (With the speed of light and goodness) // Zhurnal «Arion», 2009, #1. [Online] Available: <http://magazines.russ.ru/arion/2009/1/ir2.html/> (November 2, 2016)
6. Pelevin V. Zhizn nasekomyh (Insect's life). [Online] Available: <http://pelevin.nov.ru/romans/pe-jisn/8.html/> (November 2, 2016)
7. Рейн Е. (2013) «На набережной около собора...» // Журнал «Знамя», 2013, №1. Рейн Е. (2013) Na naberezhnoy okolo sobora... (On the Waterfront Near the Cathedral...) // Zhurnal «Znamya», 2013, #1. [Online] Available: <http://magazinesruss.ru/znamia/2013/1/r2.html/> (November 12, 2016)

Dictionaries, encyclopedias and reference books

8. Bolshoy tolkovyy slovar russkogo yazyka Kuznetsova (Big Dictionary of the Russian Language by Kuznetsov) (2002): SPb. «Norint»
9. Grammatika sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka (The Grammar of the Modern Russian Literary Language). (1970) – Moskva: «Nauka», 768
10. Mify narodov mira (Myths of the folks of the World) // Entsiklopediya, (1992) t. 2, Moskva, 720
11. Fasmer M. (1987) Etimologicheskij slovar (Etymological Dictionary), t. IV, s. 377, s. 390, Moskva: «Progress», 864
12. Fasmer M. (1967) Etimologicheskij slovar (Etymological Dictionary), t. II, s. 34, Moskva: «Prosveschenie», 672
13. Shanskiy N. M., Bobrova T. A. (2004) Shkolnyiy etimologicheskij slovar russkogo yazyka. Proishozhdenie slov (School Etymological Dictionary of the Russian Language. The Origin of Words). M.: Drofa, 398

Online sources

14. Bolshoy tolkovyy slovar russkih suschestvitelnyh (Big Dictionary of Russian Nouns). [Online] Available: Slovari i entsiklopedii na Akademike, <http://dic.academic.ru> (November 5, 2016)
15. Tolkovyy slovar russkogo yazyka Dmitrieva (Dictionary of the Russian Language by Dmitrieva). [Online] Available: Slovari i entsiklopedii na Akademike, <http://dic.academic.ru> (November 5, 2016)

16. Tolkovyy slovar Efremovoy (Dictionary of the Russian Language by Efremova). [Online] Available: Slovari i entsiklopedii na Akademike, <http://dic.academic.ru> (November 5, 2016)
17. Tolkovanie Biblii. Poslanie k Rimlyanam (Bible Interpretation. Epistle to Romans), 13 glava. [Online] Available: <http://otveti.org/tolkovanie-biblii/rimlyanam/13> (November 17, 2016)
18. Krylov G. A. Etimologicheskii Slovar Russkogo Yazyka (Etymological Dictionary of the Russian Language). – SPb.: OOO "Viktoriya plus". [Online] Available: Slovari i ehntsiklopedii na Akademike, <http://dic.academic.ru> (November 6, 2016)

Information about the authors:

Vardzelashvili Janeta, Doctor of Philological Sciences, Professor, full-professor at Georgian Technical University, Member of **FIPLV** (International Federation of Language Teacher Associations), Member of **МАПРЯЛ** (International Association of Teachers of Russian Language and Literature), Author of 165 scientific works (3 monographs and 5 Text books); Academician of Russian Academy of Pedagogical and Social Sciences and the Pedagogical Academy of Georgia; winner of the International "Pushkin Teacher" award (Moscow, Russia); Tbilisi, Georgia, 77, Kostava Str., 0175, vjanetta@yandex.ru;

Pevnaya Natalia, PhD in Philological sciences, senior lecturer at Ilia State University, Member of **FIPLV** (International Federation of Language Teacher Associations), Member of **МАПРЯЛ** (International Association of Teachers of Russian Language and Literature), Author of more than 40 scientific works; Tbilisi, Georgia, Kakutsa Cholokashvili Ave 3/5, 0162, napevnaya@yandex.ru

Moskvitina Larisa Ivanovna
Mining University, Saint Petersburg, Russia

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ИЗУЧЕНИЮ ЭЛЛИПТИЧНОСТИ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

LINGUISTIC APPROACHES TOWARD THE STUDY OF ELLIPTICAL SENTENCES FROM A HISTORICAL PERSPECTIVE

Abstract

This article analyses the formal grammatical, semantic and functional approaches toward the study of elliptical sentences from a historical perspective. Revealing the conditions and functional peculiarities of elliptical sentences is of both theoretical as well as practical significance in that it has implications for teaching Russian as a foreign language.

According to the traditional point of view, sentences which lack a verbal predicate with an exact semantic meaning, are also considered elliptical. Implying the verb lexeme does not violate the meaning of the sentence because the meaning of the verbal predicate, which defines the lexico-grammatical structure of the sentence, extends to the semantics of the adjacent members. The classification of elliptical sentences is based exactly on the semantics of elided verbs. Describing grammatical items from a strictly paradigmatic point of view does not unveil all the nuances of the meanings of elliptical sentences and does not exhaust their potential. It is necessary to consider categorical situations, which reflect the two-sided nature of linguistic units by studying the meaning of elliptical sentences in relation with their formal expression their function in the utterance.

Keywords: *sentences: incomplete, one-piece, two-piece, ellipsis, verbal predicate, semantic groups, categorical situations, formal-semantic organization, localization, stereotype.*

Введение

Несмотря на большое количество исследований, посвященных проблеме неполных предложений в русском языке, одним из видов которых является эллиптическое предложение, по мнению Г.А.Золотовой, "...граница между полными и неполными предложениями не определена, следовательно, само противопоставление этих явлений не стало достаточно четким" [11, с.109]. Дискуссионный характер носят некоторые теоретические проблемы, поднимаемые в связи с определением полноты/неполноты предложения, описанием формально-семантической организации неполных предложений и выявлением условий их функционирования в современном русском литературном языке.

Прежде всего следует отметить, что вопрос о неполноте предложения, сущности и принципах его описания не является частным, изолированным. Решение этого вопроса тес-

но связано с другой, более общей теоретической проблемой - проблемой признаков предложения как основной единицы синтаксиса.

По существу, вся история современной грамматической мысли колеблется от преимущественного внимания или к формальной организации языка, при которой описание грамматического строя языка идет от формы к значению, или к его определяющей функционирование смысловой стороне, описание в этом случае чаще всего идет от категориального значения к выражающим его формам. От выбранного подхода зависит решение многих лингвистических проблем, в частности, решение теоретической проблемы определения признаков предложения - установление его синтаксической и семантической достаточности/недостаточности.

Теория

История изучения неполных предложений свидетельствует о том, что разработка данного вопроса всегда непосредственно зависела от принципов описания синтаксических единиц, в том числе и предложения, которое рассматривается, как единица психо-мыслительная, формальная, формально-смысловая, структурно-семантическая, обладающая типовым значением. При этом наблюдается следующая тенденция: круг предложений, рассматриваемых как самостоятельные (и притом полные) структурные типы, постоянно увеличивается (примером могут послужить неполные предложения со значением пространственной отнесенности, локализованности предмета, которые в ходе исследования приобрели статус полносоставных предложений).

Крупнейший представитель психологического направления в отечественном языкознании А.А.Шахматов настаивал на изучении предложения как единицы психо-мыслительной деятельности, как осуществление коммуникации средствами языка. Определяя предложение как "словесное, облеченное в грамматическое поле (посредством согласования составных его частей или соответствующей интонации) выражение психологической коммуникации", он отмечал, что каждая психологическая коммуникация распадается на психологический субъект, дающий представление о предмете, и психологический предикат, содержащий представление о признаке" [20, с. 29].

Более близки к психологической природе коммуникации двусоставные предложения, в которых субъект и предикат находят особое словесное выражение. В односоставных представлении о предмете и его признаке передается в одном слове. Анализируемый А. А. Шахматовым языковой материал показал, что среди двусоставных предложений есть такие, в которых опущен тот или иной главный член. Среди предложений с опущенным главным членом А.А.Шахматов отметил случаи опущения глаголов определенного значения: «существования», «движения», «мысли и речи», «общего действия», «процесса, интенсивного физического действия» и другие отдельные глаголы. Вот примеры А.А.Шахматова:

"Вот если б дело шло о деньгах, речь иная" (была бы)

"Вот я тебя веником!" (бить, ударять, гнать)

"Она к нему, а он ко мне" (идти, ехать, броситься),

Данные предложения являются, по мнению ученого, неполными нарушенными двусоставными, где опущение глаголов определенных семантических групп приводит к неполноте формальной структуры предложения, но не нарушает психологической коммуникации [20, с. 160]. Предложения, неполные по своей структурной организации, вполне могут быть самодостаточными, так как полностью выражают заключенный в них смысл собственными средствами и не нуждаются в "восстановлении" каких-либо членов. Нарушенные "бессказуемые" предложения вполне соответствуют автономной единице языка, обладающей предикативностью, а пропуск сказуемого легко восстанавливается по принципу "подразумевания".

С современной точки зрения, восстановлению опущенного члена способствует, по мнению Н. Ю. Шведовой, заключенные в слове потенциалы: "центростремительный:... это работа, направленная к самому слову, все действия активного словесного притяжения, "вбирания в себя", т. е. работа концентрации, конденсации; и центробежный: это работа, направленная от слова, все его избирательные действия... Сочлененность в слове этих двух активно действующих потенциалов делает его единицей уникальной по семантической нагруженности и конструктивной силе" [23, с. 290]. Семантика заполняющих конструкцию лексем, обозначающих ситуацию (фрагмент объективной действительности), одним из элементов которой является и процессуальный признак, играет наиболее существенную роль. Процессуальный признак, содержащийся в значении любого глагола, неотделим от других элементов ситуации, а сочетающиеся с ним лексемы обуславливают адекватное определение денотата глагола в случае его опущения.

Глагольность - как необходимый организующий элемент любого предложения - А. М. Пешковский принимал за основу при разработке теории синтаксиса, подчеркивая, что предикат должен быть везде, где есть отдельная языковая мысль. Если непредикативные слова, даже и "составляющие фразу, несут на себе предикативное ударение, почти всегда тянутся к настоящему предикату (сказуемому) и без него не в силах создать выражение отдельной мысли" [16, с. 178].

Как видно, в отличие от А. А. Шахматова, автор "Русского синтаксиса..." доминирующей считал формальную организацию предложения, т. е. неразрывную синтаксическую связь с обязательным замещением всех позиций (валентностей - речь идет о способности слова вступать в синтаксические связи с другими элементами). Замещение позиций всех членов предложения обеспечивает непрерывность синтаксических связей и отношений, которая создает, по выражению А. М. Пешковского, "цепочку связей и отношений" в полном предложении, являясь его существенным грамматическим признаком. Наоборот, замещение позиций не всех членов предложения приводит к нарушению этой "цепочки", на что указывают те члены, которые сохраняются в составе предложения. А там, где есть нарушение полной структуры предложения, налицо отступление от нормы и структурная неполнота. "Неполными могут быть не только предложения, лишённые главных членов (подлежащего и сказуемого или и того, и другого), но и предложения, лишённые второстепенных членов, поскольку это лишение определяется формальным составом" [16, с. 360].

Среди факторов, создающих неполному предложения, отмечаются не только ситуация ("обстановка речи"), общность предыдущего опыта говорящих, контекст ("выражение представления целым соседним предложением или целой группой их"), интонация, но и "достаточность вещественных и формальных значений членов самого неполного предложения для возбуждения образа, соответствующего отсутствующему члену". Другими словами, подобные структуры представляют собой расхождение формального и семантического содержания предложения, где потенциальное содержание не находит адекватного словесного выражения. Отсутствие глагольного члена не мешает пониманию, сохраняя синтагматическую независимость наличествующих членов благодаря тому, что их семантика усложнена "включением" элементов значения отсутствующего члена.

Итак, анализируя предложение с позиций его формальной организации, А. М. Пешковский неминуемо переходит в область семантики, отмечая "достаточность вещественных" значений структурно неполных предложений. Тогда становится понятным высказывание ученого о том, что не все неполные предложения следует соотносить по формальной организации с полными, потому что некоторые из них ("С новым годом!", "С приездом!") в полном виде употребляются очень редко и приобретают устойчивый характер использования в своей неполной форме. По определению А. М. Пешковского, это стационарные неполные предложения, относимые более к области фразеологии, чем к синтаксису, так как такие целостные построения коммуникативного характера служат для обозначения определенной однозначно понимаемой ситуации, породившей их.

Семантическая достаточность некоторых неполных предложений приводит А. М. Пешковского к признанию явления стационарности, клишированности. Это, в свою очередь, дало теоретическую посылку к различию стационарных и нестационарных предложений, где "первые воспроизводятся как готовые конструкции (с заменяемостью членов в строго определенных парадигматических рядах), вторые - строятся" [9, с. 140]. С этой точки зрения эллиптические предложения имеют переходный характер по пути от неполных к самодостаточным.

Уточнению и разработке предложенных А.А.Шахматовым и А.М.Пешковским принципов выделения неполных предложений была посвящена большая работа И. А. Поповой "Неполные предложения в современном русском языке", опубликованная в 1953 году. В исследовании, учитывая взаимодействие смысловой и формальной устроенности предложения, под неполными предложениями понимаются такие, в которых "смысловая неполнота (неполнота словесной передачи фактического содержания предложения) находит отражение в неполноте их формально-грамматического состава" [17, с. 27]. В особый раздел выносятся эллиптические предложения, представляющие собой обширную и разнообразную группу предложений и характеризующиеся относительной неполнотой формально-грамматического состава - "это предложения с отсутствующей глагольной частью сказуемого, не являющейся необходимой для понимания смысла высказывания и легко восстанавливаемой из контекста самого предложения" [[17, с.55].

Данные предложения, даже будучи взяты изолированно, сохраняют значительную полноту заключенного в них смысла, так как он достаточно выражен собственными лек-

сико-грамматическими средствами. В эллиптических предложениях функцию сказуемого выполняют члены его группы - имена и наречия, которые своей формой, грамматической зависимостью и лексической сочетаемостью обозначают потенциальное присутствие глагола-сказуемого. Так, в предложениях с эллипсисом глагола движения на него указывают члены со значением цели, места, объекта, к которому направлено движение.

Причины появления эллипсиса, по мнению И.А.Поповой следует искать, исходя из рассмотрения коммуникативных функций языка как средства общения, из учета задач и условий такого общения. Другими словами, в предложении - грамматически организованной единице речевого общения - говорящий избирательно представляет элементы предметно-логической модели ситуации, где в самом общем виде констатируемая ситуация осложняется за счет разнообразных периферийных явлений. Интерпретационно-языковой характер проявляется и в выборе бессказуемого варианта, где, к примеру, опущение глагола движения/перемещения при вербализованном субъекте и наличии словоформ, указывающих на конечную цель этого движения, сопряжено с эффектом мгновенности, стремительности достижения цели, что, в свою очередь, придает изображаемому процессу характер динамичности, а также соотносится с ситуацией контактного персонифицированного общения:

"Берет она лопату - и за дом... Мишата за ней"

"Взяла бутылку - и на улицу"

"Как полночь - за дверь, и нет ее!"

Говорящий избирательно использует те или иные элементы ситуации, в связи с чем в высказывании возникает избыточность или компрессия, наблюдается полнота или неполнота представления элементарной грамматической структуры предложения (заполненность или незаполненность места того или иного компонента структурной схемы предложения). Одной из главных причин такой заполненности/незаполненности схемы, в первую очередь, является сам говорящий, который для отражения определенной ситуации в определенных условиях речи и в определенный момент интегрирует в высказывании единицы разных уровней, где взаимодействуют значения, выражаемые лексически, грамматически, интонационно. Другой не менее важной причиной заполненности/незаполненности схемы является позиция (положение) предложения в тексте или в реальной речевой ситуации, когда контекстуальные и экстралингвистические факторы обеспечивают однозначное понимание данной структуры.

В "Грамматике русского языка" 1954/1960 гг. среди неполных предложений уже особо выделяются "самостоятельно употребляемые неполные предложения, особенностью которых является отсутствие сказуемого". Отмечены лексико-семантические группы глаголов движения, энергичного действия, речи, а также глаголы со значением бытия, наличия, существования, обнаружения, подвергающиеся опущениям. Предложения без сказуемого соотносятся с полными с соответствующими значениями. Отмечается, что "восстановление" глагола-сказуемого привело бы к изменению структуры этих предложений, где обязательными компонентами формально-грамматического состава являются предложно-именные сочетания и наречия с объектным или обстоятельственным значениями. "Значе-

ние времени в неполных предложениях определяется общим временным планом повествования" [7, т.2, с. 95].

Данные и методы

Дальнейшее исследование синтаксических единиц шло по пути поиска модели предложения - абстракции, отвлекаемой от неограниченного множества конкретных предложений. Выделяется такой синтаксический образец, имеющий свою формальную организацию и свое языковое значение, по которому может быть построено отдельное нераспространенное (элементарное) предложение. На основе понятия формулы предложения (структурной схемы) дифференцируются предложения, организованные по свободным и фразеологическим структурным схемам, а также однокомпонентным и двухкомпонентным, которые, в свою очередь, делятся на схемы со спрягаемой формой глагола и без спрягаемой формы глагола, как формы, в самой себе заключающей значение времени и наклонения.

Разработка теории моделей (структурных схем) предложения позволила значительно расширить круг предложений, характеризующихся формальной полнотой. В "Грамматике русского языка" 1970 г. из разряда неполных были исключены "самостоятельно употребляемые неполные предложения" с отсутствующими глаголами со значением бытия, наличия, существования, обнаружения, движения, речи, конкретного действия, которые стали именовать "конситуативно не обусловленные бесказуемые реализации двусоставных схем" [8, с. 559].

В дальнейших исследованиях семантической организации предложения была проведена дифференциация внутри "конситуативно не обусловленных бесказуемых реализаций". Вследствие чего произошло разделение на эллиптические и бытийные экзистенциальные предложения. Так, предложения, где подлежащее обычно представлено в форме Им. п., а сказуемое - имя в форме любого косвенного падежа, обстоятельственного наречия, компаратива или откомпаративного прилагательного, характеризуются как двухкомпонентные без спрягаемой формы глагола с лексически неограниченными компонентами, строящиеся по схеме N₁ - N₄ ...: *"Отец на работе. Друзья дома"*. Предложения, утверждающие локализованность предмета, пространственную отнесенность, сообщающие о наличии, существовании предметов, явлений определяют как бытийные (экзистенциальные), в которых "отправным пунктом является пространственное понятие, принимаемое как данное, как фрагмент мира" [2, с. 8].

На глагол в экзистенциальных предложениях приходится незначительная доля общей информации, лексическое значение ослаблено и условно, так как во всех случаях глагол только помогает выразить общее значение наличия, существования предмета, не внося дополнительной информации о способах его существования, но способствует выражению грамматических значений. Лексически ослабленный характер и избыточность рассматриваемых глаголов позволяет видеть в них своего рода вспомогательные слова, во всяком случае неполнозначные. "Семантическая избыточность позиционных глаголов (стоять, лежать, сидеть) создает условия для их превращения в слова служебного характера, и они выступают как параллели к глаголам "быть", "находиться", отличаясь от них только более узкой

сферой употребления" [3, с. 42]. Неоднозначные экзистенциальные глаголы могут быть заменены без ущерба для смысла глаголом "быть" или совсем опущены, "поскольку для соотношения двух понятий или утверждения одного достаточно значений, заключенных в грамматико-семантической структуре выражающих их форм" [10, с. 44].

Конситуативно необусловленные бесказуемые неполные реализации с отсутствующим глаголом со значением "движение/перемещение", "речи/речевого действия", "конкретного/энергичного действия" и некоторые другие закрепили за собой термин эллиптические (безглагольные).

По способу выражения предикативной основы безглагольные (эллиптические) предложения строятся по структурной двукомпонентной схеме на основе моделей соотносительных глагольных предложений, так как компоненты, представляющие предикативный центр в таких предложениях, имеют форму отдельной словоформы, как для субъекта, так и для предиката, а сказуемое таких предложений характеризуется как пропущенное или опущенное [1, 4], как нулевое [15; 5], как нулевая форма глагольного сказуемого [19], как сказуемое отрицательное [14] или как сокращенная, эллиптически устраненная форма или нулевой глагол-сказуемое [18].

Общее доминантное значение эллиптических предложений, выраженное общим значением наличествующих формальных средств, позволяет легко восстановить эллиптированный глагол, но однозначность выбранной для восстановления словоформы не всегда возможна, так как чаще всего возможны для подстановки несколько слов, объединенных одним значением. Например, в предложении *"Берет она лопату - и за дом, где раньше был огород"* опущенное сказуемое может быть восстановлено за счет таких глагольных лексем как "идти", "направиться", "стремиться", "бежать" и других, имеющих сему движения/перемещения/направления. Опущенный компонент, по словам В. И. Шульгиной, "представлен пучком сем, объединяющим несколько групп слов, гипотетически возможных для подстановки на место компонента неполной парадигмы" [22, с. 228]. Объединяющую функцию выполняет архисема, интегрирующая общее родовое значение, "свойственное всем единицам определенного класса и отражающая их общие категориальные свойства и признаки" [13, с. 437]. Так, в приведенном выше примере, относящемся к самым распространенным эллиптическим предложениям семантической группы "движения/перемещения", опущенный глагол содержит архисему движения, и восстановление этой лексемы может происходить за счет всех словоформ, содержащих данную архисему.

Теория синтаксем, разработанная Г. А. Золотовой, оригинальным образом раскрывает и объясняет принципы организации предложений, в том числе неполных и эллиптических, что несомненно представляет интерес и является этапным в синтаксисе предложения [12].

Предикативная расчлененность субстанциального и признакового компонентов является универсальным свойством предложения вообще, однако типовые значения и соответствующие способы их выражения могут быть различными в зависимости от характера тех связей и явлений действительности, которые получают отображение в данной синтаксической модели.

Полученные результаты

Изучение функциональных свойств именных синтаксем ("элементарных единиц русского синтаксиса") обнаружило следующие конструктивно-смысловые возможности: в качестве конструктивного компонента предложения (преддицирующего) - предиката - способны выступать синтаксемы свободного типа, которые реализуют свое значение в различных синтаксических условиях. Предложно-падежные формы с пространственным, локальным, темпоральным значениями, а также со значением направления, адресата выступают "как типизированные средства номинации разного рода признаков предмета" и не сигнализируют об обязательной зависимости от глагола. На основе синсематичности и общности сем данные свободные синтаксемы вступают в связь с глаголами, обозначающими пространственные, локативные, посессивные отношения или сообщающими о существовании или состоянии предмета, но при этом они остаются более сильными элементами из-за семантической ослабленности данных глаголов. Стремление языка к преодолению семантической избыточности приводит к сокращению структурного объема предложения и является главной причиной возникновения такого синтаксического явления, как опущение неполнозначных, дублирующих компонентов языка.

В связи с этим автор "Коммуникативных аспектов русского синтаксиса" считает, что применение понятия эллиптичности модели неоправданно для синтаксиса простого предложения, так как "эллипсис, эллиптичность остаются терминологическими синонимами контекстной неполноты предложения", а неполнота, недостаточность не могут быть свойственны языковой модели по самой природе [12, с. 201].

Не только законом экономии языковых средств можно объяснить появление синтаксиса. Эллиптичность относится к экспрессивным языковым средствам, средствам субъективного выражения отношения говорящего к содержанию или адресату речи. Использование эллиптических конструкций в речи способствует выражению психического состояния говорящего или любого другого лица. Благодаря своим экспрессивным возможностям эллипсис широко используется в художественных произведениях. В повествовании эллипсис выполняет эстетическую и характеризующую функции, так как создает эффект разговорности, непринужденности персонифицированного общения и динамичности действия. Подстановка какой-то одной определенной глагольной лексемы из возможных вариантов на место пропуска вносит в предложение такую конкретизацию, которая значительно сужает спектр потенциальных значений, заложенных в самом эллиптическом предложении, что влечет за собой снижение экспрессивности и утрату динамичности действия.

Заключение

Суммируя высказанное, отметим, что в лингвистической литературе сложилось устойчивое мнение об эллиптических предложениях как особом типе синтаксических единиц, характеризующихся предикативной расчлененностью, в которых дается представление о предмете и его действии или признаке, а значит, обнаруживается связь высказывания с действительностью, что является несомненным категориальным признаком предложения (высказывания). Анализируемые синтаксические единицы обладают полнотой выражае-

мого смысла при неполноте (неполной реализации) формально-грамматического состава. Структурной особенностью эллиптических предложений является отсутствие глагола-сказуемого определенной семантики: направленного движения, речевого действия, конкретного/энергичного действия. Отмечается относительная ослабленность семантики этих глаголов, в результате которой становится возможным их опущение без ущерба для смысла высказывания, так как семантические компоненты опущенного глагола имеются в вербализованных словоформах.

Конситуация, общие знания говорящих, контекстуальное окружение - это те факторы, которые влияют на функционирование эллиптического предложения, граница которого четко не определена. Все эти аспекты эллиптических предложений требуют уточнения характеристик в номинативном плане, указывающем на способы существования этой ситуации. От рассмотрения данных аспектов зависит решение вопроса о достаточности/недостаточности, о самостоятельности/ несамостоятельности эллиптических предложений.

References:

1. Admoni V.G. (1955) O dvusostavnoctipredlozeniya [On dosetupnode suggestions].// Uch. zap. LGPIIYA. vip.2.-L.: LGPIIYA. - P. 109-113.
2. Arutjunova N.D., Shirjaev E.N. (1983) Russkoe predlozhenie. Bytijnyj tip: /struktura i znachenie/. [The Russian offer. Existential type: /structure and meaning/]. - M.: Russkij jazyk, 198
3. Gak V.G. (1967) Russkij jazyk v zerkale francuzskogo [Russian language in the mirror French]. M.: Russkij jazyk za rubezhom.- № 3. - P.42-44. GAK V. G.
4. Galkina-Fedoruk E.M. (1959) Sinonimija v russkom jazyke [Synonymy in the Russian language]. M.: Russkij jazyk v shkole, №3.- P. 6-14
5. Gvozdev A.N.(1961) Sovremennyj russkij literaturnyj jazyk [Modern Russian literary language.]. Ch.2- M.: Uchpedgiz,156
6. Grammatika russkogo jazyka (1954) [Russian grammar] T.2. Sintaksis, ch.2. - M.: Nauka, 444
7. Grammatika russkogo jazyka (1960) [Russian grammar] T.2. Sintaksis, ch.1. - M.: Nauka, 702
8. Grammatika russkogo jazyka (1970) [Russian grammar]. M.: Nauka, 768
9. Zemskaya E.A. (1987) Russkaja razgovornaja rech': lingvisticheskij analiz i problemy obuchenija [Russian colloquial speech: linguistic analysis and problems of teaching]. - M.: Russkij jazyk, 240
10. Zolotova G.A. (1973) Oчерк funkcional'nogo sintaksisa russkogo jazyka [A. essay on the functional syntax of the Russian language]. - M.: Nauka, 350
11. Zolotova G.A.(1975)K voprosu o nepolnyh predlozhenija [To the question about incomplete sentences// M.: MGPI, 118
12. Zolotova G.A. (1982) Kommunikativnye aspekty russkogo sintaksisa [Communicative aspects of Russian syntax]. - M.: Nauka, 350
13. Lingvisticheskij jenciklopedicheskij slovar' (1990) [Linguistic encyclopedic dictionary]. - M.: Sov. Jenciklopedija, 684

14. Lomtev T.P. Osnovy sintaksisa russkogo literaturnogo jazyka (1958) [fundamentals of syntax of the Russian literary language]- M.: Uchpedizd, 166
15. Nazarov A.N. (1956) Strukturno-grammaticheskie tipy nepolnyh predlozhenij [Structural-grammatical types of incomplete sentences]. Uch. zap. Penzenskogo ped. in-ta, vyp.3. - Penza, 237
16. Peshkovskij A.M. (1938) Russkij sintaksis v nauchnom osveshhenii [Russian syntax in a scientific light]. Izd-e 6-e. - M.: Gosuchpedizdat, 541
17. Popova I.A. (1953) Nepolnye predlozhenija v sovremennom russkom jazyke [Incomplete sentences in the modern Russian language]. M.: AN SSSR, 136
18. Skorovodnikov A.P. (1966) Bezglagol'nye jellipticheskie predlozhenija v sovremennom russkom jazyke [Beaglehole elliptical sentences in modern Russian]. - Krasnojarsk: Krasnojarsk. gos. ped. in-t, 105
19. Haburgaev G.A. (1962) Predlozhenija s nulevym glagolom skazuemym v sovremennom russkom jazyke [Sentences with a null verb predicate in the modern Russian language] . -Voronezh, 45-51
20. Shahmatov A.A. (1941) Sintaksis russkogo jazyka [the Syntax of the Russian language]. Izd-e 2-e. - L.: Gosuchpedizdat, Leningr. otd., 620
21. Shvedova N.J. (1983) Leksicheskaja klassifikacija russkogo glagola (na fone cheshskoj semantiko-komponentnoj klassifikacii) [Lexical classification of the Russian verb (on the background of Czech semantic component classification)]. - M.: Nauka, 306-321
22. Shul'gina V.I. (1991) Ob opredelenii statusa jellipsisa v lingvisticheskoj literature [determination of the status of ellipsis in the linguistic literature]. - Har'kov: HIMJeSH, 229

Information about author:

Moskvitina Larisa Ivanovna - Associate Professor, Division of Fundamentals and Humanities, Department of Russian Language and Literature, Mineral University St. Petersburg, Russia. Visiting Professor: Hallym University, Chuncheon, South Korea, Maryland University, USA, Groningen University, Holland, Otto von Guericke University Magdeburg. Lead teacher at Davis Summer School of Russian, Middlebury College. e-mail: lmoskvitina@yandex.ru

*Sholpan Zharkynbekova, Damira Akynova, Aliya Aimoldina,
L.N. Gumilyov Eurasian National University,
Astana, Kazakhstan*

**КАЗАХСТАНСКОЕ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО:
ГЛОБАЛИЗАЦИЯ, ТРЕХЪЯЗЫЧИЕ И ДРУГИЕ ВЫЗОВЫ**

**THE LINGUISTIC LANDSCAPE IN KAZAKHSTAN: GLOBALIZATION,
TRIGLOSSIA AND OTHER CHALLENGES**

Abstract

The linguistic resources for the language policy of the Republic of Kazakhstan are three languages of national and international communication, i.e. Kazakh, Russian and English. Those languages displayed a functional distribution in the multilingual communication, like in the linguistic landscape of the large cities, in the sphere of education and business and in other domains and settings, form an interconnected, complex system. In this context a number of emerging challenges and opportunities of the language planners in Kazakhstan are discussed in the paper, including the empowerment of the state (Kazakh) language in different societal domains, the issues of an eventual switch of the script from Cyrillic to Latin.

Today the language policy of the Republic of Kazakhstan is considered as a strategic objective, emanating from the existing historical features of the Kazakh nation and Kazakhstan as a whole.

Keywords: *Multidimensional language policy in Kazakhstan, triglossia, multilingual educational communication, multilingual business communication, Kazakh language empowerment, Latin script.*

Introduction

Kazakhstan has been traditionally a multilingual country. In Kazakhstan, more than 130 different indigenous ethnic groups are living together and each of them has its own language. According to the 2009 census, a majority of the country, the biggest ethnic population is the Kazakhs with 63.1 percent having as their L1 the Kazakh language; the second largest group is the ethnic Russians with 23.7 percent using Russian as their L1 [1]. The position of Russian is however more robust, for it has functioned during Soviet times as the main language of interethnic communication in Kazakhstan as well. With the independence of Kazakhstan in 1992 Kazakh was promoted to the state language, while Russian kept its official status [2]. Although in the new Kazakhstan Kazakh has strengthened its position in several societal domains, like media, education, and trade it has a functional domain deficit compared to Russian. The latter still dominates as a transnational communication language a number of functional domains, like informal, scientific and business communication. The linguistic situation in Kazakhstan has

actually become more complex than the use of Kazakh, Russian and a number of various indigenous languages. After its independence the country has supported also the introduction of English into its educational system. Apart from the two official languages, namely Kazakh and Russian, English as a global language has also entered the linguistic discourse in Kazakhstan.

In this paper, we will demonstrate that the linguistic resources for the language policy of the Kazakh state are three languages of national and international communication, i.e. Kazakh, Russian and English and that these languages form an interconnected, complex system. We will hypothesize that these languages display a functional distribution, i.e. they are juxtaposed in some domains, like in the linguistic landscape of the capital city Astana; in other domains and settings the use of these languages is overlapping, intersecting and intertwined. We will illustrate this claim by discussing multilingual communication in the domain of education and business in more detail. In fact, we will note that a state of triglossia in Fishmanian sense is developing. This state of affairs leads to a number of challenges for the language planners in Kazakhstan. How will the Kazakh state language be empowered in order to fulfill its function as the state language? What will be the societal and linguistic consequences of an eventual switch of the script from Cyrillic to Latin?

The Multidimensional Language Policy

The ethno-linguistic situation in Kazakhstan has been shaped due to historical, socio-economic, political and demographic processes that led to the radical transformation of the entire social system and the economy of the newly independent state. In the course of its formation, the country experienced very critical and decisive moments affecting the dynamics of numerical and national composition of the population. The unique ethno-linguistic landscape of the country reflects the multifaceted history of different peoples who happened to find themselves in the territory of one state.

The Russians were not only a demographically a majority group, they were also the dominant group in the economic, political and cultural domains of society. The relatively small number of Kazakh-speaking social and educational institutions and the Russian domination in urban areas of Kazakhstan gradually led to linguistic assimilation among urban Kazakhs. The share of Kazakhs, fluent in Russian, increased from 41.6 percent in 1970 to 50.6 percent in 1979 and reached 62.8 percent in 1989, whereas only one percent of Russians has competence in Kazakh [3]. Thus, the effects of Russification in the country during the Soviet period in due time resulted into the reduction of Kazakh's social function and its considerable passive usage. Hence, Kazakhstan's language situation is best characterized by historically dominated asymmetric Kazakh-Russian bilingualism [4].

Significant changes have occurred since the country became independent however. Kazakhstan has become one of the most dynamically developing countries of the former Soviet Union, not only showing more and more activity in the international arena, but also initiating a foreign policy that has been labelled by commentators as 'multi-vectoral'. Kazakhstan has maintained good ties with Russia but at the same time also with other important actors in the

international arena, including the United States, the European Union, China and other parts of the world [5].⁵⁷

A new language policy aimed at enhancing the prestige of the culture and language of the titular nation has led to significant changes in the functioning and the instruction of the state language. The state programs of development for languages in the periods of 2001-2010 and 2011-2020 act as drivers for the new language policy of Kazakhstan, which is designed to ensure the full communicative functioning of the state language being the most important factor in strengthening national unity, and at the same time preserving the languages of all ethnic groups living in Kazakhstan. These programs define several basic vectors in their implementation: 1) the state language as the main factor of national unity; 2) the widespread use of the state language; 3) the development of linguistic culture; and 4) development of linguistic capital for Kazakhstan's citizens [6, 7]. The results of the implementation of these programs are positive, which forms the basis for the further development of language planning in the country. It is expected that as a result of the implementation of the developed programs the proportion of the adult population mastering the state language in 2014 will be 20 percent, by 2017 it will be 80 percent, and by 2020 it will be 95 percent [8].

The state's intention to meet international standards involves fundamental reforms in various areas. One of such innovations was the introduction of the project "Trinity of languages" in 2007. Its main objectives were the introduction of Kazakh as the state language, Russian as the language of interethnic and regional, interstate communication, and English as a necessary condition for the successful integration of the country into the world educational and economy space [9].

The survey's findings conducted by the researchers of the L.N. Gumilyov Eurasian National University in 2010-2013 showed that English is becoming increasingly popular in Kazakhstan, mastering various spheres of public life in Kazakhstan [26].

Below we will take up this issue in more detail.

Multilingualism in the Educational System of Kazakhstan

Recent global educational transformations and socio-economic modernizations have influenced Kazakhstan's educational system and have led to significant innovations in this area over the last two decades. These changes have shaped the educational system and determined its main objective, i.e. integration into the global educational system to create competitive human capital.

One of the key aspects in Kazakhstan's educational system is the promotion of language education. The teaching of foreign languages is strongly supported at the political level. The idea of the trilingual educational system has been developed later and supported in legal documents

⁵⁷ The Republic of Kazakhstan is a member of international organizations such as the Commonwealth of Independent States, EurAsian Economic Community, Shanghai Cooperation Organisation, Collective Security Treaty Organization, Organization for Security and Co-operation in Europe, and United Nations. In 2010, Kazakhstan chaired the OSCE and in 2011 it was chairman of the Organization of Islamic Conference.

(the State Program for Development and Functioning of Languages in the Republic of Kazakhstan for the period 2011-2020, the State Program for Education Development in the Republic of Kazakhstan for the period 2011-2020). The State Program for Development and Functioning of Languages in the Republic of Kazakhstan for the period 2011-2020 states that the share of the population which will be familiar with these three languages of instruction should be 10 percent by 2014, 12 percent by 2017, and 15 percent by 2020. It is clear that the priority in the study of foreign languages is assigned to English. According to the State Program, the proportion of the English speaking population should be increased up to 20 percent by 2020 [6]. Recently a lot of measures have been taken to promote the teaching of English as a foreign language. According to statistics, in 2015 academic year the number of learners using three languages of instruction, including Kazakh, Russian, and English is as follows [10]: From the total number of children in kindergartens, i.e. 758 772, 575 061 children attend Kazakh-medium kindergartens; 183 134 visit Russian-medium kindergartens, and 65 children go to English-medium kindergartens. The number of children studying English is 218 252. From the total number of pupils in secondary schools, i.e. 2 785,400, 1 792 223 pupils attend Kazakh-medium schools; 832 173 pupils visit Russian-medium schools; and 1.801 pupils English-medium schools. From the total number of students in higher educational institutions, i.e. 477 074, the share of students studying at Kazakh-medium groups is 63,2%, 33,2% of students attend Russian-medium groups; and 3,6% of them visit English-medium groups.

The implementation of trilingualism policy has started and will have a huge impact on the future of language education in Kazakhstan. As has been demonstrated by the above-quoted statistics, there is a trend towards the increase of English-medium educational institutions. Thus, English is taught from Grade One in all schools of Kazakhstan, since the 2013-2014 academic year. Since 2016-2017 academic year two academic hours per week is given to English in Grade One, and 3 academic hours in Grades Two, Three, and Four. Transition to the English-medium instruction will be implemented gradually – from 2017 to 2023. Currently there are 117 specialized schools where the three languages concerned are all languages of instruction [11].

The language policy in higher education also supports the promotion of English. According to the state policy on language education, the preparation of multilingual teachers plays an important role in the international positioning of Kazakh higher education. The policymakers in the field of education consider English as the academic lingua franca and the communication language necessary to fulfill the criteria for competitiveness of the educational system in general. As a result, the training of multilingual specialists has been launched in 2011. In 2012, the Centers of Pedagogical Excellence at Nazarbayev Intellectual Schools and JSC “Orleu” (Орлеу), the National Centre for Teachers Retraining were opened. National Center “Orleu” was created in 2012 by way of merger of Republican Institute for professional development of leading and research-pedagogical staff of education system. JSC NCPD “Orleu” provides annual professional development of more than 73,300 pedagogical staff of all education levels [10]. In connection with this, some Kazakhstan’s universities have introduced a multilingual curriculum on a pilot basis. Since 1 September 2012 special programs with a total enrollment of more than 5.500 students were opened in 32 institutions for higher education in Kazakhstan [12].

In sum, we can conclude that at present in Kazakhstan English is becoming more and more an economically and politically beneficial tool in the domain of education. As for Russian, it still keeps its position in the educational sphere being one of the main languages of instruction along with Kazakh. Kazakh is being promoted and supported at the state level. However, it should be noted that Kazakh has not reached full competence in all the functional domains and settings yet. Hence, a number of challenges, also in the domain of education need to be addressed. One of these challenges, the use of Kazakh in business communication will be discussed in the next part of this paper.

Multilingualism in Business Communication

With the continuing globalization of markets and internationalisation of trade in the beginning of the 21st century, the economy of Kazakhstan has undergone significant development. With the largest economic potential in the Central Asian region, Kazakhstan is now engaged in international commercial activities with more than 170 countries and has trading and economic agreements with more than 50 other countries under a “Most-Favored Nations (MFN)” regime [13].

As a consequence of the globalization and internationalization of the economic relations many business transactions are carried out between speakers of radically different languages and cultures. Thus, given the conditions of the country’s language situation and the current development of local and international businesses, contemporary business discourse in Kazakhstan has been shaped, and continues to be shaped, under the influence of three languages we met before in this paper, namely Kazakh, Russian and English [14, 15, 16].

The considerable work for language management has been done in different organisations, including the national companies, governmental and non-governmental organizations and other business enterprises within the State Program for Development and Functioning of Languages in the Republic of Kazakhstan for the period 2011-2020 [7]. Since the independence of Kazakhstan, Kazakh has become widespread in business communication, gradually occupying more and more space. In accordance with the planned, sequential, stage-by-stage transfer of office work, record-keeping and statistical, financial and technical documentation from Russian into Kazakh paperwork is carried out entirely in Kazakh in several regions of the country [7]. Although the expansion of Kazakh into the spheres of official and non-official business communication is very real, especially in the state institutions and organisations, some private business companies continue to use only Russian, whilst foreign companies and companies, in which foreigners serve as partners, use English and Russian for transnational communication [15].

Nowadays there is tendency among employees of different companies to become more aware of the language problem. Therefore, to remedy the situation of the state language in business organizations, special training courses on the use of Business Kazakh are organised for their employees. Those trainings are held in such business companies as “KazTransOil”, “Astana International Airport”, “National Company Kazakhstan Temir Joly”, “Kazakhstan Electricity Grid Operating Company” JSC, and so on [17]. Despite this, the use of official documents in

Kazakh within companies is still very limited. In most cases, the state language is used as secondary source often translated from Russian.

English business discourse, which occupies a leading position among the foreign languages in business communication with international partners and companies, is now an essential component of business communication in Kazakhstan. English started to be used in the sphere of business communication, when it became the working language of modern businesses, including numerous joint ventures and foreign companies [18]. As President Nazarbayev points out Kazakhstan needs English to enter the world stage since "...there are 3.500 foreign companies in Kazakhstan" [19].

Today, around 16.000 companies with foreign capital and 3.411 branch offices of foreign companies are registered in Kazakhstan, including such multinational companies, like Chevron, Siemens, Microsoft, General Electric, Coca-Cola, Danone, Henkel and many others. In addition, Kazakhstan is currently working to attract such companies as the Korean steel giant POSCO, the Hyundai Motor Company, LG Chemicals (Korea), Carrefour, Lafarge (France), Sampo Rosenlew (Finland) and others. Within the framework of the State Programme on the Accelerated Industrial and Innovative Development for the Period 2010-2014, Kazakhstan started joint realization of large-scale projects in industry sectors with investors from the USA, Germany, France, Japan, Turkey, South Korea and other countries [17]. In large Kazakhstani national companies English functions primarily as the main *lingua franca* in business communication. With residents of other countries all agreements and contracts are issued in Russian and English. Business negotiations are taken place in the same two languages.

Undoubtedly, the activity of these organizations and increasing international co-operation naturally create in Kazakhstan an enormous necessity for English-speaking professionals on the labour market. For instance, the analysis of a popular Kazakh job websites (i.e. <https://hh.kz>, <https://www.enbek.kz>, etc.) demonstrates that in more than 90 percent of the advertisements on various positions good language skills in English is one of the required criteria for admission to work. Noticeably there are an increasing number of these advertisements, edited in English only as well.

In sum, business discourses in Kazakh, Russian and English possess different genres and functions in diverse spheres of usage. They are characterised by complicated interrelations of mutual influence. Their interplay in modern Kazakhstan and the changes that are expected in their distribution (or redistribution) within the intersection zones of the business communicative area require further analysis.

Other Planning Challenges

Here we will discuss the cases that are not accounted for by the trilingual language policy supporting the use of Kazakh, Russian, and English outlined above. First of all, additional efforts are required to reach full competence in all the domains of Kazakh now it has been upgraded to the level of state language. However the empowerment of Kazakh being actually the junior partner in the Kazakh-Russian diglossic relation will not only be hampered by Russian but also

by global English that is promoted in Kazakhstan. Secondly, an eventual switch of the alphabet in Kazakh from Cyrillic to Latin will seriously affect the language constellation, not only Kazakh itself but also the constellation as such and the writing skills and proficiency of Kazakh speakers. Thirdly, the question arises how the indigenous ethnic minority languages spoken in Kazakhstan that are outside the scope of the trilingual language policy will be managed. Let us discuss these issues.

With the independence and the revival of national ideas, Kazakhstan has experienced serious rethinking of its ethno-linguistic identity. Today we are witnessing a difficult process of state and ethno-linguistic identity building. The complexity of this process is affected both by processes of globalization and internationalization being characteristic of the modern world and influencing the development of the country and the formation of purely national values derived from the peculiar history, culture and mentality of the Kazakh people. However, it is too early to conclude that the state language is functioning fully. The use of Kazakh in public services, government, in science, and in the media leaves much to be desired. Public figures raise very sensitive issues related to the low level of demand for the state language. There is the possibility of Kazakh remaining a language for everyday communication unable to fulfil its function as a state language. Under such circumstances, the rapid advancement of English in different spheres of society causes some concern among public figures and experts. The hegemony of English over other languages can be already observed in several domains of society, like in mass media, in conversational speech, in everyday life, and so on. Experts discuss the feasibility of teaching English in kindergartens, methods of teaching English and the psychological preparedness of children for that.

Multilingual education is generally regarded as one of the main indicators of human adaptation to the new socio-political and socio-cultural realities. But the success of multilingual education is determined by many factors, which include socio-political, socio-economic, national, ethnic, historical, cultural and linguistic development of a country. Above we have discussed the efforts of implementing a multilingual educational policy in order to construct a multi-ethnic and multicultural Kazakhstan. The question arises whether it is possible to develop a comprehensive language education policy, promoting English while maintaining linguistic diversity. Planned reforms, which affect almost all spheres of society have led to increased competitiveness on the global level but can cause serious drawbacks in the field of socio-cultural and ethnic identities. Therefore, the current language situation in Kazakhstan involves the development of certain specific approaches to planning and implementation of reforms in multilingual education.

Another intensively discussed topic in Kazakhstan recently is Kazakhstan's controversial plan to switch to the Latin script instead of the Cyrillic one in the national language. According to President Nazarbayev, this is "determined by the need to develop the country's language," [15] the main arguments in favour of a transition from Cyrillic to Latin are the upgrading of the social status and the expansion of the social functions of Kazakh, the integration of Kazakhstan's position in the global information space and, as a consequence, the increase of the country's competitiveness in the global economy, as well as the strengthening of partnerships with the

Turkic-speaking countries, and within the country itself the facilitation of the teaching and use English. The process of switching the alphabet in Kazakh can, however, have a number of negative consequences both for the languages and speakers involved, however.

One of the important consequences of the switch in script is that there to be expected a sudden “breakdown” of writing skills under the speakers of Kazakh, as is pointed out by Dzhussupov in case of the graphics’ type switching [20]. It will have serious consequences for the number of illiterate people.

Another aspect that will be affected is the educational system, where the Latin and Cyrillic graphics will be equally used. The problem will be not the use of the graphic systems itself because this is also the case now but the capacity of usage that will be quite different, disadvantaging the Cyrillic script. This will also be the case in other parts of society, like mass media. Both Kazakh and Russian use the Cyrillic alphabet, while English uses the Latin alphabet. In this constellation, Kazakh and Russian closely belong together opposed to English. But the switch from Cyrillic to Latin in Kazakh spelling will have far-reaching consequences. Russian will get into an isolated position and ethnic Kazakhs who only know Russian will find it much harder to learn Kazakh under those circumstances. They not only have to create a bridge to Kazakh but also to learn a new script, i.e. the Latin one.

Conclusions and outlook

The main directions of language policy in the Republic of Kazakhstan are conditioned by both the current language situation in the country and the advancement of the country into the world economic (political, cultural, etc.) space. In this context, the main direction of modern language policy is the formation of multilingualism where the emphasis is given to the importance of preservation of the native - ethnic language, Russian as a language of international communication and the need to master English for professional and intercultural communication.

In connection with the more active involvement of Kazakhstan in international relations there has appeared a need for knowledge of foreign languages, especially English. Proficiency in English and other foreign languages is becoming important within cultural and educational interests.

All these processes are not simple and are affected by extralinguistic and psycholinguistic issues, which include: the attitude of citizens to the ongoing language policy, their linguistic orientation, real and potential functioning of language, the influence of the language of globalization, including the growing dominance of English, adaptation to the languages of diasporas of Kazakhstan and immigrants, etc.

There are a lot of challenges, but there are potential opportunities and conditions for their solutions are more than enough. So today the language policy of the Republic of Kazakhstan is considered as a strategic objective, emanating from the existing historical features of the Kazakh nation and Kazakhstan as a whole.

References:

- 1 Smailov A. (2001) *Itogi Perepisi Naseleniya 1999 goda v Respublike Kazakhstan* [The Results of the 1999 Population Census in the Republic of Kazakhstan]. Almaty: Statistics Agency of RK.
- 2 Republic of Kazakhstan (2005) *Zakon Respubliki Kazahstan «O yazykah v Respublike Kazahstan» (ot 11 iyulya 1997 g., №151-1) / Osnovnye zakonodatel'nye akty o yazykah* [Law on Languages of the Republic of Kazakhstan (from July 11, 1997, № 151-1/ Main Legislative Documents on Languages)]. Almaty: Jurist, 5-12.
- 3 Smagulova J. (2008) Language Policies of Kazakhization and Their Influence on Language Attitudes and Use. *The International Journal of Bilingual Education and Bilingualism* 11/3-4:440-75.
- 4 Suleimenova E. & Smagulova J. (2005) *Yazykovaya situaciya i yazykovoje planirovanie v Kazahstane* [The linguistic situation and language planning in Kazakhstan]. Almaty: Qazaq University.
- 5 Laruelle M. & Peyrouse S. (2013) *Globalizing Central Asia: Geopolitics and the Challenges of Economic Development*. London and New York: M. E. Sharpe, 355.
- 6 State Program for Development of Education of the Republic of Kazakhstan for 2011-2020 Decree of the President of the Republic of Kazakhstan. [Online] Available: www.edu.gov.kz (June 25, 2016).
- 7 State Program of Functioning and Development of Languages for 2001-2010. Decree of the President of the Republic of Kazakhstan on February 7, 2001 N 550. *Kazakhstanskaya Pravda*, 47-48.
- 8 Smailov A. (2010) *Itogi Perepisi Naseleniya 2009 goda v Respublike Kazakhstan* [The Results of the 2009 Population Census in the Republic of Kazakhstan]. Almaty: Statistics Agency of RK.
- 9 Nazarbayev N. A. (2007) *Novyj Kazahstan v novom mire. Poslanie Prezidenta Respubliki Kazahstan narodu Kazahstana* [New Kazakhstan in the new world. Address of the President of the Republic of Kazakhstan to the People of Kazakhstan]. [Online] Available: http://www.akorda.kz/ru/page/page_poslanie-prezidenta-respubliki-kazahstan-n-nazarbaeva-narodu-kazahstana-28-fevralya-2007-g_1343986887 (July12, 2014).
- 10 National Report on state and development of education (on the results of 2015) / Ministry of Education and Science of the republic of Kazakhstan. [Online] Available: http://edu.gov.kz/ru/page/deyatelnost/statistika_i_analitika/natsionalnii_doklad (January 21, 2017).
- 11 Bocharova N. (2016) Kazakhstan's history will be taught in Kazakh since 2018. [Online] Available: <https://vlast.kz/novosti/16064-s-2018-goda-istoriu-kazahstana-v-skolah-budut-prepodavat-na-kazahskom-azyke.html> (January 26, 2017)
- 12 Akynova D., Zharkynbekova S. & Agmanova A. (2013) Peculiarities of Kazakh-English Bilingualism Among Students. Natasha Bakic-Miric & Davronzhon E. Gaipov, eds. *Building Cultural Bridges in Education*. Newcastle-upon-Tyne: Cambridge Scholars Publishing. 103-115.

13 Salykova L. N. (2012) An investigation of foreign trade policy and its impact on economic growth: the case of Kazakhstan (1991–2008). [Online] Available: www.openair.rgu.ac.uk (October 6, 2014).

14 Aimoldina A., Zharkynbekova S., & Akynova D. (2012) The role of English in business communication in Kazakhstan. *Journal of Law and Social Sciences* 2/1:251-257.

15 Suleimenova E. D. & Burkitbayeva G. G. (2009) Kazakhstan. In F. Bargiela-Chiappini (ed.), *Handbook of Business Discourse*, Edinburgh, Scotland: Edinburgh University Press, p. 445.

16 Zharkynbekova, S., Aimoldina A. & Akynova D. (2013) English for Kazakhstan in the Context of the Economy Globalisation and Internationalisation of Business. *Pensee Journal* 75/10:84-96.

17 Report of the Committee on Languages of the Ministry of Culture and Sports of the Republic of Kazakhstan on progress on implementation of the State program of development and functioning of languages for 2011-2020] // [Online] Available: http://www.mk.gov.kz/rus/komitety/komitet_po_yazykam/sostojanii_otr/

18 Burkitbayeva G.G. (2006) *Tekst i diskurs: Tipy diskursa* [Text and Discourse: Types of Discourse]. Almaty: Daik-Press.

19 Nazarbayev N. A. (2013a) *Vystuplenie Prezidenta Respubliki Kazahstan N.A.Nazarbaeva na 26-m Zasedanii Soveta inostrannykh investorov* [Speech by President of the Republic of Kazakhstan Nursultan Nazarbayev at the 26th meeting of the Council of Foreign Investors]. [Online] Available: http://www.akorda.kz/en/page/page_213922_vystuplenie-prezidenta-respubliki-kazahstan-n-a-nazarbaeva-na-26-m-zasedanii-soveta-inostrannykh-inve (January 21, 2014)

20 Dzhussupov M. (2013) *Kazahskaya grafika: vchera, segodnya, zavtra (kirillica ili latinica...)* [Kazakh graphics: yesterday, today, tomorrow (Cyrillic or Latin....)]. Moscow: Peoples' Friendship University of Russia (PFUR), 106.

Information about authors:

Sholpan Zharkynbekova is a Professor at L. N. Gumilyov Eurasian National University in Kazakhstan, where she teaches Cross-Cultural Communication, Sociolinguistics, Cognitive Linguistics, Cultural Linguistics, Contrastive Linguistics and other subjects. Her main research interests are issues of language contacts, ethnolinguistic identity, and verbalization of ethno-specific concepts in different linguacultures (zharkyn.sh.k@gmail.com)

Damira Akynova is a senior lecturer, PhD, at L. N. Gumilyov Eurasian National University in Kazakhstan. Her main research interests are sociolinguistics, language contacts, especially bilingualism, code-switching in the Kazakh and English languages (mirada-86@mail.ru).

Aliya Aimoldina is a senior lecturer, PhD, at L. N. Gumilyov Eurasian National University, Philology Department, in Astana, Kazakhstan. Her main research interests are Bilingualism, Cross-Cultural Communication, specifically, intercultural business

communication and business discourse in the Kazakh, Russian and English languages in the context of multilingual and multicultural space of Kazakhstan (aimoldina_aa@mail.ru).

Funding source - *The article has been prepared based on the "The functioning of languages in a Kazakhstani multicultural space: temporal tendencies, possible risks and prospects" project for 2015-2017 years within the framework of grant funding by the Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan*

Theory and Methodology of Bilingual and Multilingual Education

УДК (UDC) 811.111-26

**Alfia Rakova, Research Assistant Professor,
Director of the Language Program Dartmouth College,
Department of Russian Language and Literature, USA**

**ЯЗЫКОВАЯ РАБОТА НА ЗАНЯТИЯХ РУССКОГО ЯЗЫКА В
АМЕРИКАНСКОЙ АУДИТОРИИ НА ОСНОВЕ ФИЛЬМОВ И
РАССКАЗОВ О ЖЕНЩИНАХ**

**TEACHING RUSSIAN TO AMERICAN STUDENTS THROUGH
LANGUAGE WORK ON FILMS AND STORIES ABOUT WOMEN**

Abstract

American textbooks of Russian lack cross-cultural material on the role of women. If from the very beginning of learning Russian students have an opportunity to observe not only the language of men and women, but their behavior, values, careers, etc., they would learn more effectively about the differences between Russian and American families and society. At the Intermediate level students read several stories on topics like women education, marriage, work, relationships, etc., and compare these readings with articles from The New York Times about early marriages in the US, about the current situation of women, children and families. Students expand their vocabulary, acquire new grammar, write one or two essays on each story and participate in general discussions. In addition to readings there are two to three films that students watch during the course ("Moscow Doesn't Believe in Tears", "Autumn Marathon", etc.) and engage in extensive language work including Russian Morphology, Colloquial Russian, etc. Research supports effective teaching with films and it seems like nowadays everyone is showing films at all levels of learning Russian. There are facts indicating that the vast majority of knowledge gained by adults (75%) is learned through seeing, 13% through hearing and 12% through other senses, e.g. touch, taste, smell, etc. The presence of films in course syllabi has become very important to our students as a very effective learning tool to improve pronunciation and intonation, to expand vocabulary, to master more grammar and to learn about Russian culture, traditions, etc. Students who are equipped with language tools like word-formation to understand the difference between standard language and slang, urban and rural language, etc., can learn Russian based not only on what they see and hear in a film, they likewise can interpret relationships between the characters, between women and men, parents and children. They can discuss in Russian topics like dignity, cheating, dishonesty, love, career choices in life for men and women. In this article we would like to share some ideas of what works effectively in language classes for American students of Russian.

Keywords: *Teaching language through stories and film, cross-cultural understanding of the role of women, colloquial Russian, Russian Morphology, Russian Word-Formation.*

Введение

Изучение русского языка американскими студентами – это не только изучение грамматики, синтаксиса, лексики, это еще и очень важный аспект познания культуры, традиций и проблем общества. Начиная с первого курса, студенты открывают для себя много нового как в языковом, так и в культурологическом аспекте. При составлении учебников русского языка большинство авторов не уделяет достаточного внимания таким вопросам, как категория рода, сопоставление языка женщин и мужчин, сравнение статуса женщин и мужчин в обществе.

Теория

У американских студентов, начинающих изучать русский язык, представления о роли женщин в обществе либо не сформированы, либо являются стереотипными. [9, 10] Студенты чаще всего предполагают, что статус женщин России мало чем отличается от их статуса в США. Эта тема не преподается нами отдельно, а является сквозным иллюстративным материалом обучения русскому языку в программе колледжа. Начиная с чтения статей на английском языке об истории женского движения в России, о положении женщин до и после революции, об известных достижениях многих женщин поэтов, композиторов, писателей, ученых, деятелей культуры и активных борцов за права человека, студенты расширяют свой кругозор по данной теме. Однако, наиболее важная задача – это изучение русского языка и формирование у студентов навыков чтения литературы в оригинале, умения вести обсуждение и спор, навыков понимания и объяснения поведения людей из другого общества.

Практика

Уже с первого года изучения русского языка студенты начинают наблюдать за языковыми единицами и правилами их употребления на материалах учебника и видео. Студенты анализируют слова с суффиксами категории женского рода [6, 7], а также поведение и речь женщин. Нередко в аудитории возникают вопросы, типа существуют ли такие слова, как *директора* (к *директор*), *профессорница* (по аналогии с *преподавательница*), *деканица* и *врачица* (по аналогии с *певица*) и другие. У студентов появляется интерес к работе со словами, обозначающими категорию женского рода. Работа по русскому словообразованию должна начинаться уже на самых ранних этапах, чтобы студентам было легче разграничивать слова с нейтральным значением и слова другими значениями, например, с пренебрежительным значением. Студентам предлагаются упражнения на определение семантической окраски слов: *врачиха*, *секретарша*, *генеральша*, *профессорша*, а также *учительница*, *ученица*, *слониха* и др.

Последовательная работа с такими словами позволяет научить студентов правильно различать и употреблять соответствующие суффиксы для обозначения категории женского рода [8]. Небольшой исторический экскурс со словами типа *генеральша* – *жена генерала*, *профессорша* – *жена профессора*, а также современные названия женских профессий *касси́рша*, *билетёрша*, *машинистка* и др. расширяет кругозор студентов. Поскольку в английском языке отсутствуют параллели *декан-деканша*, *секретарь-секретарша*, *врач-врачиха*, то такая языковая работа на узнавание и употребление данных моделей приносит большую пользу американским студентам.

Задача преподавателя русского языка на начальном этапе – составить группы существительных и глаголов, с помощью которых студенты могут описать профессии женщин и их деятельность. Примечательно то, что такие глаголы как *убирать*, *готовить*, *ухаживать*, *покупать продукты* представлены в учебнике для описания деятельности женщин, а не муж-

чин (*Анна Борисовна готовит, дочери покупают продукты*). У студентов возникают вопросы о неравномерном распределении ролей в семье, поскольку в представлении студентов мужчины в США играют более активную роль в ведении хозяйства, чем в России. Во время летнего семестра в России студенты наблюдают за ролью женщины в семье и составляют письменные и устные сообщения об этом на втором курсе.

На втором и третьем курсах проводится работа по углублению грамматики и расширению словарного запаса. Студенты читают рассказы и смотрят фильмы на русском языке: «*Первый Учитель*» Ч. Айтматова, «*Выигранный билет*» А. Чехова, фильмы «*Осенний маэрафон*», «*Москва слезам не верит*», «*Елена*» и другие.

Одним из популярных рассказов среди студентов является «*Первый Учитель*» Чингиза Айтматова, адаптированный для иностранной аудитории. Работа начинается с составления активного словаря для обсуждения рассказа, например, глаголы для обозначения разной деятельности: учеба, работа, отношения в семье, отношения между мужчинами и женщинами, между разными поколениями. Студентам предлагаются тематические группы слов, характеризующие поведение и отношения; похищение невест, выкуп, калым, освобождение и др. Языковая работа проводится на основе рассказа, студенты пишут упражнения на активизацию новых слов. После этого студенты готовятся к обсуждению проблем, которые студенты обозначили в рассказе. Одной из таких острых проблем, по мнению американских студентов, является ранний брак девочек, не достигших своего восемнадцатилетия. После прочтения (на английском языке) статьи из газеты «*Нью Йорк Таймс*» (2015) о подобной острой проблеме не только в Киргизии, но и в США в штате Джорджия, студенты готовятся к дискуссии на русском языке для обсуждения этой проблемы как общечеловеческой, а не только отдельно взятого региона или страны.

Языковая работа на каждом этапе предваряет следующий этап. И, таким образом, работа по расширению словарного запаса и углублению знаний по грамматике и синтаксису, позволяет повышать уровень мотивации у студентов и их стремление к обсуждению волнующих их важнейших тем любого общества. [4, 5] Таким образом, занятия становятся своего рода лабораторией для накопления языковых и культурологических знаний и возможностей, позволяющих студентам проявлять полученные знания не только на занятиях, но и на разных конференциях, встречах с ровесниками из России, в дискуссиях по скайпу и т.д.

Другим важным аспектом преподавания языка и культуры является работа с фильмами. Рассмотрим, как можно эффективно сочетать языковую работу с работой по формированию у студентов представлений о ежедневной жизни женщин, об их заботах дома и стремлении добиться успехов в карьере. Исследования о роли фильмов убедительно доказывают, что эффективность усвоения языка значительно возрастает при зрительном компоненте преподавания. Так, по мнению ученых [1] основной объем полученных знаний происходит через зрительное восприятие (75%), аудирование - 13% и другие сенсоры – 12%. Фильмы являются эффективным инструментом в овладении американскими студентами грамматики русского языка, произношения, интонации, лексики, а также источником страноведческих и культурологических знаний. Фильмы с хорошим сюжетом и доступным языком позволяют достаточно долго удерживать внимание студентов. [2]

Однако при отборе фильмов преподаватели должны учитывать как уровень владения студентами русским языком, так и язык фильма, на основе которого можно построить занятия по углублению знаний по грамматике, лексике, стилистике, словообразованию русского языка. Чаще всего в университетах США на занятиях по русскому языку используются

фильмы с субтитрами на английском языке. Такие фильмы целесообразнее показывать на начальном этапе изучения русского языка. Не секрет, что субтитры часто бывают неточными и не отражают всей полноты того или иного языкового явления. Например, в фильме «Ребро Адама»: «опусти ручонку-то» переведено нейтральным «*put your hand down*», «*стипендия*» переведено «*stipend*», «*мамуль, Лидунь*» переведено «*mom, Lida*» и т.д. У студентов возникает представление, что все эти «лишние» элементы слова не несут никакой семантической нагрузки. Такого же мнения придерживаются студенты продвинутого этапа при просмотре фильма не с английскими, а с русскими субтитрами, основываясь на уже изученных ими словообразовательных моделях нормированного русского языка с суффиксами – *тель, -ник, -ист, -онок* и другие. И на сегодняшний день можно найти достаточно большое количество литературы, в которой освещена тема преподавания русского словообразования разговорной речи иностранцам. Однако такого нельзя сказать о материалах по обучению иностранцев русской разговорной речи и экспрессивного словообразования. Наиболее эффективно такое обучение можно проводить на основе фильмов без английских субтитров.

Работа с фильмами должна, в первую очередь, начинаться с работы над языком. Студенты знакомятся с основами словообразовательной системы русского языка и с основными способами словообразования, проводится работа по контрастивному словообразованию и семантике русского и английского языков, лексического материала, стилистических различий отдельных словообразовательных единиц, проводится работа по расширению словарного запаса студентов, учитывая разные стилистические уровни как английского, так и русского языков.

К тому времени, когда студенты начинают смотреть фильмы без английских субтитров (как правило, это происходит в конце второго или начале третьего года обучения четырехлетнего колледжа или университета), у них сформировано базовое представление об основах словообразовательной системы русского языка. Студенты уже довольно легко определяют производящие основы слов, приставки, суффиксы, конфиксы и интерфиксы. К третьему курсу студенты довольно безошибочно различают словообразовательные суффиксы от формообразующих. Например, работая с уменьшительно-ласкательными суффиксами, у студентов не возникает проблем с определением значений и функций этих суффиксов в обычной речи, и как правило, это носит положительную окраску (*домик, подушечка, шапочка* и т.д.), характеризуя сам предмет. Однако постепенно студенты начинают обращать внимание на то, что эти суффиксы употребляются по отношению к человеку, а не к самому предмету: «сема оценочности распространяется не на денотат данного слова, а на «чужой» денотат. (3, 128). Для студентов это один из важных моментов в восприятии словообразования и интерпретации отношений героев фильма «Ребро Адама» (Мосфильм, 1990), когда Нина употребляет по отношению к матери такие слова, как *молочко, желудочек* и т.д., что студенты объясняют ласковым отношением Нины к матери.

В самом начале семестра студенты получают сценарий фильма «*Ребро Адама*» с переводом отдельных слов, упражнения и языковые комментарии. Например, речь Нины (мать) в фильме «*Ребро Адама*». На вопрос, как Нина относится к своим дочерям, студенты, проанализировав речь Нины, отвечают: «*Нина теплее относится к старшей дочери и больше любит ее, потому что она употребляет слова с уменьшительно-ласкательными суффиксами, а в диалогах с младшей дочерью такие слова отсутствуют, и Нина часто употребляет жаргон, переходя на язык младшей дочери-подростка*». Затем студенты составляют таблицу, в которой они сравнивают речь Нины с матерью и дочерьми. В хорошем настроении с матерью – *мамулечка, желудочек, молочко*; в гневе – *опусти ручонку-то, черт тебя подери совсем, ты мне всю жизнь покалечила*; испытывая чувство вины – *мамуленька, прости, мы*

живем замечательно и т.д. Далее, как Нина разговаривает со старшей дочерью Лидой: *Лидушка, красавица ты моя, моя маленькая, мое солнышко, кто тебя обидел* и т.д. И затем, как Нина разговаривает с младшей дочерью Настей: *Настюха, стервозный ребенок, не ори на мать, не твое собачье дело, как корова ходишь* и т.д.

Нина		
← С матерью	С Лидой	С Настей →
Мамулечка Мамочка Мамуль Желудочек Молочко Печеньице Ручонка Черт тебя подери Жизнь покалечила Со свету сживала Лишила отца Мамуленька, прости Живем замечательно Все у нас будет лучше всех Твое здоровье	Лидушка Лидуня Дочка В счастливый тебе путь, дочка Красавица ты моя Моя маленькая Мое солнышко Пойдем, доченька	Настюха Стервозный ребенок Не ори на мать Рожу малой Как корова ходишь Не твое собачье дело Добыгчица Как тебе не стыдно Аскорбинку лопаешь Вали отсюда Это отвратительно

Работа по словообразованию должна вестись постоянно на всех уровнях изучения русского языка с тем, чтобы у студентов формировалась полная картина сферы употребления тех или иных слов: как с уменьшительно-ласкательным, так и иронично-пренебрежительным значением. И наоборот, употребление слов с суффиксами *-уха, -ага/яга, -ун, -ак, -ыш, -аха, -уки* т.д. в словах с семантически сниженным значением наряду с дружески-фамильярным значением в разговорной речи. Психологический дискомфорт возникает у студентов особенно остро, когда при общем понимании всех языковых единиц предложения, остаются непонятными смысл высказывания или последствия реплик героев. Вот почему важно показывать им на примерах, что «основной массив экспрессивных производных наделен оттенком сниженности и употребляются лишь при таких отношениях между говорящими, которые характеризуются особой близостью и допускают фамильярность». [3, с.125]. Просто представить такое объяснение студентам – недостаточно. Гораздо эффективнее, когда студенты сами могут доказать это на основе диалогов героев фильма, их выражений лица, мимики, жестов.

В результате такой работы студенты приходят к выводу: *Нина - очень послушная дочь терпеливо ухаживает за парализованной матерью, говорит с ней, как с ребенком (уменьшительно-ласкательные суффиксы, ласковые обращения направлены на выражение ласкового отношения не к предмету – молоко, печенье-, а к собеседнику), и она ее любит.* Но в гневе Нина обвиняет мать в своей неудачной личной жизни, что, в свою очередь, резко сменяется ласковыми обращениями из чувства вины. Такие перепады в обращении студентам понятны, они называют это по-английски “*guilt trip.*” То, что студентам непонятно,

это отношение Нины к Насте. Речь Насти, насыщенная жаргоном, представляет в этом фильме самую большую трудность для учащихся. Студенты переводят на английский и находят соответствующие эквиваленты в подростковом жаргоне английского языка, что довольно трудно и иногда выражено несколькими словами, например, *вали отсюда* – «takeahike; buttout», *стервозный ребенок* – «bitchy», а это, в свою очередь, и «поганый, злобный, раздражительный, озлобленный, циничный, разнузданный.» Настя часто употребляет штампы и лозунги советского времени, которые требуют дополнительной фоновой информации: «*Не стремись переделывать систему*», «*В жизни всегда есть место подвигу*», «*Знаешь, что такое коммунизм? Это когда у каждого советского человека есть знакомый мясник!*» и т.д. Чтобы выбрать более точную трактовку, студенты проделывают не только большую словарную работу, но и более тщательно анализируют эпизоды фильма, доказывающие (или опровергающие) слова Нины о Насте.

Обсуждение отношений Нины с дочерью начинается с того, какие отношения у студентов со своими братьями и сестрами, относятся ли их родители к ним одинаково. Чаще всего, это искренние высказывания о неодинаковом отношении родителей к детям, которое студенты замечают не в словах родителей, а в поступках. Вот почему студенты осуждают Нину за резкие слова, обилие эмоционально-экспрессивной лексики с отрицательным оттенкомс младшей дочерью и ласковые слова с использованием уменьшительно-ласкательных суффиксов положительной оценки со старшей дочерью. Чаще всего студенты считают, что все должно быть наоборот, потому что, по их мнению, *любимчиками в американских семьях, как правило, являются младшие дети.*

В ходе дискуссии некоторые студенты приходят к выводу, что *Нина хорошо относится к обеим дочерям, но хочет, чтобы младшая дочь выросла более решительным человеком, чем старшая дочь.* Она как мать, по мнению студентов, *закаляет младшую дочь и формирует в ней устойчивость к ударам жизни.* Особенно это видно при обсуждении заключительных эпизодов фильма, когда студенты наблюдают за реакцией матери на то, что любовник старшей дочери уехал в отпуск с другой женщиной, и на то, что младшая дочь забеременела в 15 лет. По мнению студентов, *Нина должна была пристыдить Лиду и утешать Настю,* так как это два совершенно неадекватных события. И, анализируя речь Нины, студенты приходят к выводу, что по всей вероятности, *Лиде "просто нужно больше подбадривающих слов и ласки, чем Насте, а Настя и так все сама преодолевает".*

Тема матерей, родителей и детей очень близка студентам, они с энтузиазмом включаются в обсуждение межкультурных различий семей и отношений родителей с детьми. Параллельно с работой по фильму студенты получают материалы об экспрессивном словообразовании русской разговорной речи, создают словообразовательные ряды с самыми разными суффиксами, чаще всего с продуктивными в русском языке: *толстуха, здоровяга, мяляга, глупыш, малыш, крепыш, слабак, папуля, голосишко,* и т.д., объясняют значения слов как в контексте фильма, так и в упражнениях. Заключительной работой являются (помимо устного обсуждения) две письменные работы: в первой студенты анализируют предложенные из фильма диалоги и выполняют упражнения по словообразованию; во второй им предла-

гаются на выбор три-четыре темы для сочинения: «Как Нина относится к дочерям и матери», «Семья, где дети от разных мужей», «Какое будущее у Нины, Лиды и Насти?» и т.д.

Заключение

Таким образом, как показывает наша практика, изучая языковой материал рассказов и фильмов и работая с ними как с важным иллюстративным материалом, можно значительно повысить интерес студентов не только к русскому языку, но и к проблемам, которые можно обсуждать на занятиях и писать о них сочинения. Положение женщин в обществе является лишь одной из многих тем, с помощью которой можно обучать американских студентов безграничному выбору языковых средств для оформления высказываний и углублению знаний о русском языке, а также расширению страноведческого кругозора, что является очень важным фактором в межкультурной коммуникации.

References:

1. Laird D. Approaches to training and development. Addison-Wellesley, MA, USA, 1985.
Walsh J. and Reese B. Distance learning's growing reach. – *Technological Horizons in Education Journal*, 22, 1995.
2. Zemskaja E.A. (1987) Russkaja razgovornaja rech: lingvisticheskie analiz i problem obucheniya. - М: Русский язык. С. 125. [Russian Colloquial Speech: the analysis and problems of teaching] Krasilnikova L. V. (2001)
3. Slovoobrazovatel'nii component kommunikativnoi kompetentsii inostrannikh uchashchikhsia filologov. М: МАКС Пресс, 2011. 360 с. [Word-Formational Component of Communicative Competence of Foreign Language Students]
4. Stryker, S. B. and Leaver, B. L. (1997) Content-based instruction in foreign language education. Washington, DC, Washington University Press. *Russkaya Grammatika* (1990). – М: Русский язык. [Russian Grammar]
5. Miloslavskii I. G. (1981) Morfologicheskie kategorii sovremennogo russkogo yazyka. – М: Просвещение. [Morphological Categories of Modern Russian]
6. Panov V.M. (1999) Pozitsionnaya morfologiya russkogo yazyka. – М: Наука. [Positional Morphology of Russian]
7. Hardwick Ann (2014) Reviewing the Changing Situation of Women in Russian Society. In <http://www.e-ir.info/2014/12/20/reviewing-the-changing-situation-of-women-in-russian-society/>
8. White Anne (2005) Gender Roles in Contemporary Russia: Attitudes and Expectations among Women Students. *Europe-Asia Studies* 57(3).

Information about the author:

*Alfia Rakova, Research Assistant Professor, Candidate of Philological Sciences
Director of the Language Program
Department of Russian Language and Literature
Dartmouth College
Hanover, NH 03755, USA
Email: alfia.rakova@dartmouth.edu*

Monica Perotto,
Bologna University, Bologna, Italy

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ БИЛИНГВИЗМ: ПРОБЛЕМЫ ТЕОРЕТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА И ТВОРЧЕСКОЙ ПРАКТИКИ

LITERARY BILINGUALISM: PROBLEMS OF THEORY AND CREATIVE PRACTICE

Abstract

The problem of translation as perevod avtora both in the Soviet and post-Soviet period can find an adequate explanation in the dynamic of Russian language policy and sociolinguistic processes developing inside the national republics from 1920s up to now. In this paper I shed light on the so-called “literary bilingualism” in the Soviet Union, an area, where social bilingualism was a historic reality and vertical diglossic relations were established between languages and literatures. National languages were used as local “low” varieties, while Russian language was the official “high” variety of the Union. Ajtmatov represents the typical Soviet writer, symbol of the fusion (slijanie) of the national and Russian literary spirit, derived from “one-way bilingualism” (odnostoronnee dvujazychie), the most widespread form of language contact in the USSR. As Guseinov pointed out, there are several forms of bilingual writing in the Soviet and post-Soviet space. Grutman’s theory of vertical or horizontal linguistic relations in self-translation can help to explain this particular context. After Perestrojka we note a visible change in relations between Russian and national titular languages, leading to an upsetting of the above-mentioned vertical hierarchy and the recovery of official status for the national languages and literatures. National contemporary writers of the post-Soviet area, trying to operate in a profoundly changed literary and publishing reality, must adapt to a new linguistic dominance configuration, including the change of linguistic repertoire and interests of the readers.

Keywords: *Literary bilingualism, self-translation, bilingual writer, diglossia, Russian language and literature, National languages and literatures, language policy, language planning.*

Введение

В последние 10-15 летна Западе все более активно растет научный интерес к художественному билингвизму в его разных аспектах. Данный феномен наблюдается в следующих проявлениях: как индивидуальная творческая практика, связанная с биографией писателя (Бродский, Набоков, Беккет, Дорфман и др.), в форме автоперевода или так называемого «перевода автора», а также как тенденция национальной литературы, развивавшаяся в условиях многоязычия и вызванная глобальными изменениями.

Научные исследования, посвященные прежде всего переводческой деятельности билингвальных авторов, расширяются и обогащаются новыми теоретическими направлениями. В Европе открываются новые исследовательские центры и базы данных (с 2002 г. Helena Tanqueiro заведует центром "Autotrad")⁵⁸, издаются коллективные монографии, новые электронные библиографические указатели, организуются семинары и конференции.⁵⁹

Тем не менее канадский лингвист Т. Ван Болдерен подчеркивает, что в научных исследованиях в области автоперевода продолжает иметь место ряд критических аспектов: не всегда даются четкие определения феномена (автоперевод как процесс, как результат данного процесса или и то и другое); не анализируются все возможные жанры, а только конвенциональные художественные произведения; не все авторы исследуются (предпочтение в основном отдается западным авторам и авторам-мужчинам, в то время как произведения восточных писателей и написанные женщинами анализируются недостаточно); также не всегда ясно, почему авторы переводят самих себя и каким образом [23].

Очень важное замечание исследователей касается отсутствия связи в научном анализе художественного билингвизма между Востоком и Западом. Несмотря на то, что российские научные исследования в этом направлении значительно продвинулись вперед за последние десятилетия, на Западе эти работы практически не известны [4, 10, 18, 19].

С 1939 г. произведения национальной литературы на русском языке или на родном, национальном, а также критические статьи к ним переводились и издавались в журнале «Дружба народов», который был малодоступен зарубежной аудитории.

Сначала в Российской Империи, а потом на советском и постсоветском пространстве социальное двуязычие являлось исторической реальностью. Литературные языки, действующие на этой территории как языки культуры, литературы и образования, были разные, но динамика межъязыковых отношений всегда определялась по вертикали. В Российской Империи и в Советском Союзе языком межнационального общения был русский, поэтому большинство писателей других национальностей являлись билингвами и писали на русском языке, реже сами переводили свои произведения с родного языка на русский или писали о своем опыте «автопереводчиков» [13,15]. Несмотря на существование широкой сети профессиональных переводчиков и активное использование подстрочника, встречались интересные случаи автоперевода.

В настоящей работе дается обобщенная картина такого явления как автоперевод в СССР и РФ в разрезе языковой политики до-и постсоветского периода и прослеживается

⁵⁸Научная группа «Autotrad» работает при Автономном Университете г. Барселона (Departamento de Traducció e Interpretació de la Universitat Autònoma de Barcelona (UAB)

⁵⁹С 2010 г. об этой теме в Европе были организованы следующие международные конференции: *Autotraduzione: teoria ed esempi fra Italia e Spagna (e oltre)*, 10-12 ноября 2010 в г. Пескара, Италия (материалы изданы в [2]); *Autotraduzione. Testi e contesti; frontiere de la langue*, 17-19 мая в г. Болонья, Италия (материалы изданы в [9]); *Autotraduction: frontières de la langue et de la culture*, 20-22 октября 2011 в г. Перпиньян, Франция (материалы изданы в [17]); *Self-translation in the Iberian Peninsula*, 20-21 сентября 2013, в г. Корт, Ирландия.

динамика автоперевода в творчестве некоторых национальных двуязычных писателей в свете новых теоретических моделей.

Теоретическая картина

В Российской Империи и в Советском Союзе преобладало *одностороннее двуязычие*: ситуация, при которой несмотря на то, что у нерусских народов родным оставался их собственный национальный язык, а советская литература создавалась более чем на 90 разных языках [15, с.14], доминирующим при этом являлся русский по схеме диглоссии.

Согласно теории психолингвистики, билингвизм является способностью использовать для общения две языковые системы [23, с.19], и под этим подразумевается, что писатель-билингв может говорить и писать на двух языках. В действительности же выбор языка, на котором автор создает свои произведения, т.е. языка творчества, является обусловленным такими факторами как образование писателя, его лингвистический репертуар, а также престиж, входящих в него языков. Так, например, один из самых известных в Советском Союзе национальный двуязычный писатель Чингиз Айтматов до 38-летнего возраста создавал свои произведения как на родном киргизском, так и на русском языке, а после выхода в 1966 году повести «*Прощай, Гульсары!*» перешёл в основном на русский язык.

Уровень владения двумя языками у него был до такой степени высок, что в его случае можно без сомнения говорить о двух родных языках. Он сам подтверждает, что «в детстве человек может органически глубоко усвоить два параллельно пришедших к нему языка, а может быть и больше, если эти языки были равнодействующими с первых лет. Для меня русский язык не в меньшей степени родной, чем киргизский, родной с детства, родной на всю жизнь.» [1, с.27]. На самом деле успех его произведений, написанных по-русски, начался после выхода повести «*Джамия*» (1957), после того как писатель уже два года отучился на Высших литературных курсах в Москве.

Канадский лингвист Р. Грутман определяет явление автоперевода как не только индивидуальное, но прежде всего как социальное решение автора, продиктованное контекстом, в котором он пишет. Грутман утверждает, что выбор автора происходит в зависимости от вертикальных асимметрий⁶⁰ лингвистических отношений, вызывающих явление *инфраавтоперевода*, когда автор переводит с доминирующего - более престижного языка - на миноритарный, или, наоборот, *супраавтоперевода*, если автор переводит свои произведения на доминирующий язык, находящийся выше по статусу [11, 12]. Очень редко лингвистические отношения строятся на основе горизонтальной симметрии внутри репертуара, т.е. на паритетной основе. Вертикаль лингвистических отношений отмечается и внутри Российской Федерации между русским как государственным языком, языком межнационального общения – *highvariety*, и национальными языками - *lowvariety*.

⁶⁰Понятие вертикальной асимметрии применил впервые итальянский филолог Дж. Фоленна в контексте переводов с латинского языка на «вульгарные», народные языки гуманистического периода итальянской литературы [11, с. 55]. О теории Грутмана можно читать и в другой моей работе [20].

Среди национальных писателей, которые передали анализ своего опыта билингвального творчества, азербайджанский двуязычный писатель Чингиз Гусейнов считает, что творческие стратегии билингвальных писателей мотивированы двумя причинами:

- лингвистической, когда у билингвального писателя абсолютно свободное владение двумя языками;
- социолингвистической, экстралингвистической, когда общество или страна в которых он живет и пишет, двуязычны.

Иногда художественный перевод обусловлен первой причиной, иногда второй, иногда обеими. Как показывает сам Гусейнов в своих научных трудах, в России можно выделить следующие виды билингвального творчества:

1. Творчество на национальном языке и авторский перевод на русский и наоборот (первые произведения Айтматова, творчества Анара, Друце, Быкова);
2. Параллельное творчество на национальном и русском языках без автоперевода (пример киргизского драматурга Байджиева);
3. Временный или постоянный переход писателя с двуязычия на одноязычие (последние произведения Айтматова);
4. Творчество лишь на русском языке, несмотря на то, писатель причисляется к национальной литературе [13, с. 8-9]. Эта самая многочисленная группа, в которую входят такие писатели как Пулатов, Рытхэу, Айпин, Санги, Искандер.
5. Не билингвизм, а «переключение кода»: Толстой писал в том числе и по-французски. Несмотря на то, что французский был доминирующим языком русского дворянства, тем не менее данная практика не получила широкого распространения в русской литературе XIX в.

Если билингвальный писатель может выбрать по сугубо личным причинам определенную типологию творческого процесса, то в советское время решение национальных авторов писать свои произведения на русском языке (группа 4) некоторыми литературными критиками объяснялось отсутствием письменной традиции на родном языке и получением писателем высшего образования на русском языке. В теории Грутмана отмечается, что типичной для процесса *супраавтоперевода* является возможность обращения писателя к широкой публике, что исключается на родном миноритарном языке, как отмечает также Гусейнов [13, с. 9].

Успех национальных писателей, писавших по-русски, нередко вызывал у соотечественников упреки в измене национальным традициям или в «творческом эгоизме» [19, с. 92]. Французский ученый Казанова напротив находит в процессе *супраавтоперевода* положительный аспект для национального писателя, определяя его как «передачу литературного капитала его народа» [7].

Автоперевод как процесс и результат этого процесса

Двуязычный писатель, по мнению Ч. Гусейнова, находится всегда между двумя полюсами - *диктатом читателя* и *диктатом языка*: «Тут диктат как читательский (его

ожидания), так и языковой – наличие качественных различий между языками, традициями, историей, «аурой» слов и понятий» [15, с. 498].

Для одних писателей, выбравших путь автоперевода или творчества на неродном языке, этот процесс может быть как простым и приятным, так и тяжелым и болезненным.

Ч. Айтматов, например, уверял: «Я пишу свои книги на киргизском и русском языках. Если книга написана вначале на киргизском, я ее перевожу на русский, и наоборот. При этом я получаю глубочайшее удовлетворение от этой двусторонней работы» [1, с. 110]. В творчестве Айтматова писатель – мост, и эта метафора прекрасно выражает одновременно и цель и результат творчества национальных писателей.

В эмиграции у писателей иногда возникает своего рода художественная *диглоссия*. Замечательным примером работы по этой схеме является творчество Иосифа Бродского, который в изгнании продолжал писать стихи на русском, а прозу, очерки, сочинял на английском, что, по словам автора, приносило ему своего рода облегчение: «писать на этом языке – как мыть ту посуду: полезно для здоровья» [6, с. 325].

Путь автоперевода напротив может быть трудным, тяжелым. В книге о русской литературной эмиграции первой волны во Франции Е. Веаужоу пишет об усилении автоперевода, вызванном скорее всего не языковыми трудностями, а эмоциональной интерференцией. [5, с. 40].

В процессе автоперевода нередко происходит слияние традиций русской и национальной литератур. Данное явление может быть очень продуктивным для их развития и обогащения, так как приводит к новой типологии художественных жанров, таких, например, как роман-сказка («*Белый пароход*» Айтматова), мифологическая повесть, повесть-притча («*Когда киты уходят*» Рытхэу), повесть-легенда («*Однажды очень давно*», Байджиев). Владение двумя лингвистическими и культурными системами выводит национальных писателей за пределы национальной, иногда устной эпической литературы на родном языке до универсального уровня поэтики и эстетики. Так, в повести «*Первый учитель*» (1962) Айтматов совершает настоящую работу переоформления поэтических образов, где киргизская культура соединяется с советской: молодой киргизский *джигит* приближается к образу советского комсомольца, и другие типичные реалии киргизской культуры адаптируются к реалиям советской жизни.

Данное слияние происходит только в случае *координативного двуязычия* писателя, что было типично для советского периода в республиках Советского Союза.

В современном постсоветском пространстве, в так называемом «ближнем зарубежье» роль русского языка все чаще вытесняется национальным языком и развивается *субординативный билингвизм*, где русский используется как второй или даже третий язык. Языковая и образовательная политика (*language policy* и *language planning*) определяют направление литературного развития, выбор писателей и вкус читателей. Молодое поколение отдает предпочтение изучению английского языка, нежели русского, и все меньше читает на русском языке. В республиках СНГ русский язык продолжает выполнять роль *lingua franca* и все больше становится рабочим языком, но не языком культуры

народа. Литература на национальном языке активнее распространяется и издается по сравнению с советским периодом, но рынок национальных изданий остается по-прежнему бедным, а тиражи мизерными. Выбор писателями автоперевода часто продиктован чисто практическими соображениями: например, отсутствием профессиональных переводчиков либо их слишком высокими гонорарами, по словам киргизского писателя Т. Мадылбая. Сегодня еще часто продолжает применяться подстрочник и тесное сотрудничество с переводчиком, что является неизбежной деятельностью также и для многих европейских авторов⁶¹.

Автоперевод исключается, когда билингвизм угрожает процессу идентификации народа (характерны в этом направлении позиции эстонского писателя Мати Хинт) или мешает распространению его национальной литературы, как считается в Грузии [22]. Продолжают прибегать к русскому языку только те писатели, которые стремятся выйти за узкие рамки национальных границ⁶².

С другой стороны, редким явлением оказывается переход от *супраавтоперевода* к *инфраавтопереводу*, при котором писатель переписывает свой «второй оригинал» на национальном языке [15, с. 390]. Для оживления своей культуры и исчезающего языка писатели часто предпочитают прибегать к зарубежной помощи (так, в начале 90-х годов Рытхэу был вынужден печатать свои работы в Германии и Швейцарии), в том числе и к помощи иностранных ассоциаций⁶³.

Заключение.

Автоперевод как творческий процесс в литературе представляет собой следствие распространённого плюрилингвизма в глобальном мире. Писатели все чаще оказываются в условиях мультиэтнического контакта, но используемые ими языки не всегда имеют равный престиж и стандартизацию, поэтому выбор творческого языка иногда зависит от языковой политики страны. Таким образом, особого внимания заслуживает динамика развития художественного билингвизма как лингвистического и культурного явления в советское и в постсоветское время. К сожалению, западные и восточные исследования данного феномена остаются до сих пор достаточно изолированными.

Если применить к советской эпохе теорию Р. Грутмана, основанную на схеме вертикальных отношений между языками лингвистического репертуара, можно интерпретировать явление автоперевода как процесс *супраавтоперевода*, при котором выбор в пользу престижного доминирующего русского языка позволяет нерусскому национальному писателю передать более широкой публике литературное наследие своего народа. Процесс отстранения от национального художественного материала нередко позволял писателю обога-

⁶¹ См. замечания Умберто Эко в [9]. Данный тип перевода принято называть в России *авторизованным* переводом.

⁶² Для нашего исследования [22] мы взяли интервью у 6 современных грузинских писателей, и только один (Иракли Ломоури) признал, что перевел некоторые свои произведения на русский язык. Все остальные не выразили на это особого желания. Двое из них предпочитают писать свои произведения прямо на английском языке (Зураб Карумидзе, автор романа *Dagny or a Love Feast*) или на немецком, Нино Харатишвили (*Meinsanfter Zwillling*).

⁶³ См. проект *Kulturstiftung Sibirien* о преподавании языков эвенков, коряков, ительменов (автор Erich Kasten): http://www.kulturstiftung-sibirien.de/index_R.html.

тить собственные поэтические образы и их развитие за счет сближения с интернациональными культурными моделями. Благодаря творчеству Ч. Айтматова и М. Байджиева в Киргизии данный процесс произвел своего рода «литературную алфавитизацию» страны.

В постсоветское время преобладает противоположный процесс *инфраавтоперевода*, когда возрождение национального суверенитета приводит к защите национальной культуры и титульных языков. На литературном рынке, несмотря на экономический кризис, все активнее развиваются национальные издательства, и это стимулирует молодых авторов писать на родном языке. Автоперевод все более ограничивается писателями, получившими образование в советское время и обладающими высоким уровнем *координативного билингвизма*. Вытеснение русского национальным языком вызывает развитие *субординативного билингвизма* и снижение профессионального уровня художественных переводов. Писатель колеблется между двумя ориентирами: необходимостью удовлетворения языковых традиций и приобретением широкой читательской аудитории. Очевидно, что развитие его творческого пути во много зависит от политических, национальных и глобальных тенденций. В этом отношении русский язык мог бы сыграть еще немаловажную роль как язык культуры, способствующий слиянию и взаимному обогащению литературных моделей.

References:

1. Ajtmatov Ch. (1988) *Stat'i, vystupleniya, dialogi, interv'ju* [Essays, speeches, dialogues, interviews] Moskva: Agenstvo Pechati Novosti.
2. Arquez M.R., D'Antuono N. (editors) (2012) *Autotraduzione: teoria ed esempi fra Italia e Spagna*(eolre) [Self-translation: theory and examples between Italy and Spain] Milano: LED
3. *Autotraduzione/autotraducción/self-translation (Bibliography on self-translation up to 2013)* (XIV edition, ed. by Julio César Santoyo, Eva Gentes) Available: <https://app.box.com/s/7o2zwpyt7oofksi4soev> (10.02.2017)
4. Bachtikireeva, U.M. (2009) *Tvorcheskaya bilingval'naya lichnost' (osobennosti russkogo teksta avtora tjurkskogo proischozheniya)* [Bilingual creative writing: particular features of Turkish authors' text in Russian] Astana: CBO i MI.
5. Beaujour E.K. (1989) *Alien Tongues: Bilingual Russian Writers of the First Emigration*, Ithaca and London: Cornell University Press.
6. Brodskij I. (1999) *Poltory komnaty. // Sochineniya Iosifa Brodskogo* [A room and a half. // J. Brodsky's Selected works], Sankt Peterburg: Pushkinskij Fond.(V)316-354.
7. Casanova P. (2002) *Consécration et accumulation de capital littéraire // Actes de la recherche en sciences sociales*(144), 7-20.
8. Khazankovich Ju. G.(2009) *Bilingvizm kak protsess mezkul'turnoy kommunikatsii i ego funkcionirovanie v proze malochislennyh narodov Severa i dal'nego Vostoka* [Bilingualism as intercultural communication process and its dynamics in the prose of Northern authors], *// Vestnik Yakutskogo Gosudarstvennogo Universiteta*(6, 1), 101-106.
9. Ceccherelli A., Imposti G.E., Perotto M. (editors) (2013), *Autotraduzione e riscrittura*, [Self-translation and rewriting] Bologna: Bononia University Press.
10. Dadažanova M.(1984) *Both Are Primary: An "Author's Translation" is a Creative Re-creation // Soviet Studies in Literature*, XX (4) 67-79.

11. Grutman R. (2011) Diglosia y Autotraduccion "Vertical" (En y Fuera de Espana)// X.M. Dasilva, H. Tanqueiro (editors), *Aproximaciones a la autotraduccion* [Diglossia and Vertical Self-translation//Approximation to self-translation], Vigo: Editorial Academia del Hispanismo, 69-91.
12. Grutman R. (2013) Beckett e oltre: autotraduzioni orizzontali e verticali//*Autotraduzione e riscrittura* [Beckett and beyond: horizontal and vertical self-translations// Self-translation and rewriting], Bologna: Bononia University Press, 45-61
13. Gusejnov Č. (1972) *Problema dvujazychnogo chudozhestvennogo tvorcestva v sovetskoj literature* [The problem of bilingual literary creation in Soviet literature] Moskva: Izvestiya.
14. Gusejnov Č.(1987) O dvujazychnom chudozhestvennom tvorcestve: istoriya, teoriya, praktika // *Voprosy Literaturny* [On bilingual lieterary creation: history, theory and practice] (9) pp. 79-112.
15. Gusejnov Č.(1988) *Ètot zhivoj fenomen. Sovetskaja mnogonatsional'naja literature vchera i segodnya*. [This live phenomenon. Soviet multinational literature yesterday and today] Moskva: Sovetskijpisatel'.
16. Gusejnov Č. (2009) *Minuvšee – navstreču*, Moskva: Sovetskij pisatel'.
17. Lagarde C., Tanqueiro H. (editors) (2013), *L'Autotraduction aux frontiere de la langue et de la culture* Limoges: Lambert Lucas ed.
18. Mikhailovskaya N.(1984) Bilingualism in Soviet Literature // *Soviet Studies in Literature* (XX, 4)51-66.
19. Osmanova Z.G. (1993) Sovremennye aspekty literaturno-chudozhestvennogo dvujazychiya // *Sposobnost' k dialogu, chast' pervaya*. [Contemporary aspects of literary bilingualism. //Attitude for the dialogue, first part] Moskva: Nasledie. Nauka, 76-104.
20. Perotto M. (2013) Oltre Ajtmatov: sulla pratica autotraduttiva nelle repubbliche sovietiche//*Autotraduzione e riscrittura* [Beyond Ajtmatov: Notes on Self-Translation in the Soviet Republics// Self-translation and rewriting] Bologna: Bononia University Press, 183-195.
21. Perotto M. (2013) Bilinguismo letterario e autotraduzione in URSS: il caso degli scrittori nazionali di origine turcofona//G. Moracci, A. Alberti (editors). *Linee di confine. Separazioni e processi di integrazione nello spazio culturale slavo* [Literary bilingualism and self-translation in the USSR: the case of Turkophone national writers] Firenze: Firenze University Press, 369-387. Available: [http://www.fupress.com/archivio/pdf/2713_6338.pdf\(10.02.2017\)](http://www.fupress.com/archivio/pdf/2713_6338.pdf(10.02.2017))
22. Perotto M. (2014) Bilinguismo letterario e politica linguistica nell'area postsovietica: il caso georgiano // C. Montini (editor) *La lingua spaesata. Il multilinguismo oggi* [Literary bilingualism and language policy in the post-Soviet area: the case of Georgia//The disoriented language. Multilingualism today] Bologna: Bononia University Press, 163-179.
23. Van Bolderen T. (2013) La (in) visibilit  dell'autotraduzione: ricognizione critica degli studi sulle traduzioni autoriali//*Autotraduzione e riscrittura*, [The (In) visibility of Self-Translation: a critical *Ètat des Lieux* of Self-Translation research//Self-translation and rewriting] Bologna: Bononia University Press, 153-166.
24. Vereshchagin E.M. (1969) *Psihologicheskaya i metodicheskaya charakteristika dvujazychiya* [Psychological and methodological chacteristics of bilingualism] Moskva: izd. Moskovskogo universiteta.

Information about the author:

Monica Perotto is research fellow and assistant professor of Russian language and linguistics at the Department of Modern Languages, Literatures and Cultures at Bologna University. She is the author of the monograph *Lingua e nazionalità nelle repubbliche postsovietiche* (1996) and has written articles about translation, discourse analysis, sociolinguistic problems of Russian language, bilingualism and language policy in Georgia and Central Asia, the role of Russian language in the USSR and CIS. She has published a book on Russian immigration in Italy (*Lingua e identità nell'immigrazione russofona in Italia*, 2009) including the study of code switching and code mixing strategies in oral immigrant speech. She has worked at the RSUH University of Moscow during the Erasmus Mundus grant period (2010, 3 months) and is coordinating a double degree study program with this university. At the moment she is a member of the Tempus project ALLMEET, Actions of Lifelong Learning addressing Multicultural Education and Tolerance in Russia (<http://www.allmeet.org/ru/>).

Her web page: <https://www.unibo.it/sitoweb/monica.perotto>.

E-mail: monica.perotto@unibo.it,

Некоторые публикации:

Perotto M. (2009), *Lingua e identità dell'immigrazione russofona in Italia*, Napoli: Liguori ed.

Перотто М. (2010) “Двуязычие и миграции в русскоязычных общностях”, *Language and Society in Present-Day Russia and other Countries, International Conference. June 21-24, Moscow: Russian Academy of Sciences, vol.1, 193 - 199.*

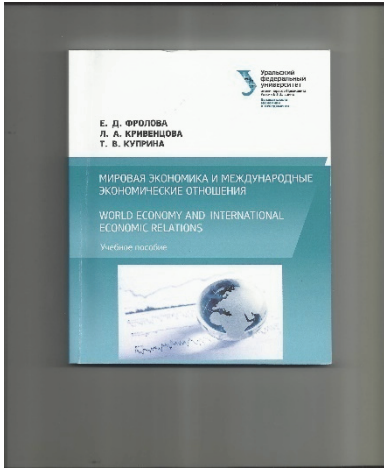
Perotto M. (2014), "Post-Soviet Russian Speaking Diaspora in Italy: Results of a Sociolinguistic Survey", L. Ryazanova-Clarke (ed.) *The Russian Language Outside the Nation*, Edinburgh: Edinburgh University Press, 143-165

Perotto M. (2015), *The presence of the Italian language in the linguistic landscapes of Moscow*, in: *Dimensions of Sociolinguistic Landscapes in Europe. Materials and Methodological Solutions*, Frankfurt am Main, PETER LANG, pp. 263 – 282

Perotto M. (2015), “Evidence of attrition in second-generation Russian Speaking immigrants in Italy”. *Russian Journal of Communication, vol.7, Issue 2, 242-247*

Review

E. D. Frolova, L. A. Kriventsova, T. V. Kuprina WORLD ECONOMY AND INTERNATIONAL ECONOMIC RELATIONS: a text book / E. D. Frolova, L. A. Kriventsova, T. V. Kuprina. – Yekaterinburg : UrFU, 2016. – 157 p. ISBN 978-5-7996-1782-0

In 2016 in Yekaterinburg, Russia there was published a course book “World Economy and International Economic Relations” corresponding to the EPAS Program for the training course “World Economy” in the English language at the Ural Federal University.

The general purpose of the course is to help students to get basic knowledge about the main development trends of the world economic system in globalizing world, especially at its current stage. The main tasks of the discipline are the following:

– get some knowledge of basic and modern theories and approaches (including the geoeconomic approach), problems and trends of the world economy development, to seek solutions to

these problems;

- study the stages, structure and dynamics of the modern world economic system;
- get some knowledge of the attributes of the new methodology of world perception: globalistics and geoeconomics;
- study the experience of integration groups and transnational companies, leading countries and global actors;
- get special knowledge and practical skills on cross-cultural communications for improving ways of leadership in any organization and adaptation in the cross-cultural environment.

As a result the course has to form students’ knowledge, skills, experience to analyze the current situation in the globalizing world, to apply theoretical knowledge in practice, to obtain information on the new trends of the world economy development and to be able to forecast some factors.

The course book includes theoretical aspects such as the essence of World Economy, global actors and main global trends of the world economy development – globalization, internationalization, transnationalization, regionalization and integration. Special attention is paid to the problem of transformation of the world order under the influence of globalization, cross-cultural diversity and international migration problems.

The course book consists of three parts. The **first part** “WORLD ECONOMY AND INTERNATIONAL ECONOMIC RELATIONS: THEORETICAL ASPECTS» discovers the essence of main concepts of the world economy and international economic relations, international labor division at the current stage and cardinal problems of world economy, models of international economic relations. The authors include both traditional and modern approaches to explain the main concepts of the discipline, characteristics of the modern stage of the world economic system and their interrelation in world economy development.

The **second part** “GLOBAL TRENDS IN WORLD ECONOMY” reveals the essence and contradictions of globalization, new forms of internationalization, transnationalization and their advantages and disadvantages, international economic integration and its modern form.

The **third part** “COUNTRIES AS ACTORS IN WORLD ECONOMY” is devoted to the classification and ranking of countries on the basis of the traditional indicators, as well as countries’ competitiveness ranking, scientific and technical potential of world economy, international innovation rankings.

Among the most specific features we would like to highlight two of the most striking, the ones that distinguish the course book from the other ones. Firstly, a special place is taken by a concept “geoeconomics”, the new methodology of understanding the world. The authors briefly relate the essence of the American, Italian, Russian scientific schools of geo-economics. In addition to the basic simplest concepts (the model of foreign economic relations and economic borders, etc.), the authors reveal the essence of such complex categories as internationalized reproduction processes, world income as a cause of global companies’ power etc. They make it possible to form the theoretical basis of the analysis of the spatial architecture of the modern world economic system. The interconnection of traditional and geoeconomic approaches enables to more accurately and adequately interpret the results of the analysis of the processes taking place in the world economic system, their contradictions. The book includes statistical data about global trends of the world economy and countries’ development.

Much attention is paid to the international labor migration concept and cross-cultural communication in international cooperation. It is a well-known fact that the world economy is increasingly dependent upon migrants’ labor force. However, there are a lot of problems connecting with migration flows and their adaptation to the new cross-cultural environment. It concerns both low and highly qualified migrants and even their families. In the course book there are types of migration, comparison of international migration flows for different countries, causes of cultural diversity and their consequences. Among humanitarian factors the authors consider verbal and non-verbal communication as well as crucial points of the behavior in the intercultural environment: mindfulness, cultural relativism and biculturalism, predicting others’ behavior and responses, self-monitoring, tolerance for ambiguity, managing anxiety and dealing with communication fear, being non-judgmental, showing empathy, achieving clarity and communicating a relationship as well as a task orientation.

Generally speaking, both working internationally and studying in a foreign country make high demands on individuals’ ability to cope. The technique for coping with stress and experiential learning can be used to facilitate adaptation.

The course book will be useful to students, post-graduate students, specialists in the field of the world economy and international relations. It can help understand the essence of World Economy as a system, its elements; discover all forms and types of international economic relations; clarify the features of World Economy and International Economic Relations development; discover new actors of World Economy; differentiate globalization, globalism, anti-globalization, expansionism; measure globalization, adapt to the cross-cultural environment.

Characteristics of the journal: international, peer-reviewed, scientometric databases,
published three times a year, open access articles.

Type setting DTP: L. Shmielt

Printing risography.

Format 60x84 1/16. Offset paper N1. A printed sheet 7.5.

Circulation 100.

Publisher address: Russian Department, Middlebury College, Middlebury, Vermont, USA
e-mail: infoccs.edu@gmail.ru